

В.Ф. ГЛУХОВСКИЙ

**ИСТОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В ОРЕНБУРЖЬЕ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Оренбург, 2002

ББК 63.3 (2)6-28
УДК 9(с)(02)
Г55

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Оренбургского государственного аграрного университета (председатель – профессор В.В. Каракулев).

Пособие написано в соответствии с программой курса “Отечественная история”, утверждено на заседании кафедры теории, истории государства и права и истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (протокол № 10 от 28 мая 2002 г.).

РЕЦЕНЗЕНТ:

А.В. Федорова

доктор исторических наук, профессор

Глуховский В.Ф.

Г55 История предпринимательства в Оренбуржье (XVIII – начало XX вв.). – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2002. – 124 с.

Автор, не претендуя на полноту освещения истории предпринимательства в Оренбуржье, предлагает учебное пособие, призванное помочь студентам глубже познать ее отдельные страницы.

© Глуховский В.Ф., 2002

© Издательский центр ОГАУ, 2002

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время у нас в стране много пишут и говорят о предпринимательстве, о необходимости усвоения его исторического опыта, важности возрождения его исторического опыта, важности возрождения ценных дореволюционных традиций.

У всех изучающих и интересующихся историей предпринимательства на слуху фигуры видных представителей предпринимательского мира России XVII — начала XX вв. — Демидовых, Строгановых, Бахрушиных, Рябушинских, Третьяковых и др. Восхищают не только их деловая хватка, предприимчивость, масштаб, но и другие аспекты многогранной деятельности на ниве благотворительности и меценатства.

Российских предпринимателей мы прежде всего представляли по произведениям А.Н. Островского, Д. Мамина-Сибиряка, А. Мельникова (Печерского) и других, не всегда обращая внимание на подчеркнутые великими писателями основательность, справедливость, доброту, отзывчивость, присущие предпринимателям прошлого. В советский период к предпринимателю было прочно сформировано отношение — “денежный мешок”, эксплуататор, кровопийца. Образ предпринимателя облакался самыми ненавистными чертами, становился объектом огульного осуждения и всеобщей неприязни.

Предприниматели подвергались в советское время тотальному истреблению до последнего представителя. Но племя предпринимателей существовало всегда, возрождалось, действовало и тревожило своими действиями других, однако развивалось уродливо, подпольно и жестоко расплачивалось за свою активность.

Активная и целенаправленная деятельность чаще всего ассоциируется с зарождением и утверждением капиталистических отношений, хотя отдельные ее элементы появились еще в эпоху господства феодализма. Что же под ней обычно подразумевается?

Свободное предпринимательство — это индивидуальное или коллективное занятие каким-либо видом экономической активности (торговлей, ремесленным и более крупным промышленным производством, строительством, добычей полезных ископаемых, транспортом, товарным земледелием и скотоводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, кредитованием и т.д.), направленным прежде всего не на удовлетворение собственных потребностей, а на извлечение прибыли.

В свою очередь прибыль вновь вкладывается в дело. Для предпринимательства характерны тесная связь с рынком, кооперация и разделение труда, самокупаемость, отсутствие принуждения, владение частной собственностью, самостоятельность принятия решений, использование наряду с личным участием предпринимателя в той или иной степени наемного труда, ориентация на получение прибыли, готовность к риску.

Лишь наличие всех (в крайнем случае, подавляющего большинства) указанных выше признаков позволяет уверенно называть определенный вид экономической деятельности предпринимательством.

Корни предпринимательства в России уходят в седую древность. Глубинные его истоки прослеживаются с IX — X вв., когда государство активно подключилось к международной транзитной торговле, участников которой, воинов-купцов, можно по праву назвать далекими предшественниками более поздних предпринимателей.

К XI в. на Руси завершается формирование купечества, как особой профессиональной и социальной группы населения.

Становление на Руси мелкотоварного производства началось еще в XI в., а завершилось только через шесть столетий. Насчитывались сотни ремесленных специальностей, но лишь изготовление продукции для рынка свободными городскими и сельскими ремесленниками можно отнести к одному из формирующихся видов предпринимательской деятельности.

Преемственность торгово-ремесленной деятельности сохранилась и после монгольского нашествия в ведущих центрах Северо-Западной Руси (Новгороде, Пскове, Смоленске). Постепенно восстановилась она на северо-востоке, куда устремились переселенцы из южных районов. Москва, Тверь, Суздаль, Владимир,

Нижний Новгород превратились в крупные центры ремесла и торговли.

В объединенной России XVI – XVII вв. продолжалось становление купеческого сословия — главного носителя предпринимательского начала в жизни общества. По мере расширения государственной территории в России создаются возможности для функционирования крупного купечества, накопления значительных денежных средств и товарных масс. Торговый люд быстрее всех приспосабливался к глубоким потрясениям второй половины XVI в., вызванным опричниной, эпидемиями, неурожаями, длительной Ливонской войной.

Товарно-денежные отношения подталкивали непосредственных производителей к выпуску продукции в торговый оборот, т.е. наблюдалось взаимопроникновение производства и рынка. Если в XVI в. произошло становление мелкотоварного производства, то в XVII в. более отчетливо выражаются новые явления — ранние мануфактуры, вовлечение южных районов в Сибири в общероссийский хозяйственный оборот, расширение наемного труда.

В XVIII столетии российское предпринимательство занимает особое место не только из-за несравненно возросших масштабов, сфер и всех количественных показателей частноэкономической деятельности, но и, что особенно важно, — благодаря достигнутым успехам в создании условий для промышленного предпринимательства в собственном смысле.

С середины 30-х годов XVIII в. начинает активно заселяться Оренбургский край. И к этому же времени относится начало “оренбургской коммерции”. Первопоселенцы организовывали торговлю, стали открывать и осваивать месторождения различных руд и металлов. Богатства оренбургских недр способствовали возникновению горнозаводской промышленности. Зачинателями заводского строительства и производства стали деятельные и предприимчивые симбирские купцы братья Твердышевы, И.С. Мясников, знаменитые заводчики Демидовы, граф П.И. Шувалов, граф К.Е. Сиверс и др.

Важное место в хозяйстве края занимал Илецкий соляной промысел. Развивались в губернии и другие отрасли промышленности: мукомольная, кожевенная, салотопенная, винокуренная.

Рост сельскохозяйственного и промышленного производства способствовал развитию внутренней и внешней торговли,

втягиванию края в систему всероссийского рынка. Развивается ярмарочная и базарная торговля. В Оренбурге, Троицке, Орске возникли меновые дворы.

В силу своего выгодного географического положения Оренбургская губерния вплоть до 1868г. сохраняла статус приграничной территории и являлась плацдармом для проникновения в Среднюю Азию. Этот статус она исчерпала после завоевания Кокандского и Бухарского ханств и перенесения пограничной линии на Сыр-Дарью. Длительное время Оренбуржье являлось важным центром торговли, связующим звеном Европейской России с Уралом, Сибирью, Казахстаном и Средней Азией.

Развитие торговли и предпринимательства на Южном Урале являлось объектом изучения историков, экономистов, журналистов, ряда краеведов. Опубликованные материалы существенно отличаются друг от друга в подходах, оценках и теоретическом уровне.

Ценный материал об экономическом положении края, развитии торговли и предпринимательства содержится в трудах П.И. Рычкова, В.Н. Татищева, В.П. Безобразова, М. Майера, Н.В. Ремезова, Н.И. Гурвича, В.М. Черемшанского, П.Н. Столпянского.

Несомненный интерес представляют материалы, опубликованные в трудах Оренбургской ученой архивной комиссии Н.С. Шукшинцевым, А.И. Мякутиным, Н.М. Чернавским, С.А. Словоохотовым, И.В. Черновым.

Интересные сведения о социально-экономическом развитии Оренбуржья в дореволюционный период содержатся в трудах А.Е. Алекторов, А. Гельмгольца, А. Добромыслова, А.А. Клопова, С. Когена, П.П. Червинского, П.А. Хворостанского, Р.И. Прегера, Г.П. Сазонова.

Среди работ послереволюционного периода, которые в той или иной мере касаются развития предпринимательства, можно отметить исследования А.Ф. Рязанова, С.И. Шпицера, М.П. Красильникова, Ш. Типеева, А.Б. Чурко.

Отдельные аспекты предпринимательства в Оренбуржье нашли отражение в обобщающих трудах Р.М. Раимова, И.Ф. Гиндина, Н.В. Гужвенко, Л.И. Селивановской, Р.Г. Кузеева, Б.Х. Юлдашбаева, И.В. Комара, Л. Граммакова, С.М. Васильева, Р.З. Янгузина.

В работах Н.Н. Алеврас, Ю.П. Злобина, Ю.С. Зобова, Д.А. Сафонова, Б.С. Давлетбаева, Л.И. Футорянского, Д.В. Гаврилова, А.В. Федоровой, В.С. Кобзова, Т.К. Махровой, Д.П. Самородова, Е.В. Банниковой в контексте исследуемых ими проблем нашли отражение отдельные моменты развития торговли и предпринимательства в Оренбургском крае и на землях Оренбургского казачьего войска.

Автор при подготовке учебного пособия “История предпринимательства в Оренбуржье (XVIII – начало XX вв.)” опирался на вышеназванные работы, а также на материалы, содержащиеся в Центральном Государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО), Государственном архиве Челябинской области (ГАЧО).

I. Основание края и развитие «оренбургской коммерции» (вторая треть XVIII – конец XVIII в.)

Зарождение и развитие предпринимательства в Оренбуржье в XVIII в. тесным образом связано с послепетровской эпохой. Напомним, что Пётр I не столько повёл Россию вперёд, сколько, по словам поэта П.А. Вяземского, “вздёрнул её на дыбы”. Петровские наследники, казалось бы, обнаружили неспособность продолжать дело преобразователя. Россия разлагалась. Однако при анализе последующих событий видно, что дело обстоит иначе. Прекращение реформ произошло из-за непоследовательности их, спонтанности: и за торговлю, промышленность и за другие дела Пётр I брался наскоком, с середины и конца, поддаваясь и временным настроениям¹.

В отношении развития предпринимательства необходимо отметить, что мерами беспощадной эксплуатации народа, страха, перенапряжения экономики Россия взрастила десятка полтора крупных капиталистов, фабрикантов, заводчиков, купцов, которые своей мощью при поддержке государства подавляли деятельность других носителей предпринимательства — мелких купцов, торгующих крестьян, ремесленников, кустарей. Крупные предприниматели прямо или косвенно обслуживали то, что можно назвать военно-промышленным комплексом. Именно в его интересах из-за границы выписывались образцы оружия и технические специалисты, создавалось полотняное, канатное, кожевенное производство, металлургия. Крупные предприниматели, “компании” становились частью государственной системы, срастались с мощным бюрократическим аппаратом.

При внешнем отходе от преобразований Петра черты созданной им системы сохранялись и развивались. В экономике после

Петра I остались старые проблемы: истощение казны, разорение крестьян, содержание армии и флота, господствующего сословия — дворян — за счёт народа. Добавим к этому страшную бедность, бесправие тяглого сословия. Спасаясь от такого бесправия, гнёта и нищеты, тысячи людей в поисках лучшей доли бежали на окраины империи, в том числе в Заволжье.

Постепенное заселение огромных территорий в ходе сначала спонтанной, а затем и организованной колонизации, необходимость перестройки управления Башкирским краем и прилегающих к нему областей, добровольное присоединение Малой казахской орды 19 февраля 1731 года к России, укрепление юго-восточных границ поставили перед правительством задачу создания новой административно-территориальной единицы на Южном Урале.

Очевидно, что этот вопрос решался не на скорую руку, а продуманно, целенаправленно, начиная с середины 30-х годов XVIII века. Для этого обер-секретарь Сената И.К. Кириллов (1695 — 1737) разработал обстоятельный проект-обоснование специальной экспедиции “Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах”. Во второй части “Изъяснения” обосновывались необходимость и задачи организации специальной экспедиции на Яик, к границам Казахстана. Задачи определялись масштабные: основание в устье реки Орь нового города-крепости и цепи укреплений по Яику и другим рекам, которые составили бы пограничную линию. Именно это, по мнению И.К. Кириллова, обеспечивало бы прочное закрепление России на юго-восточных рубежах и открывало пути в Среднюю Азию и даже в перспективе — в далёкую Индию².

Сенат рассмотрел “Изъяснения” и 1 мая 1734 года утвердил проект экспедиции, которая в целях секретности именовалась “Известной”, а затем стала именоваться “Оренбургской”. Деятельность “Известной” экспедиции с 1734 по 1744 годы тесно связана с именами И.К. Кириллова, В.Н. Татищева, И.И. Неплюева.

В результате “Известной” (переименованной затем в 1737 г. в “Оренбургскую”) комиссии на территории Южного Урала в 1744 г. образовалась Оренбургская губерния с центром в г. Оренбурге. Губерния была разделена вначале на следующие провинции: Оренбургскую, куда входил Оренбург с крепостями по Уралу, Уфимс-

кую — Уфа, Мензелинск, Табинск с крепостями и слободами³. В Оренбургскую губернию входила территория Яицкого казачьего войска.

В течение XVIII в. Оренбургская губерния неоднократно изменялась в административном устройстве: в 1752 году к губернии был присоединён от Астраханской губернии Гурьев-городок, в 1773 году от Казанской — Самара. 23 декабря 1781 года образовано Уфимское наместничество из двух областей: Уфимской и Оренбургской. В составе первой было 8 уездов, а второй — 5 уездов. Во время этой административной перестройки Уральск и Гурьев отошли к Астраханской губернии, Оса и Шадринск — к Пермской, Самара и Ставрополь — к Симбирскому наместничеству. В 1796 году Уфимское наместничество снова переименовывается в Оренбургскую губернию⁴. В течение всего XVIII века шёл поиск оптимальной конфигурации территории, лучшей управляемости, продолжалось её заселение. По данным Ю. М. Тарасова, в конце XVIII — начале XIX века в губернии насчитывалось 884787 душ обоего пола⁵.

По мере стабилизации административно-территориального устройства, заселения края происходило его экономическое освоение, в котором заметное место отводилось предпринимательству. К нему, по нашему мнению, можно отнести людей, организующих производство и торговлю с целью извлечения определённого дохода. В XVIII веке термины “предприниматель”, “предпринимательство” в Оренбургской губернии не употреблялись. Были в это время употребимы: купцы, заводчики, фабриканты, крупные торговцы, мукомолы, скотопромышленники. Основной ключевой фигурой в Оренбургском предпринимательстве, несомненно, являлся купец, заводчик.

Развитие предпринимательства (и торговли как одной из его сфер) в империи и в Оренбургском крае связано с проводимой правительством экономической политикой. В 1730 году был отменён указ Петра I о единонаследии. Затем крепостные крестьяне были лишены права брать откупы и подряды, то есть заниматься торговлей (1731 г.), а рабочие-мастеровые на мануфактурах были “вечно закреплены” (1736 г.). В 1736 г. сперва запрещено, а в 1747 г. вновь было разрешено фабрикантам покупать деревни к фабрикам⁶.

На развитии торговли положительно сказалось уничтожение внутренних таможенных и мелочных сборов в 1753 г.,⁷ принятие Таможенного Устава в 1755 г.⁸ Развитию коммерции способствовали учреждение первого Коммерческого (“Купеческого”) банка в России, запрещение заводить фабрикантам “безуказное производство” и, наконец, в 1758 г. — установление монополии винокуренения для дворян-помещиков. Что же касательно начала оренбургского предпринимательства (или, как тогда говорили, коммерции), то условия для него были весьма благоприятные. Это свидетельствует о том, что развитию торговли в Оренбургском крае отводилось значительное место, хотя перед губернской администрацией на первом плане стояли задачи военно-административного порядка.

Уже в привилегии городу Оренбургу, данной императрицей Анной Иоанновной, чётко обозначилась поддержка торговли и предпринимательства, давались определённые льготы. Среди них отметим право всем (кроме беглых) селиться, торговать, заниматься ремеслом беспрепятственно, освобождение города Оренбурга с 1735 по 1738 гг. от всех пошлин за все товары, находившиеся в торговле, “свободное произведение всем, как россиянам так и иностранцам, всяких заводов и фабрик с позволения и рассмотрения Магистрата...”⁹.

Отметим, что “Привилегия” была первым документом, где приветствуется развитие торговли и предпринимательства в Оренбурге, но в ней содержались и серьёзные ограничения. Кроме купечества и ремесленников не позволялось заниматься торговлей духовным и штатским чинам, ремесленникам, не записавшимся в цех.

Очевидно, что развитие торговли в XVIII веке в Оренбуржье не могло успешно развиваться без товарного наполнения складывающегося регионального рынка. И здесь важное место занимало предпринимательство в промышленности. Развитие её на Южном Урале достаточно освещено в трудах историков¹⁰. Уже с самого начала заселения края интерес предпринимателей был связан с открытием и освоением месторождений различных руд и минералов. Начало же строительству горных заводов было положено ещё в конце XVII в. Выдающийся инженер Вильгельм де Геннин, в частности, отмечал, что 23 апреля 1699 г. начал строиться Невьянс-

кий завод на р. Нейве. В 1700 г. к нему было приписано свыше 1600 крепостных. В 1702 г. петровское правительство отдало этот завод тульскому заводчику Никите Демидову¹¹. Богатства недр Южного Урала способствовали возникновению горнозаводской промышленности. Первыми заводчиками и основателями её стали выходцы из других губерний — симбирские купцы И. Твердышев, И. Мяснинов, балахнинский И. Осокин. Вслед за ними последовали граф К. Сиверс, Я. Коробков, С. Иноземцев, Г. Красильников, П. Шувалов и К. Матвеев, А. Строганов, Г. Глазунов, А. Глебов, М. Губин.

Для многих купцов, заводчиков предпринимательство на Южном Урале стало семейным делом. Историк А.И. Аксёнов отмечает: “Семья, семейное дело — одно из неперенных условий складывания буржуазного способа производства. Оно определено житейской необходимостью не просто преемственности предпринимательских усилий, перенимания торгово-промышленных навыков, но прежде всего производством и воспроизводством капитала”¹². Важнейшей задачей семьи, а правильнее сказать, семейного клана являлось предотвращение распыления капитала. Среди фамилий, сделавших предпринимательство в горнозаводской промышленности наследственным, можно выделить Демидовых, Твердышевых, Мосоловых, Небогатовых, Красильниковых¹³. Не чужды предпринимательству были титулованные особы — графы П.И. и А.И. Шуваловы, К.Е. Сиверс, С.П. Ягужинский. Получив разрешение на строительство заводов, они для черновой работы находили себе компанейщиков из купцов или богатых крестьян. Такими компанейщиками, например, у графа П.И. Шувалова выступал купец Козьма Матвеев, у А.И. Шувалова — Герасим Глазов¹⁴.

Успешному развитию предпринимательства в горнозаводском деле на Южном Урале способствовали заинтересованность царского правительства в создании металлургической базы и получении значительных доходов в казну, привлекательные условия для размещения капиталов купцов из центральных районов России и ряд других факторов. Правда, первоначально правительству пришлось строить заводы волевым путём, но, натолкнувшись на низкую эффективность работы горнозаводских предприятий, казнокрадство, да ещё в условиях башкирских восстаний и “пугачёв-

щины”, оно вынуждено было значительную часть заводов передать в частные руки. Именно с этим фактом можно связать то, что в 30 — 40 гг. XVIII в. началось быстрое промышленное освоение обширного края. За 30 лет на Южном Урале было построено 30 заводов. В отличие от Среднего Урала, где использовался преимущественно труд крепостных крестьян, основной рабочей силой на предприятиях Южного Урала были посессионные крестьяне, купленные и приписанные к заводу, и в значительной мере вольнонаёмные рабочие¹⁵.

Строительство и модернизация заводов на Южном Урале сопровождалась захватом и скупкой земли и леса у башкир. Например, земли и леса для Кыштымских заводов были куплены у башкир Мякотинской волости по двум купчим крепостям, оформленным в Уфимской провинциальной канцелярии: первая была совершена на имя Радиона Коробкова в 1747 г. и вторая на имя Никиты Демидова в 1755 г. По обеим купчим башкиры продали 600 тыс. десятин земли с лесами, металлами, водами, за 250 руб. ассигнациями!¹⁶ Барон С.Г. Строганов в 1756 г. купил земли у башкир Айлинской и Куванканской волостей Уфимской провинции, где были найдены залежи железной руды с содержанием железа до 58%. Покупка земель для Саткинского завода площадью 156 тыс. десятин была осуществлена за 200 руб., т.е. за каждые 8 десятин было заплачено всего по полкопейки. И подобные покупки были не исключением, а, скорее, обычным явлением.

Развитию предпринимательства в горнозаводском деле в значительной мере способствовало разрешение правительства на открытие частных заводов. Сенатским Указом от 13 октября 1753 г. было определено: “Во всей Оренбургской губернии казённых и медных заводов Берг-коллегии не заводить, а велеть их размножить одним партикулярным людям”¹⁷. Купцам, заводчикам для строительства заводов отводилось определённое количество леса, земли под заводские строения и поселения рабочих. Заводовладельцы обязывались за свой счёт содержать для охраны рудников, заводов небольшие гарнизоны войск. В пользу казны с заводчика бралась десятая часть его производства меди или железа (десятина). В случае, если заводчик вёл своё предприятие невыгодно для казны, то его предприятие конфисковывалось и передавалось другим¹⁸.

Меры правительства дали неплохой результат. По данным П.И. Рычкова, в Оренбургской губернии за 1744 — 1760 гг. было основано 28 заводов, из них 15 медеплавильных и 13 железоделательных¹⁹. Во второй половине XVIII в. активно действовали заводчики И.С. Мясников, И.Б. Твердышев, Г.С. Красильников, А.А. Строганов, А.И. Глазунов, А.И. Глебов, М.П. Губин, И.П. Мосолов.

Не все предприниматели строили заводы. Некоторые предпочитали их скупать. Так, купец из Тулы П.И. Лугинин, накопив значительный капитал, в 1769 г. за 270 тыс. руб. купил Златоустовский (85 тыс.) и Троицко-Саткинский заводы²⁰. Большинство заводчиков были людьми деятельными, решительными, удачливыми. Например, из построенных в Оренбургской губернии в 1744 — 1760 гг. 28 заводов на долю горнозаводской компании Твердышевых и Мясникова приходилось 11 чугуноплавильных, 5 железоделательных и 6 медеплавильных. Последние стали давать более пятой части общероссийской выплавки меди. Дешевизна земли, леса, рабочей силы позволяла заводовладельцам наращивать производство металлов и получать огромную прибыль. В 1797 г. в губернии было произведено 1 млн. 375 тыс. пудов чугуна и железа, 39 тыс. пудов меди²¹.

Предпринимательство всегда связано с определённым риском, удачей в делах. Но последняя не всегда сопутствовала заводчикам и купцам. Так, П.И. Осокина преследовали неудачи при постройке Назепетровского завода. В 1748 г. весенний паводок снёс все заводские постройки, и пришлось всё заново отстраивать. Вблизи завода не было резервов рабочей силы, наёмные же рабочие, получив задаток, просто убегали. В итоге Осокин в 1751 г. продал завод за 27 тыс. руб. более удачливым Мосоловым.

Определённый удар по предпринимательству был нанесён в ходе Крестьянской войны 1773 — 1775 гг. Количество заводов на Южном Урале сократилось, т.к. часть их была разгромлена башкирами. В 1781 г. в Оренбургской губернии было 30 действующих заводов: 15 медеплавильных и 15 железоделательных²².

Кроме металлургии в сфере предпринимательства оказались и другие отрасли на Южном Урале. Раньше всех здесь появилось винокурение. Но это была пока сфера государственного предпринимательства. Уже в 1737 г. существовал Миасский казённый винокуренный завод. К началу 70-х гг. XVIII в. их стало уже пять.

Предпринимательство заняло свою нишу в кожевенной и самотопенной промышленности. К 70-м гг. XVIII в. в Исетской провинции появились два стекольных завода, шляпная фабрика челябинского купца Битюкова. Стекольные фабрики содержали крестьяне Яков и Иван и челябинский мещанин Е. Токарев²³.

Исключительно важное место в жизни края занимал Илецкий соляной промысел, который с 1753 г. стал казённым. Ежегодная добыча соли достигала 500 тыс. пудов.

Развивалось постепенно в губернии и предпринимательство в сфере промыслов. Конечно, по своим масштабам и торговым доходам они уступали горнозаводскому предпринимательству, но это вовсе не умаляет их значимости и роли в хозяйственной жизни края. Активно развивались промыслы, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства: кожевенный, овчинный, шерстобитный, мельничный. В районах Башкирии, Троицком уезде существовали столярный и бондарный промыслы, выгонка дёгтя, производство поташа, выделка селитры. В 60-х гг. появился пуховязальный промысел.

Несомненно, что на первом месте среди промыслов стояло мельничное дело. Объяснялось это тем, что постоянно возрастало потребление хлеба, крупы в связи с ростом населения Оренбургского края, а кроме того, мельницы стабильно обеспечивали их владельцам значительный доход. Мельницы содержали купцы, казаки, дворяне, государственные крестьяне. Часть из мельниц принадлежала государству и обслуживала потребности войск, тюрем и других учреждений. Большинство мельниц принадлежало государственным крестьянам. В Челябинске и его пригородах из 18 мельниц 17 принадлежали казакам. Всех мельниц в Исетской провинции в 1768 г. насчитывалось 357, в Уфимской провинции в 1764 г. их было 796²⁴.

В меньших масштабах в Оренбургском крае развивались кузнечное и гончарное дело, овчинный промысел, и они не отличались значительными объёмами и высокой доходностью.

С ростом товарного производства, увеличением населения в Оренбуржье постепенно сложился внутренний и внешний рынки, которые обслуживала торговля. Внутренний рынок обслуживался ярмарками, базарами, торжками, сетью лавок в городах Оренбургской губернии. Для ведения внешней торговли исполь-

зовались Орский, Оренбургский и Троицкий меновые дворы.

Внутренняя торговля в начале заселения края была недостаточно развитой в силу слабой населённости и низкой покупательной способности населения. Так, по первой ревизии 1719 г. на Южном Урале насчитывалось 108682 душ м.п.²⁵ Однако к 1767 г. общая численность населения Оренбургской губернии достигла 421119 душ об.п.²⁶ Внутренняя торговля постепенно налаживалась с увеличением населения, созданием инфраструктуры торговли, поступлением на рынок товаров. Следует иметь в виду, что спрос населения на последние был довольно ограниченным из-за бедности и малой потребности в широком ассортименте товаров. Сказывался натуральный характер крестьянских хозяйств в течение всего XVIII в.

На ярмарках, базарах в основном шла мелкооптовая и розничная торговля. В торговле преобладала продукция сельского хозяйства: пшеница, рожь (большей частью в Башкирии), пшено, просо, горох, мак, конопля, лён, гречиха. Цены на эту продукцию в городах и сельской местности весьма рознились. Самые низкие цены были в Исетской провинции. В 1758 г. за время хорошего урожая крестьяне продавали пшеницу и горох по 50 копеек за четверть (9 — 10 пудов), ячмень — по 18 коп., овёс — по 17 коп. С увеличением численности населения и возрастанием спроса на продукты цены на них росли. Например, в Челябинском уезде мука пшеничная стоила от 4 руб. до 4 руб. 50 коп. за четверть, крупа пшеничная — от 4 руб. 80 коп. до 5 руб. 60 коп., пшеница — 4 руб., ячмень — 2 руб. 40 коп., овёс — 1 руб. 92 коп.²⁷

На внутреннем рынке большим спросом пользовались мясо, баранье сало, рыба, мёд, воск. Широко была распространена торговля скотом и продукцией животноводства. У полукочевых башкир было развито скотоводство, и продукты его поставлялись на внутренний рынок. На сельских ярмарках и базарах продавались лошади, коровы, овцы. Башкиры поставляли на рынок пушнину, мёд, дикий хмель.

Активность на местных ярмарках и базарах проявляли скупщики. Они скупали у крестьян излишки хлеба, скот, овчину, шерсть с тем, чтобы с выгодой их перепродать на заводы горного Урала. При закупке на местных базарах и торжках товарного хлеба крестьяне-скупщики доставляли в обмен товары промышленного

производства с уральских заводов и изделия кустарных промыслов. Именно из числа наиболее удачливых крестьян-скупщиков постепенно формировалось местное купечество.

Узость местного рынка, низкая покупательная способность населения, незначительное число местных купцов несколько сдерживали развитие внутренней торговли в Оренбургском крае в XVIII в.

Более успешно развивалась внешняя торговля. Для этого изначально создавались благоприятные условия, начало которым положили привилегии г. Оренбургу императрицей Анной Иоанновной.

Внешняя торговля во многом связана с появлением в 1749 — 1754 гг. у Оренбурга на левобережье Яика Менового двора для торговли с азиатскими купцами. Это был внушительный торговый комплекс, где длина каждой стороны его составляла 430 м. Внутри Менового двора находилось 246 лавок и амбаров, где с весны до поздней осени шла меновая, т.е. безденежная торговля.

Необходимо отметить, что открытие меновой торговли с Казахской (Киргизской) степью и среднеазиатскими странами в середине XVIII в. совпало с общим подъёмом промышленности и торговли в России. Особенно быстро росло число полотняных мануфактур и суконных фабрик, которые требовали увеличивающихся поставок хлопка, шерсти и нуждались в новых рынках сбыта произведённой продукции. Изделия русской мануфактурной, а также горнозаводской промышленности находили хороший сбыт на Оренбургском региональном рынке, где их приобретали казахи и среднеазиатские купцы.

Внешняя торговля в Оренбургском крае в основном сосредоточена была на Оренбургском и Троицком меновых дворах. Орский меновой двор был мало пригоден для внешнеторговых операций, и большей частью в нём шло хранение предназначенных к мене товаров, а торговля обычно велась вне его стен. Обратим внимание на то, что мена товаров производилась с XVIII в., но мало кто задумывался в Оренбургском крае о правовой и содержательной её сторонах. Только в начале XX в. А.И. Мякутин отметил, что “мена, как договор, есть такое правоотношение, в силу которого каждая из сторон обязуется передать в собственность данное имущество другой”²⁸. Он же указывает меновую и счётную единицу. С

киргизской стороны таковой служил баран: “Киргизы, под влиянием непреложного закона мены, пришли к определению всех ценностей баранами по первому году... На баранов большей частью ведётся и торг”²⁹. Со стороны оренбургских купцов эквивалентом годовому барану определялось пять пудов пшеницы. Постепенно сложились эквиваленты обмена и с азиатскими купцами.

Во внешней торговле обозначились два направления — Средняя Азия и Казахстан. Понимая важность активизации торговли в Оренбурге, Елизавета I в письме от 27 ноября 1744 года казахскому хану Абулхаиру указывала: “Во все улусы извольте сообщать, яко здесь (в Оренбурге — В.Г.) хлеба и других надобных товаров довольно. Весьма желательно и приятно, чтобы они (казахи — В.Г.) и все купцы вместо Орской крепости в Оренбурге торговать привыкли”³⁰.

Администрация края стремилась поставить торговлю с казахами в удобное для себя русло, предотвратить случаи препятствий торговле со стороны Казахской (Киргизской) стороны и калмыков. П.И. Рычков в “Топографии Оренбургской губернии” неоднократно указывает на случаи разграбления торговых караванов, проходивших через степь: “Потребно токмо всегдашнюю и недреманную осторожность иметь от киргизцев, которые хотя малую оплошность увидят, то по натуральной своей склонности к воровству не приминут пакости чинить, а паче стараются наперёд конские табуны отгонять”³¹.

И тем не менее, торговля с казахами велась. В большом количестве в Оренбург и на пограничную линию прибывали казахи Малого жуза, доставляя для обмена коней, шерсть, конские гривы, невыделанные шкуры, мерлушку. По свидетельству П.И. Рычкова, казахи “каждое лето для промена российским пригоняют в Оренбург и в Троицкую крепость от тридцати до пятидесяти тысяч и получают за лучшую овцу товару по цене от пятидесяти до восьмидесяти копеек...”³²

По данным Н.Г. Аполловой, в 1761 году в Оренбург на меновой торг приезжало 14563 казаха, в восьмидесятых годах XVIII века среднегодовой приезд их возрос до 47,9 тыс. человек. Наиболее значительным был приезд казахов для мены в 1786 г. — 67602 человека. Ежедневно приезжало от 100 до 1000 и иногда до 2000 человек³³.

Российская сторона к мене предлагала сукно, краски, олово, котлы медные и железные, юфть, металл в изделиях, сахар, соль, хлеб и другие товары.

В отношениях с казахами русская администрация проводила осторожную линию с тем, чтобы не отпугнуть их от торговли. Так, оренбургский губернатор Д.В. Волков в 1763 г. просил правительство снизить наполовину или вообще отменить на десять лет хлебную пошлину. Сенат в этом же году разрешил с сентября торговлю хлебом беспошлинно на три года, а в 1766 г. продлил этот срок “до указа”. Таким образом, правительство, вняв нуждам оренбургской торговли, вернулось к пошлинному тарифу 1752 г., по которому разрешалось отпускать на Оренбургском и Троицком меновых дворах “... хлеб всякой, яко то мука пшеничная, крупчатая и простая, ржаная, ситная и простой же солод всякий, овёс, горох, пшено сорочинское и просо и крупы всякого звания, за новостью и отдаленностью места по указу беспошлинно”³⁴. Разрешение беспошлинной торговли в Оренбургском крае с казахами решительно улучшило её состояние и в особенности — в торговле хлебом. “Так, в 1762 г. было продано казахам хлеба на 14,8 тыс. рублей, 1763 г. — на 20,4 тыс., 1766 г. — на 27,9 тыс., 1767 г. — на 94,9 тыс. ... 1785 г. — 129 тыс.”³⁵.

Меновая торговля с казахами постоянно находилась в центре внимания оренбургской администрации, которая довольно чётко её регламентировала. Например, в декабре 1760 г. в таможене был получен указ из оренбургской губернской канцелярии пограничной экспедиции, где сообщалось о просьбе прикочевавших к Усть-Уйской крепости казахов произвести мену товаров. Распоряжение гласило: “Казахам мену иметь токмо на один хлеб и сено, а от них бы киргизцев, кроме скота, их рукоделия, малых вещей, отнюдь всякого зверя и мерлушек не выменивать, дабы тем будущей тамо ярмонки подрыву не учинить”³⁶. Так постепенно в течение XVIII века меновая торговля с казахами заняла первостепенное место во внешней торговле Оренбургского края в силу её чрезвычайной прибыльности.

Второстепенной, но отнюдь не менее важной для Оренбургского края явилась внешняя торговля со Средней Азией. П.И. Рычков отмечал: “После казанского взятия город Уфа был построен и людьми населён, но чтоб тут производились знатные с загранич-

ными азиатскими народами торги, на то до упреждения Оренбургской экспедиции никаких доказательств не найдено”³⁷. Он же указывает: “До учреждения оной экспедиции (Оренбургской — В.Г.) по самое то время, азиатские купцы, яко то: хивинцы, бухарцы, ташкентцы и им подобные, к российской стороне далее киргиз-кайсацких орд никогда не приближались...”³⁸. Примечательно, что исследователь и историк Оренбургского края фиксирует дату отправки первого российского каравана в Ташкент в 1738 г.

Налаживанию торговли со среднеазиатскими ханствами препятствовал ряд обстоятельств. Перед администрацией Оренбургского края первоначально стояла задача укрепления пограничной линии, урегулирования взаимоотношений с казахскими кочевниками, а затем уже приступить к реализации проекта Петра I — проложить дорогу через киргиз-кайсацкие степи в Среднюю Азию. В 1743 г. был построен “ключ к вратам в Среднюю Азию” — г. Оренбург и укреплена пограничная линия. Однако реально “ключ” по-прежнему оставался в руках независимой степной вольницы кочевников-казахов, не признававшей никаких письменных договоров своих ханов с царским правительством, для усмирения которых у России ещё долго не было ни достаточных сил, ни достаточных средств.

Казахи прочно удерживали в своих руках все караванные пути из России на Восток. Об этом свидетельствуют многочисленные факты разграбления караванов. По справке Оренбургской пограничной комиссии, с 1764 г. до начала XIX в. было разграблено в Казахской степи 20 купеческих караванов и похищено товара почти на 1,5 млн. рублей³⁹.

Администрация Оренбургской губернии сочетала в обеспечении безопасности торговых караванов меры увещевания, задабривания казахской знати с попытками решить проблему торговли созданием сильных военно-купеческих караванов, ведением дипломатических переговоров непосредственно с азиатскими ханствами. Например, в 1780 г. из Оренбурга в Бухару было отправлено посольство М. Бекчурина, который детально описал свой путь, собрал ценные разведывательные данные, но не смог склонить эмира к созданию в ханстве коммерческой конторы⁴⁰.

В отношении купцов из Средней Азии администрация края вела себя весьма настороженно, ограничивала сферу их торговой

деятельности. Оренбургская пограничная комиссия предписывала коменданту Орской крепости: "... азиатцам, не записанным в подданство российское, и тем, которые собственных товаров не вывозят из-за границы, торговать запрещалось, и не записавшихся в подданство, если не пожелают избрать род жизни в пределах Российской империи, высылать тотчас за границу в их Отечество"⁴¹.

И это при том, что Россия была весьма заинтересована в торговле с "азиатцами". Из Средней Азии на рынки Оренбуржья поступали драгоценные металлы, хлопок, ткани, фрукты. В 40 – 50-е годы Россия, не имевшая собственного золота и остро в нём нуждавшаяся, получила ценный канал ввоза драгоценных металлов: серебро в персидских монетах, индийских рупиях, золото – в бухарских монетах и "песочное" золото⁴².

Со второй половины XVIII в. наметилась тенденция к расширению торговли со Средней Азией. Это было обусловлено складыванием системы меновой торговли на меновых дворах, потребностями губернии и российских предпринимателей. Вместе с тем русским купцам нередко приходилось прибегать к услугам комиссионеров в силу дискриминационного подхода в отношении к торгующим. Так, с товаров, вывозимых в Бухару, взималась пошлина: с мусульман – 1/40, или 2,5%, с христиан – 1/25, или 5%, а иногда – 10 и даже 20%⁴³. Все российские торговые караваны составляли следовать через Хиву, чтобы взимать пошлины. Караваны, отклонявшиеся от определённого маршрута, разграблялись. Христиане были подвержены риску быть униженными, оскорбленными, ограбленными, и приходилось нанимать приказчиков из мусульман для ведения торговли. Добавим, что нравы, царившие в казахской степи и ханствах, вынужденные "подарки" различным чиновникам, откровенное вымогательство отвращали даже столь терпеливых и стойких российских купцов. Они предпочитали не рисковать, а торговать лучше в приграничной полосе. Здесь, может быть, несколько меньше был доход от торговли, но зато безопаснее. Торговлю со среднеазиатскими ханствами сдерживало и то, что вести её имели право купцы первой гильдии. Азиатские же купцы не ведали гильдий и не записывались в число гостей или заезжих купцов и были ограничены в праве вести торг во внутренних городах Оренбургского края и России, т. е. их принуж-

дали торговать только в пограничной полосе. Тем самым ограждались интересы отечественных купцов. Создание и сохранение зоны меновой торговли в Оренбургской губернии было выгодно по ряду причин: это позволяло российской стороне устанавливать и диктовать правила меновой торговли; извлекать выгоду купцам от оптового торга, так как последующая перепродажа азиатских товаров давала хорошую прибыль; предотвращать утечку наличных денег за границу. Совершенно очевидно, что государство первоначально довольно активно вмешивалось в торговые дела в Оренбургском крае. Однако со второй половины XVIII в. чётко обозначились фритредерские тенденции, которых придерживались правящие круги страны. Вместе с тем государство неохотно откликнулось на требование свободы торговли, невмешательства в частную предпринимательскую деятельность.

Новый таможенный тариф 1757 г. был ближе к фритредерству. Ценовое значение пошлин составляло 12,5 – 20% с цены товара. Иностранные товары облагались дополнительно специальным налогом от 6 до 16%. Следовательно, пошлины составляли 18,5 – 36%. Подобная тарифная политика была оправдана и давала заметные доходы. Оренбургская торговля давала государству значительную прибыль как сама по себе, так и в виде таможенных пошлин. Историк Ю.С. Зобов приводит интересные данные: за 30 лет с 1745 по 1774 гг. Оренбургской пограничной таможней было получено сборов на сумму более 1 млн. рублей⁴⁴.

Этому не в малой степени способствовал указ Елизаветы I от 1757 г., по которому определялось в отношении пошлин с “привозных и отвозных” товаров: “... а в Оренбурге по особливому таможенному тарифу и учреждению...”⁴⁵.

С принятием тарифа в 1766 г. в российской таможенной политике наметились новые тенденции. Они формировались под воздействием императрицы Екатерины II, которая исходила из учения физиократов о том, что “... земледелие есть первый и главный труд, к которому людей поощрять должно, второй есть рукоделие из собственного произрощения”⁴⁶.

Такая политика не лучшим образом сказалась на Оренбургской губернии, которая вплоть до конца XVIII в. была ещё слабо освоена в земледельческом отношении и весьма нуждалась в привозном хлебе. Следовательно, и российская сторона могла пред-

ставить его небольшое количество к мене с казахами. Азиатские купцы довольно редко покупали хлеб, поскольку его ещё немного было, цены на него оставались стабильно высокими, а значит, не было выгоды везти его в среднеазиатские ханства, где существовал свой хлебный рынок.

Во второй половине XVIII в. торговля со Средней Азией, преодолевая таможенные тарифы, огромные расстояния, опасность грабежей в степи, постепенно расширяется. Со стороны азиатских товаров в ассортименте преобладали хлопок и хлопковая пряжа. Бухарские купцы не хотели продавать их на своих рынках по низким ценам, а предпочитали везти в Оренбург. Иссаяк постепенно ручеек золота и серебра из Средней Азии.

Некоторый спад торговли со Средней Азией произошёл в 70-е годы XVIII в. Разразившаяся в 1773 г. гроза пугачёвского бунта на время приостановила оренбургский торг. В осаждённом Оренбурге укрылись купцы, бухарцы, караван которых был разграблен пугачёвцами у Орской крепости. Однако уже вскоре после разгрома Пугачёва торговля со Средней Азией быстро восстановилась. Особенно активно она велась с Бухарой. Так, в 1785 г. из Оренбурга в Бухару было отправлено товаров на сумму более 168,3 тыс. руб., а в 1787 г. — свыше 248 тыс. рублей. Среди товаров преобладали кожи, платья атласные, меха, зеркала, воск белый, медь в изделиях⁴⁷. Российские купцы вывозили парчу, бархат, платки шёлковые, юфть, сафьяны, железо и изделия из него. Кроме железа, почти все товары не производились в Оренбурге, а завозились из центра России.

Особенное расширение торговли Оренбургского края отмечается в конце XVIII века. С 1787 по 1796 гг. из Бухары в Оренбург поступило товаров на 4,2 млн. руб., а обратно — почти на 3,7 млн. руб.⁴⁸ Из Хивы в 1796 г. было вывезено товаров на 51354 рубля, а отправлено товаров в ханство на 43561 руб.⁴⁹

Тем не менее, развитие торговых отношений со Средней Азией в XVIII в. по своим масштабам и значимости уступало торговле с казахами, но уже вполне обозначилась их дальнейшая перспектива.

Итак, становление и развитие предпринимательства в Оренбургском крае в XVIII в. происходило по мере его заселения и хозяйственного освоения. Первыми предпринимателями стали куп-

цы — выходцы из центральных губерний России, и основную сферу их деятельности стало горнозаводское дело; затем внутренняя и внешняя торговля. Постепенно в предпринимательство включаются государственные крестьяне, казаки, мещане. Не чужды предпринимательству были и отдельные помещики. По масштабам предпринимательской деятельности, месту, которое деловые люди занимали в экономической сфере, можно выделить группы мелких, средних и крупных предпринимателей.

Действовать им приходилось в чрезвычайно сложных условиях. Оренбургский край только складывался, был малозаселённым, ёмкость внутреннего рынка ограничивалась низкой платёжеспособностью населения. Внешний рынок целиком определялся торговыми отношениями с казахами и ханствами Средней Азии, которые не всегда носили цивилизованный и взаимовыгодный характер.

По мере развития промышленности и сельского хозяйства рос внутренний и внешний рынок. На первом месте находилась торговля продукцией горнозаводской промышленности и сельского хозяйства, а на втором в орбиту обмена подключались товары мануфактурного производства, поставляемые из центральных губерний. Предпринимателей в Оренбургском крае отличали напористость, изворотливость, способность претерпевать невзгоды, готовность к риску ради извлечения прибыли. Именно они в XVIII в. вполне обозначили контуры и перспективы дальнейшего экономического и социального развития Оренбуржья на век грядущий.

Примечания

- ¹ Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. — М., 1998. — С. 149.
- ² История Оренбуржья. — Оренбург, 1996. — С. 21.
- ³ Арсеньев К. Статистические очерки России. — СПб., 1848. — С. 87.
- ⁴ ПСЗ I. Т. XXIV. № 17634.
- ⁵ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала (Вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). — М., 1984. — С. 53.
- ⁶ Хорькова Е.П. Указ. соч. — С. 156.
- ⁷ ПСЗ I. Т. XIII. № 10 164.
- ⁸ ПСЗ I. Т. XIV. № 10 486.
- ⁹ Любовь и Восток. — М., 1994. — С. 11.
- ¹⁰ Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. — СПб., 1896;

- Кулишер И.М. Очерк истории русской промышленности. — Пг., 1922; Кашинцев Д. История металлургии Урала. — М. — Л., 1939; Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. — М., 1962; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII — XIX веков. Ч. 2. — Уфа, 1993. и др.
- 11 Геннин де Вильгельм. Описание Уральских и Сибирских заводов. — М., 1937. — С. 211.
 - 12 Аксёнов А.И. Генеалогия и российское купечество // Отечественная история. — 1998. — № 6. — С. 10.
 - 13 Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. — С. 4 — 75, 176, 426.
 - 14 Они же. — С. 432.
 - 15 Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: От Екатерины Великой до Александра II. — М., 1994. — С. 15.
 - 16 Путеводитель по Уралу. Изд. 1-е — СПб., 1899. — С. 25.
 - 17 ПСЗ I. Т. XIII. № 10 141.
 - 18 ПСЗ I. Т. XIII. № 18 921.
 - 19 Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. — Оренбург, 1887. — С. 405.
 - 20 Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. — С.185.
 - 21 История Оренбуржья. — Оренбург, 1996. — С. 42.
 - 22 Тарасов Ю. М. Указ. соч. — С. 76.
 - 23 Он же. — С. 77.
 - 24 Он же. — С. 70 — 71.
 - 25 Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1971. — С. 52.
 - 26 Материалы по истории Башкирской АССР. — Т. 5. — М., 1960. — С. 6.
 - 27 Тарасов Ю.М. Указ. соч. — С. 68 — 69.
 - 28 Мякутин А.И. Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. XXV. — Оренбург, 1911. — С. 98.
 - 29 Он же. — С. 99.
 - 30 Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — нач. XIX в. — М., 1960. — С. 233.
 - 31 Рычков П.И. Указ. соч. — С. 20.
 - 32 Он же. — С. 142.
 - 33 Аполлова Н.Г. Указ. соч. — С. 237.
 - 34 Материалы по истории Башкирской АССР. — Т. 4. — Ч. 2. — М., 1956. — С. 592.
 - 35 Аполлова Н.Г. Указ. соч. — С. 281.
 - 36 ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 17 об.
 - 37 Рычков П.И. Указ. соч. — С. 159.
 - 38 Он же. — С. 160.
 - 39 ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2256. Л. 73, 74.
 - 40 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1654. Л. 17, 18.
 - 41 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1175. Л. 1, 1 об.
 - 42 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — Ч. 1. — СПб., 1773. — С. 349; Рычков П.И. Указ. соч. — С. 162.
 - 43 Михалёва Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. — Ташкент, 1982. — С. 36.
 - 44 Зобов Ю.С. У истоков Оренбургской “коммерции” (Роль Оренбургского края в развитии торговли России с Казахстаном и Средней Азией в XVIII веке) //

Оренбуржье и Республика Казахстан: приграничные аспекты сотрудничества. – Оренбург, 1997. – С. 140.

⁴⁵ Таможенное дело в России X – нач. XX вв. (Исторический очерк. Документы и материалы). – СПб., 1995. – С. 195.

⁴⁶ Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. – М., 1995. – С. 44.

⁴⁷ ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 16. Л. 121 – 125.

⁴⁸ Архив Государственного совета. Т. 2. – СПб., 1888. – С. 651 – 654.

⁴⁹ Михалёва Г.А. Указ. соч. – С. 42.

II. Оренбургское предпринимательство в первой половине XIX века

В первой половине XIX в. продолжалось заселение и хозяйственное освоение Оренбургского края. В 1800 г. население края исчислялось, по данным М.Ю. Тарасова, в 881787 душ об.п., а в 1850 г. оно достигло 2393628 душ об.п.¹ В административном отношении край был разделен в 1804 — 1851 гг. на одиннадцать уездов: Оренбургский, Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Бугурусланский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский. Население размещалось в 12 городах и 44 877 селениях (не считая Оренбургского и Уральского казачьих войск)². Функции управления отдельными частями губернии возлагались на гражданского губернатора, а общее руководство осуществлял военный губернатор.

В своем развитии в первой половине XIX в. сельское хозяйство делает новые успехи: растет неуклонно количество земледельцев, увеличиваются площади освоенных земель, все больше поставляется на рынок товарного хлеба, усиливается роль скотоводства. В земледелии первенствуют государственные крестьяне. У них под зерновыми культурами было занято к середине XIX века 1408948 десятин земли, у крестьян удельных — 104184, у помещичьих — 657184³. Наиболее развито было земледелие в западной части губернии — Бугурусланском, Бугульминском, Белебеевском, Мензелинском и части Уфимского уездах, а также Оренбургском. Троицкий и Челябинский уезды стали центрами скотоводства.

Относительно свободное положение государственных крестьян, наличие среди них людей зажиточных привело к покупке ими, или аренде, земель у государства, помещиков и обедневших крестьян-собратьев. В среде государственных крестьян наибольшее число зажиточных, предприимчивых людей. Имен-

но из их среды постепенно выделялись купцы, торговцы, владельцы мелких и средних промышленных предприятий.

Развивалось скотоводство, особенно у башкир, казаков и крестьян степной полосы на юге губернии. К 1850 г. количество разного скота здесь составляло 5650778 голов, из них лошадей — 2070741, крупного рогатого скота — 1007090, овец — 2318066, свиней — 234891⁴. Средняя обеспеченность населения Оренбургской губернии скотом была почти вдвое выше средне-европейского уровня, что способствовало широкой торговле им, загрузке боен, салотопленных, мыловаренных, кожевенных предприятий. На основе развития земледелия и скотоводства в крае постоянно росла промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья. Число перерабатывающих предприятий увеличилось со 145 в начале XIX в. до 268 к 1850 г.⁵ Перерабатывающая промышленность, в отличие от горнозаводской, требовала незначительного оборотного капитала, позволяла организовывать заводы и фабрики от совсем слабomощных до крупных. И эту нишу в экономике края быстро заняли купцы, владельцы перерабатывающих предприятий — мукомолы, скотопромышленники, торгующие крестьяне. Среди последних появлялись владельцы мыловаренных, клеевых, кожевенных, свечных предприятий.

Мелкие кожевенные предприятия в Уфе со стоимостью годовой продукции от 200 до 2000 руб. являлись собственностью крестьян Карпова, Сухарева, Макарышева, Гладышева, Кобякова, Минеева. Зачастую такие предприятия являлись семейным делом, передавались по наследству, приумножались. Наемных рабочих на них было немного.

Торгующие крестьяне из семейства Маминых в 20-х годах XIX в. стали купцами, а в середине века уже имели мыловаренный завод с ежегодной продукцией на 6000 руб. и свечной завод — на 3000 руб., остальные свечные заводы в Уфе также принадлежали купцам, вышедшим из крестьян: Белякову, Воронину, Кутузову, Блохину.

В Уфимском уезде все кожевенные предприятия сосредоточились в одной деревне Третьяковской и являлись собственностью крестьян графа Шереметьева: М.Нехаева, Н.Фунина, И. Солдаткова, Г. Карнаухова. Продукция каждого предприятия

оценивались в 500 — 1000 руб., а работало на этих заводах всего 46 наемных рабочих.

В первой половине XIX века внимание предпринимателей Оренбуржья было обращено на перерабатывающую промышленность. В отличие от горнозаводской здесь требовались небольшие капиталы для организации мелких и средних предприятий.

Выходцы из крестьян становились владельцами мыловаренных, клеевых, кожевенных, свечных заводиков. Так, в Оренбурге владельцами свечных заведений были Соснин, Мануилов, Шелудяков. Кожевенными предприятиями владели Деев, Труев, Карандаков, а клеевыми — Пустолов и Лебедев. Продукция этих “заводов” была небольшою — от 750 до 1500 руб.

Другое дело — салотопенные заводы. Здесь объем производимой продукции оценивался от 10 тыс. до 30 тыс. руб. в год. Салотопенное дело держали потомственные гильдейские купцы: Михаил Дюков, Иван Кравцов, Василий Жильцов.

В Троицке насчитывалось 16 салотопенных предприятий. Их владельцами являлись купцы Ипат Зарубин, Алексей Зарубин, Николай Осипов, Габбас Якупов, Ахметжан Халитов и др. Купцы располагали значительными капиталами и строили себе новые заводы. Например, Ипат, Алексей, Иван, Василий Зарубины, Юсупов, Кутузов, Семенин владели и кожевенными заводами. Выделанные кожи сбывались на местных ярмарках и на меновых дворах среднеазиатским купцам и казахам. Топленое сало находило сбыт в Уфе, Бирске, Казани. Купцы Иван и Алексей Зарубины держали два маслобойных завода.

В Челябинске некоторые государственные крестьяне имели ряд мелких кирпичных заводов с небольшим объемом выпускаемой продукции в год — от 30 до 96 рублей.

В Верхнеуральске кожевенным заводом владел торгующий крестьянин Валентин Макаров. В Бузулуке кожевенный завод имел купеческий сын Патрикеев, а кирпичными заводами владели купцы Сухов, Рязанов, Просвирин, Гостев, Ситников.

В Бугуруслане все воскобойные, мыловаренные и клеевые предприятия (с годовой продукцией от 200 до 3500 руб. каждый) принадлежали мелким купцам. Более зажиточные купцы содержали салотопни. Купцы Барандовский, Касарев, Тумасов, Слу-

жаев, Цинговатов отсылали сало в Казань и Самару.

Бугурусланский уезд славился своими суконными фабриками, но они были собственностью помещиков — Карамзина, Кроткова, Нагаткина, Шелашникова, Дубенского, Дерасова и др. Купцы и крестьяне владели салотопенными, кожевенными и сыромятными заводами, на которых применялся труд наемных рабочих.

В первой половине XIX в. крестьянская торговля и промышленность находились на разных стадиях развития. Низшие формы крестьянской промышленности соседствовали и тесно переплетались с более прогрессивными переходными формами. Нельзя не видеть, что значительная часть так называемых заводов были маломощными, с применением наемной рабочей силы и с использованием трудового участия членов семей заводоладельцев.

В известном смысле к предпринимательству можно отнести промысловые занятия различных слоев населения. Промыслы имели некоторые основные признаки предпринимательской деятельности — являлись самостоятельной деятельностью, целью ее являлось получение прибыли, она носила в основном систематический характер, имела хозяйственный риск. Правда, не всегда участники промысловой деятельности регистрировали ее в официальном порядке. Не всегда промыслы были значительными по объему производимой продукции. Иногда трудно провести грань между промыслами и ремесленничеством. О доходах крестьян от ремесел и промыслов по всей губернии представление дают данные за десятилетие (с 1823 по 1833 г.). От пчеловодства — 184726 руб., от рыболовства — 983682, от ловли зверей — 19170, от разведения скота — 900 тыс. руб.⁶

В лесных уездах Оренбургской губернии — Уфимском, Бирском, Стерлитамакском, Троицком, Мензелинском, Челябинском — широкое значение приобрели лесные промыслы, в которых было занято 9000 крестьян⁷. Лес поставлялся на горные заводы как строительный материал, для выжигания угля. Из леса изготавливали лодки, барки, дуги, полозья для саней, бочки, кадки. Лес давал поташ, шадрик, деготь, лыко и т.д. Многие крестьяне с целью сбыта занимались выделкой деревянной посуды, дуг, ободьев и распродавали все это на ярмарках и база-

рах. Часть продукции, производимой кустарями, приобреталась скупщиками, купцами, которые затем перепродавали ее с прибылью на крупных ярмарках, в том числе и на Нижегородской. В 1884 г. в лесных уездах Оренбургской губернии было изготовлено до 40 тыс. ободьев колес, мочал — до 130 тыс. пудов и других изделий, большая часть из которых поступила на Нижегородскую ярмарку.

Широко в губернии практиковалось добывание поташа и жжение шадрика. Занимались этим в основном крестьяне Мензелинского, Белебеевского, Стерлитамакского, Уфимского, Бирского уездов. В начале 20-х годов XX в. в Оренбургской губернии насчитывалось 58 поташных заводов, на которых вываривалось в год от 100 до 120 тыс. пудов поташа, а в конце 40-х годов — до 200 — 500 тыс. пудов шадрика и поташа⁸. Владельцами поташных заводов в основном являлись помещики и купцы, отдельные государственные крестьяне. Поташ поставлялся на продажу в Казань и Нижегородскую ярмарку. Шадрик поступал на Казанскую, Ярославскую и Нижегородскую ярмарки⁹.

В Троицком, Бирском, Уфимском уездах выгонялось большое количество дегтя. Лесопромышленники, купцы скупали этот деготь у населения и по рекам Белой, Каме, Волге сплавляли его на баржах и плотах в Самару, Воронеж, Саратов.

В лесных уездах губернии активно шла рубка леса и заготовка дров. По руслам рек Белая, Урал, Сакмара, Кама в половодье перегонялись плоты леса в поволжские города, а также в Оренбург. О масштабах лесных промыслов можно судить хотя бы потому, что в 1850 г. в Нижний Новгород, Казань, Самару, Оренбург, Курган, Тюмень, Екатеринбург, Елабугу и другие города России были отправлены изделия из леса на сумму 2717250 руб.¹⁰

В первой половине XIX в. с оживлением хозяйственной жизни Оренбургского края, в условиях роста товарно-денежных отношений широкое распространение получил еще один вид предпринимательской деятельности — извоз. Им занимались в основном те крестьяне, которые имели в своем хозяйстве несколько лошадей или волов и могли отвлечь от хозяйства работоспособного члена семьи. Извоз был двух видов: с собственным грузом и по найму. Первым занимались в основном

крестьяне и казаки Оренбургского, Челябинского, а также Бугурусланского уездов. Предметами извоза служили рыба, хлеб, мясопродукты, различные товары в составе обозов. Вторым занимались возчики, доставляя соль из Илецкой защиты в Казань, Самару, северные и западные уезды Оренбургской губернии, на горнозаводской Урал. Крестьяне и казаки Челябинского уезда ездили за солью в киргизскую степь, к озерам Урнач и Эбелей, а привезенную соль продавали в Челябинске (75 коп — 1 руб.) и Шадринске по 1 руб. 50 коп. за пуд¹¹.

Из Илецкой защиты и Оренбурга вывозили соль крестьяне Бугурусланского и Оренбургского уездов. Доход с каждого пуда перепроданной соли на ярмарках и базарах давал от 10 до 40 коп. Занимавшихся извозом не останавливали огромные расстояния и трудности в дороге. Зимой крестьяне закупали рыбу в Тобольске и Уральске и в составе обозов доставляли ее в различные места Оренбургской губернии.

В городах Уральске и Гурьеве концентрировались склады рыбной продукции. Рыбу мороженую, вяленую, соленую, икру, клей скупали иногородние торговцы, богатые уральские казаки, которые большими партиями отправляли товар в центральную Россию. Широко велась доставка извозом соли из Индерского озера, являвшегося собственностью Уральского казачьего войска (с 1800 по 1869 гг. войско входило в состав Оренбургской губернии. — В.Г.).

Извозом по найму занимались жители Оренбургского, Бугурусланского, Стерлитамакского, Бугульминского, Бирского уездов. Крестьяне и часть казаков, свободных от службы, нанимались перевозить: соль в Казань, Самару, Троицк, Челябинск (с платою от 30 до 80 коп. с пуда); рыбу из Уральска в Бирск, Казань, Мензелинск, Уфу, Москву и др. города (от 50 до 70 коп. с пуда); на горные заводы нанимались возчики для перевозки руды с рудников на заводы (от 1 до 2 коп. за пуд); из Оренбурга в Казань сало, кожи, овчины (от 70 до 80 коп.); из винокуренных заводов вино доставлялось в Самару, Оренбург, Уральск, Челябинск, Екатеринбург.

Извозом доставлялось сукно из Бугурусланского уезда в Казань; металл с уральских заводов в Москву и Нижний Новгород; хлеб, поташ, шадрик на пристани по рекам Белой и Каме¹².

Цены на извоз колебались в значительных пределах в зависимости от характера груза, его объемов, срочности доставки, но в целом они были низкими, поскольку существовало “изобилие в лошадях” и людях, желавших заниматься извозом.

В первой половине XIX в. в Оренбургской губернии продолжала развиваться предпринимательская деятельность в горнозаводской сфере. Если в XVIII в. промышленность работала в основном на нужды государства и организовывалась в основном самим государством, то в XIX в. промышленность уже перерастает государственный спрос. У владельцев заводов появляется возможность производить товары для широкого потребления.

Уже к концу XVIII в. Южный Урал превратился в важнейший промышленный район страны, стал регионом привлекательным для предпринимателей, располагавших значительными капиталами, заработанными в торговле. Железоделательные, чугуноплавильные и медеплавильные заводы большей частью оказываются в частных руках. Казенных железоделательных заводов в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. было 3, и все они находились в Троицком уезде. Златоустовский железоделательный и чугуноплавильный завод, основанный в 1754 г. Мосоловым, занимался производством разных сортов железа, а также изготавливал артиллерийские снаряды по заказу Военного и Морского министерств¹³. В первой половине XIX в. в практику вошла покупка заводов купцами из центральных губерний страны. Так, например, московский купец первой гильдии А.А. Кнауф в 1800 г. купил у И. Осокина Иргинский, Верхнеиргинский и Саранинский заводы, а в 1804 г., у него же, еще 3 завода — Юговский, Бизярский и Курашимский. В том же году Кнауф взял в аренду у барона Строганова на 13 лет Елизавето-Нердвинский, Екатерино-Сюзвинский и Кыновский заводы. Таким образом, он стал одним из самых крупных заводчиков на Урале.

Новые хозяева заводов из числа буржуазии отличались алчностью, жестокостью. Таким, например, являлся Л.И. Расторгуев. Оборотистый, смекалистый и жадный до денег, составивший себе огромный капитал на виноторговле, он перенес свою деятельность с низовьев Волги на Южный Урал уже в качестве пред-

принимателя-металлурга. Предпринимательская его деятельность отличалась масштабностью. Скупив Кыштымские, Каслинский и Назепетровский заводы, Расторгуев сразу же прикупил сотни тысяч десятин земли, обширные лесные массивы, около 10 тыс. подневольных крестьян. В 36 верстах от Назепетровского завода предприниматель построил новый Шемахинский завод и пустил его в 1814 г. Здесь же он создал якорную фабрику. На предприятиях Расторгуева нещадно эксплуатировались крестьяне. Продолжительность рабочего дня — от зари до зари, нормы выработки выдавались невыполнимые, применялись широко штрафы и физические расправы. Жесточайшая эксплуатация на заводах Расторгуева, их бедственное положение вынудили Комитет министров взять их в казенный присмотр в 1823 г.¹⁴

Успешно вели дело предприниматели-заводчики И.А. Демидов, И.А. Пашков и его наследники. Белорецкий и Тирлянский заводы в Верхнеуральском уезде, основанные Твердиловым и Мясниковым, выковывали разные сорта железа до 150 тыс. пудов ежегодно, которое сплавлялось для продажи в Нижний Новгород.

Предпринимательская деятельность нередко сопрягалась с риском для дела. 18 июня 1822 г. Иван Демидов, сообщая о пожаре в 1821 г., отметил, что весь свой капитал истощил на новую постройку погоревшего Кагинского завода, и он был вынужден заложить свои заводы с крепостными крестьянами в Московском опекунском совете, на что и просил соответствующее разрешение у Сената. Огромное хозяйство И. Демидова после его смерти стало предметом раздоров среди его наследников. В отчаянный спор между демидовскими наследниками включился алчный егермейстер генерал-майор А.А. Пашков. Последний в это же время завел лютый скандал со своей матерью и братьями Николаем и Сергеем Пашковыми за раздел Белорецких заводов.

В 1836 г. А. Пашков мнением Государственного совета был утвержден в своих правах на части заводов, которые он купил у наследников И. Демидова. Дела на заводах шли не блестяще, и казна выделяла ссуды на поддержание их в рабочем состоянии. Так, в 1840 г. заводы Пашкова получили ссуды в 25 тыс., а в марте 1841 г. — 20 тыс. руб.¹⁵

Известным хозяином ряда заводов на Южном Урале являлся М.П. Губин. В 1780 г. именитый гражданин Губин был ларечным в казенной палате на Каменном мосту в Москве и имел ситцевые фабрики¹⁶. Накопив достаточный капитал, М.П. Губин решил заняться более прибыльным делом — металлургией. В конце XIII — начале XIX в. он стал хозяином Нижне- и Верхне-Сергинского заводов, построил Атигский завод, купил у братьев Мосоловых два предприятия — Уфалейский доменный и Суховязский молотовый заводы. Он же владел Верхним Авзяно-Петровским и Нижним Авзяно-Петровским заводами. Владелец семи заводов нещадной эксплуатацией работавших крестьян составил огромное состояние, стал советником коммерции и первостатейным купцом.

Таким образом, видно, что в первой половине XIX в. горнозаводское дело приковывало внимание предпринимателей из центральных губерний России, и это отразилось на производстве металлов. На медеплавильных и железоделательных заводах Южного Урала в начале XIX в. производство металлов составило 1641,8 тыс. пудов, в 1834 — 1744,8, в 1851 г. — 2819,8 тыс. пудов¹⁷. Всего частных заводов на Южном Урале было 23. Из них 12 железоделательных и 11 медеплавильных. На заводах работало 82148 душ об.п.¹⁸

Привлекательным объектом предпринимательской деятельности в Оренбургском крае в первой половине XIX в. стала золотодобыча. Первые сведения об открытии золота относятся к 1790 г. В рапорте Действительного Тайного Советника Михаила Соймонова императрице Екатерине II говорилось о том, что одна из разведочных партий обнаружила в Оренбургской губернии золотой прииск в руде “выше нынешних екатеринбургских промыслов”¹⁹. По другим данным, 9 июля 1797 г. впервые на Южном Урале рудное золото открыл на речке Ташкутарганке Евграф Ильич Мечников²⁰.

В долине реки Миасса уже в 1800 г. начали шурфами искать золото и находить его, но в незначительном количестве. Только в 1822 г. в окрестностях Миасса были открыты богатейшие залежи в мире.

Разработка золотых месторождений потребовала значительного числа рабочих рук, часто в ущерб интересам металлур-

гии. В 1812 г. был издан закон, разрешающий развитие частной золотопромышленности. И это дало огромный толчок к развитию золотодобычи на Южном Урале. В золотую лихорадку втянутыми оказались Челябинский, Троицкий и Верхне-Уральский уезды. Инициатива, предприимчивость, алчность частного предпринимательства обеспечили золотопромышленности невиданный успех. В горное управление посыпалась масса заявок на золотые промыслы в крестьянских землях и землях Оренбургского казачьего войска. Департамент горных и соляных дел, видя успехи частной золотопромышленности, предложил Уральскому горному начальству произвести вторичную разведку золотых месторождений вблизи самого Миасского завода. “Золото в Миассе открыто богатое”, — с гордостью доносил управитель Миасского завода горному начальнику Татаринову в Златоуст. Оттуда немедленно с гонцами были отправлены депеши в Екатеринбург и в Департамент горных и соляных дел в Петербурге²¹.

Добыча золота оказалась делом очень прибыльным. Уже в 1823 г. Миасские прииски дали золота 3 пуда 27 фунтов, что по тогдашнему курсу равнялось 45000 руб., и только 10000 рублей ушло на расходы по установке машин, на плату рабочим.

Поиски золота в Златоустовском округе энергично продолжались, и каждый следующий год отмечался новыми открытиями. С 1823 по 1833 гг. было открыто 162 золотых прииска, среди которых выделялись Владимирский, Степано-Петровский, Атлянский.

В 1824 г. Миасские прииски дали российской казне 19 пудов 25 фунтов золота, в 1825 — 35 пудов 14 фунтов, в 1826 — 41 пуд 9 фунтов, в 1827 — 64 пуда 5 фунтов. С 1827 года добыча золота входит в норму, остановившись почти на цифре 60 пудов²².

Добыча золота нередко приводила людей к воровству, алчности, взяточничеству. Так, упоминавшийся уже выше Лев Расторгуев, вознамерившись сделать заявки на золотые прииски, насыпал мешок золотого песка, отправился в Екатеринбург. По пути остановился у своего свата Г.Ф. Зотова. Последний, напив гостя до бесчувствия, заменил 2 пуда золотого песка с приисков на простой речной песок. Злая шутка привела Л. Растор-

гуева в дикую ярость, и его моментально хватил удар, от которого он и умер.

Нищенское положение рабочих на приисках толкало их к воровству золота. Тайно торговали золотом башкиры из Троицкого и Верхне-Уральского уездов, добывавших золото на своих вотчинных землях. В Троицке “левое” золото скупалось бухарскими купцами и вывозилось за границу.

К разработке золотых приисков подключились генерал Жемчужников с компанией, полковник Жуковский с компанией, полковник Аничков, казачий есаул Колбин, заводчик Гусятников, купцы Болотов, Бакакин, Белов, Горячев и др. По сведениям 1845 г., казне принадлежало 48 приисков, а частным лицам — 13²³. В Оренбургской губернии успех предпринимателей в добыче золота во многом определялся тем, что она велась трудом вольнонаемных рабочих, и это способствовало сравнительно быстрому росту золотодобычи.

Продукция сельского хозяйства, промышленных предприятий, а также различных промыслов чаще использовалась для внутренних нужд губернии. Это влекло за собой становление внутреннего рынка и, следовательно, укрепление товарно-денежных отношений.

Развитию внутренней торговли в Оренбургском крае в первой половине XIX в. способствовали некоторые факторы. В 1807 г. был выпущен манифест “О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий”. Разрешено организовывать “товарищества”. Дворянам рекомендовалось записываться в гильдии.

В первой половине XIX в. продолжалось укрепление инфраструктуры внутренней торговли: больше появлялось ярмарок, усиливались их обороты; возросла численность торговых складских помещений; совершенствовались торговые тракты; в немногочисленных городах Оренбургской губернии постепенно налаживалась стационарная торговля и т.д. Однако внутренняя торговля в Оренбургской губернии имела серьезные препятствия для своего развития. К ним можно отнести слабую заселенность края, отдаленность его от центральных рынков, трудности в общении с другими регионами, редкость больших дорог и тор-

говых путей, слабый покупательский спрос местного населения. К этому следует добавить, что развитие торговли во многом зависело от политики правительства и губернской администрации. С начала XIX в. и до 60-х годов характерно лишь усиление опеки и контроля со стороны правительства над промышленностью, сельским хозяйством и торговлей.

Предпринимательская деятельность, в т.ч. и торговля, расписана была в законах, многочисленных циркулярах и инструкциях. Велика была роль губернаторов, которые активно вмешивались в экономическую жизнь. От губернатора, например, зависел уровень цен на продовольствие. Цены вырабатывались советом городских голов, богатых купцов, дворянами. Выше и ниже установленных пределов цены не допускались. Представители администрации “сидели за свободой” торговли на ярмарках и базарах, за порядком, качеством продукции. Главной задачей губернатора была охрана интересов казны; он контролировал все поставки и подряды на проведение различных видов работ и торговли. От губернатора зависело открытие ярмарок и базаров. Это давало простор произволу, процветанию “личного взгляда” на вещи.

И, тем не менее, торговля в первой половине XIX в. заняла прочное место в системе экономических отношений Оренбургского края.

Торговые связи отдельных городов и уездов, сел, деревень и казачьих станиц осуществлялись через ярмарки и базары. Количество ярмарок быстро увеличивалось: в 1815 г. их было всего 15, а в 1850 г. уже 149 (по данным В.М. Черемшанского, в 1850 г. — 128)²⁴. Большинство ярмарок приходилось на Бузулукский, Уфимский, Бугурусланский, Челябинский уезды. Из городских ярмарок по своим оборотам выделялась Бирская в г. Бирске, Воздвиженская в г. Бугульме, Семеновская в г. Бугуруслане, Уфимская в г. Уфе. Около 80% ярмарок Оренбургской губернии были сельскими, среди которых преобладали торжки с оборотами в 1 — 10 тыс. руб. серебром. На мелкие ярмарки неохотно направлялись крупные и средние купцы, поэтому хозяевами на них были в основном торгующие крестьяне.

В сельской местности имелись и очень крупные ярмарки. В Уфимском уезде такими были Насибашевская в д. Насибаше-

вой, Дуванская в д. Дувани, Мясогутовская в д. Мясогутове, Тастубинская в д. Тастубе.

В Оренбургском уезде своими оборотами выделялись Исакиевская, Воздвиженская, Никольская, Покровская. В Троицком уезде — Троицкая, Златоустовская, Трехсвятительская. В Челябинском уезде — Крещенская, Алексеевская, Рождественская, Сретенская, Ильинская. В Бузулукском уезде — Владимирская, Сергеевская, Елшанская, Казанская, Пятницкая. В Бугурусланском уезде — Вознесенская, Вановская, Рождественская, Петровская. Среди сельских ярмарок, где обороты составляли от 2 до 10 тыс. руб., выделялась Буздякская в д. Бузде, оборот которой в 1850 г. составлял 484507 руб. и строился большей частью на торговле лошадьми.

На всех ярмарках Оренбургской губернии в 1850 г. в обороте было товаров на 7115503 руб. и продано на сумму 2795359 руб. Следовательно, успешность их составляла 39,2 %. На городские ярмарки в течение пяти лет (с 1846 по 1850 гг.) было привезено товаров на 18352921 руб. серебром, а продано на 8927543 руб. серебром²⁵. Успешность их равнялась 48,6%. На сельских ярмарках привоз товаров составил 7786436 руб. серебром, а продано на 2864884 рубля. Успешность торговли сельских ярмарок оценивалась в 36,7%. Следовательно, успешность сельских ярмарок была ниже городских примерно на 10%, при этом ярмарочные обороты в городах составили 9910862 руб., а сельские — 10651320, т.е. были примерно равными.

Несмотря на значительные торговые обороты, приезжавшие на торги встречали трудности в сбыте своих товаров вследствие недостатка наличных денег у местного населения. Недостаток средств был вызван низкими ценами на продукты сельского хозяйства из-за сложности их сбыта. Товаров же, которые жители Оренбургской губернии могли бы предложить приезжим торговцам для обмена на ярмарках и базарах, было очень мало. В основном это было сельскохозяйственное сырье, живой скот, хлеб.

Определенные трудности имелись в городской торговле, которая целиком зависела от купечества. “Город Оренбург, — по словам военного губернатора П.П. Сухтелена в 1831 г., — по соединению в нем губернского и корпусного управления, хотя

считается первым местом в здешнем крае, но в отношении удовлетворения общих потребностей представляет многие затруднения оттого, что здешний купеческий край, состоя большей частью из людей, занимающихся одним заграничным торгом с киргизами и азиатцами, весьма мало заботится для потребления жителей и особенно высшего звания, которые по сему случаю принуждены бывают многие или выписывать из других мест, или покупать за такие цены, какие назначаются по произволу продавцов. Жители же окрестных и удаленных от города крепостей и селений, приобретая нужные вещи от разъезжающих временно торгашей, платят им еще с большею дороговизною или отдают за бесценок произведения своей сельской промышленности”²⁶.

Главными предметами торговли на городских и сельских ярмарках были привозные бумажные и шелковые изделия, чай, сахар, бакалейные товары. Из местных товаров — кожа, меха, поташ, воск, сало, хлеб, рыба, живой скот.

Определенная часть товаров, производимых в Оренбургской губернии, находила сбыт в других губерниях России. Главнейшими из вывозных товаров являлись: железо и изделия из него, медь, поташ, шадрик, лес, хлеб, сало, кожи, мед, воск, селитра. Оборот торговли Оренбуржья с другими губерниями в 1833 г. составлял 5194550 руб.²⁷ Этот показатель лишь примерно указывает на масштабы торговли Оренбургского края с другими губерниями, поскольку, как отмечал А. Кузьмин: “Четкая налаженность и особенно строгий учет никогда не были сильными сторонами русской хозяйственной жизни”²⁸. Сведения о торговле складывались из донесений полицейских чинов, ярмарочных комитетов, добровольных респондентов, известий самих торгующих, которые, в опасении фискальных действий властей, искажали отчетность и занижали объемы торговых сделок.

В течение первой половины XIX в. правительство продолжало политику, направленную на увеличение количества и усиление позиций купечества в Оренбургском крае. Почти полное отсутствие конкуренции, дешевизна земли, продуктов сельского хозяйства были весьма привлекательны для купцов, предпринимателей из других районов страны. Однако вплоть до конца

1820-х годов заселение Оренбургской губернии купцами шло медленно. Возникла потребность в формировании коренного оренбургского купечества. Основой его формирования стали мещане, государственные крестьяне. Выходцы из этих сословий составляли около 80% от всех, вновь приписавшихся в губернское купечество. Купцов из других губерний в составе южноуральского купечества было в 3 – 4 раза меньше, чем бывших мещан и бывших государственных крестьян. В формировании регионального купеческого сословия принимали участие и другие социальные группы: отпущенники, отставные солдаты, казаки, представители нерусских народов²⁹.

Численность купечества Южного Урала составляла в 1800 г. – 523 капитала всех гильдий (1964 душ м.п.), в 1824 г. – 87 капиталов (529 душ м.п.), в 1850 г. – 692 капитала (4994 душ м.п.). В городах и уездах Оренбургского края постепенно складывались группы купцов, определявших всю “погоду” в торговле.

В Оренбурге и Оренбургском уезде наиболее значительный вес в торговле имели купцы М. Деев, М. Усманов, М. Дюков, Г. Труев, И. Кривцов, В. Жильцов и др.

В Бирском уезде тон в торговле задавали Т. Уткин, Г. и Т. Осетровы, С. Осетров, С. Гордеев.

В Троицке промышленными и торговыми заведениями владели купцы И. Зарубин, А. Зарубин, Н. Осинев. Значителен был слой купцов из нерусских народов: Абдулкаримов, Бекантеев, Уразаев, Юсупов, Пулышев, Габбас Якупов, Ахметджан Халитов.

В Бузулуке известностью пользовались купцы: Сухов, Рязанов, Просвирин, Гостев, Ситников.

В Бугуруслане все салотопенные, воскобойные, мыловаренные и клеевые предприятия принадлежали мелким купцам: Барановскому, Косареву, Тумасову, Служаеву, Цинговатым, Безрукову, Фадееву, Яковлеву, Дементьеву. А в Бугурусланском уезде торговлю вели купцы Либавнов, Загвозкин, Коцелябин.

В г. Белебее и уезде удачливо вели свою деятельность купеческие сыновья Николай, Иван и Александр Эделевы, жена купца Горюхина, купец Сафонов.

В Стерлитамаке и уезде известны были купцы: Сухоруков, Владимирцов, Шишкин, Афанасьев, Хлебников, Поков, Евдо-

КИМОВ.

В Уфимском уезде и в г. Уфе развернули торговлю купцы Кутузов, Воронин, Беляков, Блохин.

Большую часть оренбургского купечества составляли купцы третьей гильдии (более 90%), имевшие незначительные капиталы. Процент третьегильдийского купечества превышал аналогичные показатели в других губерниях Урала, а также среднероссийские и имел тенденцию к увеличению. Характерным для оренбургского купечества является представительство в его рядах торговцев из числа мусульман. Важное место среди купцов-мусульман Оренбургского края занимали жители Сеитовой слободы — особого поселения казанских торговых татар, основанного в середине XVIII в.

В первой половине XIX в. свое развитие получила внешняя торговля в Оренбургском крае. Она имела два направления — торговля с казахами и с ханствами Средней Азии. В движении на Восток соединялись и тесно переплетались политические и экономические цели — пополнить за счет торговли государственную казну и расширить границы империи, найти новые рынки для молодой российской промышленности.

Внешняя торговля Оренбургской губернии происходила в непростых условиях. Серьезным препятствием для развития торговых сношений была беспокойная обстановка в Казахской степи. Именно так ее оценивало правительство. При назначении в 1803 г. новым военным губернатором Г.С. Волконский получил высочайше утвержденную инструкцию, которой, в частности, предписывалось: “1. Обратит внимание на весьма усилившиеся хищничества киргиз-кайсаков на линии (Оренбургской — В.Г.) и на неоднократные разграбления ... караванов, проходящих по степи...”³⁰.

Г.С. Волконский следовал полученной инструкции неуклонно. Уже в декабре 1803 г. в распоряжении директору Оренбургской таможни П.Е. Величко он отмечал: “По данным мне просьбам от купечества разных городов, торгующего из Оренбурга за границу в Бухарии, Хиве и других местах, замечаю я, что оные, понеся великие убытки от разграбления в степи киргизцами их с товарами караванов в продолжение уже пяти лет, теряют охоту и мало надеются в хорошем успехе и впредь про-

хода их караванов”³¹.

Проблема обеспечения безопасности внешней торговли постоянно находилась в центре внимания Г.С. Волконского. В конце 1807 — начале 1808 г. была предпринята попытка создать частную организацию для ведения торговли со Средней Азией — Русско-Азиатскую компанию. Восемнадцать купцов, торговавших в Оренбурге (среди них — Карелин, Крестовников, Кайдалов, Ахтямов), поддержали инициативу губернатора и представили проект учреждения компании с капиталом в 1 млн. руб. Идея организации вооруженного каравана не была реализована, так как ряд купцов отказались участвовать в нем, боясь разграбления в степи и возможных убытков.

Вторым фактором, сдерживающим торговлю Оренбурга со среднеазиатскими ханствами, являлось то, что в отношении оренбургских купцов здесь не всегда проявлялась благожелательность. Не было твердых гарантий для их безопасной торговли, защиты от вымогательства местной администрации, значительных торговых пошлин, притеснений и унижений по религиозным мотивам. Не способствовали развитию торговых отношений власти среднеазиатских ханств. П. Небольсин отмечал: “Правительства любого азиатского правления, по двуличности своих поступков, по отсутствию сознания идеи международного права, по основным коренным началам своего образа действий, держатся только на системе страха, жестокости и обмана, а потому никакие трактаты, договоры, конвенции и условия с ними невозможны по бесполезности”³². Оценка Небольсина, может быть, несколько категорична, но доля правды в ней значительна. Строить и поддерживать цивилизованные торговые отношения оренбургским купцам было делом затруднительным.

И, тем не менее, развитие торговых отношений Оренбурга с Бухарой, Хивой, Кокандом продолжалось. Торговля бухарских и российских купцов происходила на Меновом дворе, где в июне открывалась ярмарка, а в октябре она переносилась в Гостиный двор, куда на это время переходила и таможня.

О размерах торговли России с Бухарой можно судить по объемам ввозимых и вывозимых товаров. В 1801 г. из Бухары в Россию было ввезено товаров на 718,9 тыс. руб., в том числе

хлопковой пряжи на 483,7 тыс. руб., хлопчатобумажных тканей — 42,5 тыс., хлопка-сырца — 19,5 тыс., кож — 101,7 тыс., мерлушки — 45,8 тыс. рублей. За это же время вывоз в Бухару составил 504,7 тыс. руб.³³ В 1806 г. прибыл караван из 606 верблюдов с товарами в 1200 тюках с хлопковой пряжей, ревенем, кишмишем. В 1811 г. караван из 1066 верблюдов привез товаров на 3,3 млн. руб. и повез обратно на 1,8 млн. руб.³⁴ Наибольший интерес русская торговля и промышленность проявляли к хлопку, что позволяло, по словам управляющего Александровской мануфактуры Д.М. Волконского, “от выписки через иностранные конторы бумаги избавиться почти совершенно”³⁵. Пока русская промышленность мирилась с низким качеством хлопка, высокими ценами. Важно было наладить надежный канал поставок хлопка из Бухары на длительную перспективу, перехватить монополию бухарских купцов. Но пока приходилось прибегать к посредническим услугам бухарцев, заключению контрактов на поставки хлопка. Например, в 1809 г. были подписаны контракты с бухарскими купцами Мир-Абдудасул Мирабдуллою и Алла-Адином. В этом же году они караваном доставили 800 пудов хлопка. Купец Ю. Рязанбаев заключил контракт на поставку 1000 пудов хлопка и привез в Оренбург более 900 пудов на сумму свыше 30,5 тыс. руб.³⁶ В 1815 г. в Оренбург прибыли бухарцы А. Мумиджанов и Ю. Рязанбаев, которым разрешили приехать в Петербург. В столице они были приняты министром внутренних дел К.К. Нессельроде. В итоге “просьбы эмира Бухары о разрешении бухарским караванам пользоваться пастбищами на берегу Урала и принятии мер к предотвращению грабежей в казахских степях были удовлетворены, но освободить бухарских купцов от постоя правительство отказалось”³⁷.

В 1818 г. бухарский эмир через посла Мумиджанова просил русское правительство восстановить прежний торговый тариф и разрешить бухарским купцам торговать не только в Оренбурге, но и в других городах. Министерство финансов ответило, что вновь введенный тариф может быть отменен только “после выяснения его влияния на благосостояние торговли”. Просьба о разрешении бухарским купцам торговать в других городах России отклонена, поскольку этим был бы создан прецедент для

купцов других государств добиваться таких же льгот в ущерб интересам российского купечества³⁸.

Торговые связи поддерживались с Хивой, Кокандом. Основными привозимыми товарами являлись хлопок, кожи, фрукты и овощи, шелк, шерсть, мех, живой скот. Вывозились, главным образом, мануфактурные товары, поступавшие в свою очередь в Оренбург из Московской, Владимирской, Нижегородской губерний.

Торг с “азиатцами” все так же шел на меновых дворах. Гильдейских купцов было еще мало. В 1832 г. купцов, ведущих “азиатский торг”, в губернии насчитывалось 22. Из них пятеро были купцами троицкими, девять — оренбургскими, остальные — ростовскими, камышинскими, арскими, малмышскими, верхнеудинскими, нижегородскими³⁹.

Стремление активизировать торговлю на меновых дворах очевидно. Департаментом мануфактур и внутренней торговли было рекомендовано разрешить торговлю мещанам, крестьянам. Учитывалось, что не все оренбургские купцы располагали значительными капиталами, и с 1826 по 1831 гг. и с 1836 по 1849 гг. оренбургским купцам 2-й и 3-й гильдий, так же, как и крестьянам, торгующим по свидетельствам 2-го и 3-го родов, был дозволен заграничный азиатский торг на правах купцов 1-й гильдии, но без получения личных прав, присвоенных этой гильдии⁴⁰.

На азиатских рынках оренбургские купцы не испытывали благоприятных условий для ведения торговли, о чем уже говорилось выше. В отношении “азиатцев” не всегда проявлялись внимание и честность. Они нередко сталкивались с беззаконием и нарушением правил торговли. А. Алекторов справедливо отметил, что многие местные купцы обнаруживали “умение торговать там, где плохо лежит, способность пользоваться смутным временем, чтобы вручить азиатцу за его добро никуда не годный хлам и втридорога”⁴¹. Торговля с “азиатцами” не всегда велась честно. Применялись спиленные (т.е. облегченные) гири, по предварительному сговору ряда купцов искусственно сбивалась цена на товары, к мене предлагался недоброкачественный товар и т.д.

Сказывалась на торговле и двойственность политики правительства в отношении среднеазиатской торговли. С од-

ной стороны, принимались меры к ее расширению и закреплению в Средней Азии, а с другой – торговая деятельность азиатских купцов сдерживалась строго установленными местами для торговли, слабым обеспечением безопасности торговых путей. Правительство не стремилось значительно усилить региональное оренбургское купечество в первой половине XIX в. Таким образом, задача по превращению Оренбургской губернии в мощный центр торговли со Средней Азией была решена лишь частично. Оренбургским купцам так и не удалось в рассматриваемое время занять в торговле главенствующее положение. Внешняя торговля в Оренбургском крае отличалась нестабильностью, значительными перепадами в торговых оборотах. Отпуск и привоз товаров через Оренбургскую, Троицкую, Звериноголовскую, Орскую, Верхнеуральскую таможи, по имеющимся данным, выглядел следующим образом:⁴²

Годы	Отпуск	Привоз
1830 – 1834 гг.	12238128 руб.	15169631 руб.
1835 – 1839 гг.	13082718 руб.	19602902 руб.
1840 – 1844 гг.	5029617 руб.	7825947 руб.
1845 – 1849 гг.	4423300 руб.	7101840 руб.

Очевиден отрицательный баланс в торговле не в пользу Оренбургского края, но уже впечатляют размеры торговых оборотов, хотя и они очень колебались. К середине XIX в. экспорт русских товаров в Среднюю Азию находился в состоянии зстоя. Хотя в то же время с усилением торговли с Казахстаном вывоз товаров увеличился.

В первой половине XIX в. торговые отношения Оренбуржья с Казахстаном выстраивались в непростой обстановке. После смерти Нурали-хана в 1805 г. развернулась ожесточенная борьба за власть в Малой орде между его сыном Каратаем и новым ханом Джантюри, которого поддерживало русское правительство. Каратай начал производить набеги на оренбургские крепости. Это крайне невыгодно отозвалось на экономическом положении Орды, где стало проявляться недовольство, вылившееся в движение за восстановление мира с Россией. Султан Арунгазы восстановил спокойствие в степи и принял на себя охрану караванов, идущих из Оренбурга в Бухару. Султан Кара-

тай, лишившись поддержки своих сторонников, вынужден был примкнуть к этому движению.

В первой половине XIX в. купеческие караваны, следовавшие через Казахскую степь, нередко становились объектом грабежей. В 1803 г. миссия Я. Гавердовского в Бухару направлялась с караваном, который был разграблен трехтысячной шайкой. Ущерб составил 296846 руб. В июне 1806 г. в ста верстах от пограничной линии казахи (киргизы) разграбили караван в триста верблюдов, следовавший из Хивы в Оренбург. В 1820 г. при губернаторе П.К. Эссене неудачно была осуществлена миссия в Бухару А. Негри. Летом 1837 г. у р. Ирғиз был разграблен купеческий караван⁴³.

Борьба за власть в Казахской орде настолько обострила родовые взаимоотношения, что русское правительство решило окончательно упразднить ханскую власть, заменив ее коллегией из представителей Казахской орды и русских чиновников. В 1824 г. ханская власть была упразднена, а все дела по управлению ордой были сосредоточены в Оренбургской пограничной комиссии. Для внутреннего управления Казахская орда была разделена на три части: Западную, Среднюю и Восточную, во главе которых были поставлены султаны-правители, опирающиеся на отряды русских казаков.

С назначением в 1833 г. военным губернатором В.А. Перовского политика в отношении казахов круто изменилась. Если раньше в отношении к ним проявлялись невероятная терпимость, снисходительность, уговоры и увещевания, то теперь был взят курс на более жесткое управление казахами, захват Казахской степи, закрепление их цепью новых военных укреплений.

Существенно на торговых отношениях отразилось вынесение на 100 верст в степь пограничной линии, что было одобрено правительством в 1835 году. Значительная часть казахов оказалась под пограничным контролем и присмотром. В результате: "... мена с киргизами на старой линии почти совершенно прекращается, перейдя на новую линию, где между тем вымениваемые и промениваемые товары не подвергаются действию таможенных правил"⁴⁴. Резко возрастает контрабанда, поскольку линия таможенная и линия пограничная были разнесены на значительные расстояния. 19 марта 1847 г. министру финансов

было сообщено о необходимости перенесения таможенной черты: “По случаю чрезмерно усиливающейся контрабанды солью, которую киргизы, добывая из находящихся в степи озер Эбелея и Урача, провозят чрез новую линию ежегодно до 15 тыс. пудов, продают оную жителям новой линии, а большей частию развозят по своим зимовкам и потом частично передают на старую линию”⁴⁵.

Постройка военной линии в Казахской степи негативно была воспринята в дальней Орде. В 1838 г. на этой почве вспыхнуло знаменитое восстание Кенисары Касимова, который, отделившись от России, объявил себя “ханом непобедимой орды” и решил срыть укрепления новой линии. И только в 1845 году, когда были построены мощные укрепления Тургай и Иргиз, Кенисары вынужден был откочевать на восток степи.

Перипетии межродовой борьбы казахов, восстания, усиление колонизации Казахстана, естественно, мало способствовали торговому обмену Оренбуржья с кочевниками. Меновой торг, зародившийся еще в XVIII в., продолжался и в первой половине XIX в. Важнейшей статьей мены был скот. Н. Небольсин отмечал: “По меновому торгу с казахами и киргизами скот в убойном виде шел из России на вывоз. Продажа убойного скота занимала первое место во внешней торговле России. Торговля убойным скотом на внешних границах России доходила до 2700 тыс. руб. в год. Пригон же из Оренбургской и Сибирской линии оценивался по пятилетней сложности следующим образом: в 1822 — 1826 гг. — на 416630 руб. серебром, в 1827 — 1834 гг. — на 545907, 1832 — 1836 гг. — на 893233, 1837 — 1841 гг. — на 860022, а в 1842 — 1846 гг. — на 1019140”⁴⁶.

На меновом торгу с казахами приобретался разный скот, кожи, волчьи и лисьи шкуры, шерсть, армячины, дешевые ковры, бязи, халаты, кушаки. На свои товары казахи выменивали у русских купцов муку, табак, кость, железо, различные металлические изделия, бумажные ткани, пуговицы, ленты и прочие мелочи.

Торговля с казахами была привлекательна для оренбургских купцов, тем более, она всячески поощрялась правительством и местной администрацией: “... еще в 1845 году было разрешено производить около укреплений “беспошлинно и свободно”

меновую торговлю. Несколько позже купцы 2-й и 3-й гильдии получили право вести торговлю вдали от укреплений в самой степи”. И этому немало способствовал оренбургский военный губернатор В.А. Обручев⁴⁷.

Торговля с казаками не всегда была добросовестной и честной. В.И. Даль отмечал, что на меновом дворе Оренбурга “были и приписные, и беглые мещане, отбивающие у первых (купцов) меновой торг с кайсаками, коим отсыпают нередко щедрою рукою за барана несколько помадных банок нюхательного табаку да мерочку муки, пополам с золою, с известью и песком...”⁴⁸. Очевидно, что солидных купцов не хватало, а те, кто вел торг с казаками, не были носителями высокой культуры в торговле. Военный губернатор П.К. Эссен справедливо отмечал особенность торговли в Оренбургском крае: “...киргизская торговля сия никогда не была в руках зажиточного российского купечества, ибо вымен скота, мягкой рухляди и других ордынских произведений, как-то: шерсти, пуху и прочаго, всегда производится мелочным набором, и самый образ сей мены требует великой навычки иметь дело с сим полудиким, недоверчивым народом, знать совершенно их язык и свойства...”⁴⁹.

Итак, развитие предпринимательства в Оренбургском крае в первой половине XIX в. сделало новый шаг в различных своих проявлениях и деятельности своих носителей, обрело новые формы. Но, как и в предыдущий XVIII в., его развитие не стало свободным, а происходило в контексте общественного и экономического развития дореформенной России. В это время в Оренбуржье экономика носила аграрный характер, преобладала промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырье. На горно-заводском Урале успешно развивалась металлургия, началась промышленная золотодобыча. Во внутренней торговле главенствующее положение занимали ярмарки, базары. Стационарная торговля не была развита даже в городах. Внешняя торговля велась с Казахстаном и ханствами Средней Азии. Укреплялось купеческое сословие, увеличивались его капиталы. В предпринимательство все больше устремляются крестьянство, мещане, дворяне, представители администрации. Постепенно в Оренбургском крае зарождается буржуазия, которая нуждалась в свободе торговли и предпринимательства, в отмене крепостного права.

Примечания

- 1 Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала (Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). – М., 1984. – С. 126, 127.
- 2 Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 127.
- 3 Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859. – С. 310.
- 4 Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 137.
- 5 История Оренбуржья. – Оренбург, 1996. – С. 105.
- 6 Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 146.
- 7 Центральный Государственный архив Республики Башкортостан (далее ЦГИА РБ). Ф.И-6. Оп. 2. Д. 61. Л. 26.
- 8 ЦГИА РБ. Ф.И-6. Оп. 2. Д. 63. Л. 74.
- 9 Арсеньев К.И. Статистические очерки России. – СПб., 1848. – С. 485.
- 10 ЦГИА РБ. Ф. И- 6. Оп. 2. Д. 63. Л. 351.
- 11 Шайхисламов Р.Б. Торгово-промышленная деятельность крестьян Южного Урала в первой половине XIX в. // Вестник моск. ун-та. Сер 8. История. – 1998. – № 1. – С. 28.
- 12 Шайхисламов Р.Б. Указ. соч. – С. 28–29.
- 13 Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. 14. – Ч. 2. – СПб., 1848. – С. 76.
- 14 Чупин Н. Записка о горном управлении и горном промысле на Урале // Горный журнал. – 1878. – Март. – С. 392.
- 15 Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII – XIX веков: Историко-краеведческие очерки. – Ч. 2. – Уфа, 1993. – С. 60.
- 16 Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. – М., 1998. – С. 118.
- 17 История Оренбуржья. – Оренбург, 1996. – С. 106.
- 18 Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 142.
- 19 Ничуговская Л.Р. Золотодобывающая промышленность Оренбуржья // Оренбургскому краю – 250 лет. – Оренбург, 1994. – С. 48.
- 20 Врата Рифея (сер. “Вся Россия”): Сборник, эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи. – М., 1996. – С. 70.
- 21 Петров К., Швецов В. Из прошлого златоустовских заводов. – Златоуст, 1926. – С. 41.
- 22 Падучев П. Уральская Калифорния // Исторический вестник. – 1896. – Т. 66. – С. 105.
- 23 История Оренбуржья. – Оренбург, 1996. – С. 105.
- 24 Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – М., 1959. – С. 250 – 251; Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859. – С. 383; Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 147.
- 25 Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 148.
- 26 Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 1999. – С. 197.
- 27 Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 148.

- ²⁸ Кузьмин А. Татишев. – 2-е изд. – М., 1987. – С. 225.
- ²⁹ Банникова Е.В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 1999. – С. 15 – 16.
- ³⁰ Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 1999. – С. 161.
- ³¹ Таможня в системе государственной внешнеэкономической политики России: региональный аспект. – Оренбург, 1999. – С. 191.
- ³² Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. – СПб., 1856. – С. 3.
- ³³ История Уз ССР. Ч. 1. Кн. 2. – Ташкент, 1995. – С. 28. – 29.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 16. Л. 131, 133.
- ³⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2256. Л. 2.
- ³⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2256. Л. 270, 282, 289.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1252. Л. 1.; Д. 13. Л. 19, 20.
- ³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1861. Л. 258, 262.
- ³⁹ Банникова Е.В. Внешняя торговля России со странами Азии через Оренбургскую губернию в первой половине XIX в. (Проблема взаимоотношений государства и частного капитала) // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути, решения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 28–29 марта 2001. – Ч. 1. – Оренбург, 2001. – С. 159.
- ⁴⁰ Столпянский П.Н. Город Оренбург. – Оренбург, 1908. – С. 242; ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11202. Л. 405; Оп. 10. Д. 5558. Л. 1, 34 об.
- ⁴¹ Алекторов А. История Оренбургской губернии. – Оренбург, 1883. – С. 122–123.
- ⁴² XVIII. Оренбургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года. – СПб., 1871. – С. ХСVI – ХСVII.
- ⁴³ Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 1999. – С. 153, 206, 222 – 223.
- ⁴⁴ Таможня в системе государственной внешнеэкономической политики России: региональный аспект. – Оренбург, 1999. – С. 158.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5308. Л. 172.
- ⁴⁶ Небольсин Н. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1. – СПб., 1850. – С. 214.
- ⁴⁷ Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 1999. – С. 222 – 223.
- ⁴⁸ Даль В.И. Повести и рассказы. – Уфа, 1981. – С. 90 – 91.
- ⁴⁹ Банникова Е.В. Указ. соч. – С. 151.

III. Подъём предпринимательской деятельности в Оренбуржье (середина XIX в. – первая половина 90-х гг. XIX в.)

Рассматриваемый период был самым благоприятным временем для подъёма предпринимательской деятельности в России и в Оренбургской губернии. Нарастание предпринимательской активности ощущалось вне зависимости от воли правительства и губернской администрации, от кризисов, состояния конъюнктуры на всероссийском и региональном рынках. Общество было подготовлено к преобразованиям всем ходом предшествующего развития. Постепенно утрачивалась патриархальность уклада жизни и экономики. Вместе с тем нельзя не заметить, что активность предпринимательства нарушала в известной мере традиционность российского общества, и это встречало противодействие определённых сил. Итак, налицо, с одной стороны, желание новизны и стремление проявить свою предприимчивость, с другой – желание затормозить эти явления.

“Вековое”, общинное (коллективное) начало в середине XIX в. всё ощутимее приходит в столкновение с началом индивидуалистическим. Но это начало тормозилось царизмом вплоть до “столыпинских” преобразований в начале XX в.

Достигнув крупных успехов в усилении власти, укреплении централизованного хозяйственного и политического режима внутри страны и российского державного статуса во внешней политике к середине XIX в., Российское государство, всегда играющее роль основного субъекта преобразований в стране, неожиданно для себя теряет инициативу, впадает в застой и терпит неудачи в сфере мировой политики. Крымская война 1853

— 1856 гг. показала стратегическое отставание России от западных держав, и это грозило переходу её в разряд второстепенных держав. Эта ситуация подстегнула необходимость поворота страны к реформам, призванным ослабить государственное закрепощение внутри страны, разбудить задавленную частную инициативу, дать некоторую свободу рыночным отношениям и предпринимательству.

В преддверии грядущих в стране реформ и в ходе серьёзных преобразований в пореформенное время жила и развивалась Оренбургская губерния.

В 1850 году Оренбургская губерния представляла собой значительную административно-территориальную единицу Российской империи. В административном отношении губерния была разделена на 12 уездов: Уфимский, Оренбургский, Челябинский, Троицкий, Верхнеуральский, Sterлитамакский, Бирский, Мензелинский, Белебеевский, Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский. Управление отдельными частями губернии было в ведении гражданского губернатора, находившегося в Уфе. Общее руководство краем осуществлял военный губернатор, резиденция которого находилась в Оренбурге.

Огромная территория губернии, трудности управления ею вынудили правительство несколько сократить её границы. В 1851 году Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды были переданы в состав Самарской губернии. После 1851 года территория Оренбургского края составляла 273961 кв. версту, или 282313 кв. километров¹.

Приток русского крестьянского населения на Южный Урал благоприятно сказался на развитии производительных сил края. Увеличилось население Оренбургского края и к 1850 г. оно составляло 2130037 душ об.п., военные с семьями — 263591 человек². В результате массовой колонизации в первой половине XIX века население края возросло в 2,7 раза, в то время как по России только в 1,5 раза. Расширялась площадь освоенных пахотных земель, развивалось земледелие, скотоводство, промышленность, промыслы.

Однако не все уезды Оренбургской губернии были достаточно заселены. Наиболее заселённой и освоенной в хозяйственном отношении была северо-западная часть губернии — Мензелинский, Бирский и Уфимский уезды. Менее заселёнными

были уезды восточной и южной частей губернии — Челябинский, Верхнеуральский и Оренбургский уезды, где на одну квадратную версту приходилось в среднем от 3,1 до 5,9 человек.

В первые пятнадцать лет второй половины XIX в. Оренбургская губерния всё ещё продолжала складываться по мере освоения новых территорий. Статус губернии как пограничной территории во многом определял её внутреннее существование. У губернской администрации на первом месте до 60-х годов XIX века стояли задачи военно-административного порядка, обеспечение неуклонного продвижения в Среднюю Азию, укрепление пограничной линии.

Сложная система управления, гигантские размеры Оренбургского края побудили власти поднять вопрос о его разделе. По Указу Сената от 31 мая 1865 г. № 28578 “О разделении губернии на две: Уфимскую и Оренбургскую и местном там управлении” произошло разукрупнение края³. В состав Уфимской губернии выделено шесть уездов: Уфимский, Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский и Стерлитамакский. Её территория составляла 118697 кв. км с населением 1239293 человека⁴. Оренбургская же губерния оставалась вплоть до 1868 г. пограничной территорией площадью 168491 кв. верст и населением 843533 человека⁵.

Естественно-географические и почвенно-климатические условия Оренбургской губернии в целом благоприятствовали развитию сельского хозяйства, составлявшего основную отрасль занятий населения.

В 1850 г. посевные площади в Оренбургском крае составляли 3,2 млн. десятин. Правда, урожайность оставалась низкой — сам-3,3 в 1850 г. и сам-5,1 в 1861 г.⁶

Ведущую роль в производстве хлеба играли крестьяне. На долю государственных, помещичьих и удельных крестьян в 1856 г. приходилось 52% посевов хлебов; башкир, мишарей, тептярей — 32,8%; оренбургских казаков — 11%; горнозаводского населения — 2,6%; уральских казаков — 1,6%.

На 1859 г. сельскими жителями считались 97,8% населения губернии. Не случайно оренбургский губернатор отмечал, что “главное богатство губернии заключается в хлебе и вообще в произведениях сельского хозяйства...”. Однако огромные пло-

щади не полностью включались в сельскохозяйственный оборот. Примерно только пятая часть имевшихся земель была удобна для пашенного земледелия. Процент крепостных крестьян в Оренбургской губернии был невелик — около 11,8% от общего числа жителей.

В результате реформы 1861 года на Южном Урале сложились условия, облегчившие процесс перехода сельского хозяйства на путь капиталистического развития. Среди них можно выделить быстрые темпы развития сельского хозяйства края по сравнению с центром России, обусловленные наличием свободных земель, постоянным ростом населения за счёт новых переселенцев, слабостью пережитков крепостничества, высоким спросом на сельскохозяйственную продукцию и возможностью её выгодного сбыта не только внутри региона, но и за его пределами.

Всё это в значительной мере предопределяло развитие капитализма в аграрном секторе, которое пошло по линии создания торгового земледелия, увеличения товарности сельскохозяйственного производства. Площадь посевов в регионе составляла: в 1865 г. — 2179850 дес., 1875 г. — 2101122 дес., 1885 г. — 2075245 дес.⁷ По мере увеличения производства товарного хлеба расширялась его поставка на внутренний рынок, а также на Уральские заводы, в Казахстан, ряд соседних губерний. Развитие сельского хозяйства в первой половине XIX в. повлекло неизбежное появление в этой сфере предпринимательства. Усилия его сосредоточились на скупке зерна и другой продукции сельского хозяйства, организации их транспортировки, переработки и последующей реализации в виде полуфабрикатов и фабрикатов.

Хотя экономика Оренбургской губернии носила преимущественно аграрный характер, на её территории получило развитие и промышленное производство. Администрация губернии так оценивала состояние промышленности: “В отношении промышленности Оренбургская губерния представляет местность, всё значение которой принадлежит будущему. В настоящее время в важнейших сторонах экономической деятельности замечается переходный период”⁸.

В 1860 г. в Оренбургской губернии действовали 289 про-

мышленных предприятий, которые произвели продукцию на 3,7 млн. рублей. Ведущее положение занимали 26 предприятий горной и горнозаводской промышленности, на долю которых приходилось 60% промышленной продукции губернии⁹. На заводах Южного Урала производилось железо, чугун, медь и изделия из них. Широкой известностью пользовались частные горные заводы по выплавке чугуна: Белорецкий, Каменский, Ситский, Катавский, Авзянопетровский, Юрюзанский, производившие 1667856 пудов чугуна на 1219844 рубля¹⁰.

После разделения Оренбургского края в 1865 г. промышленность Уфимской губернии насчитывала 202 небольших заводов и фабрики, в том числе, занимавшихся: обработкой животноводческой продукции — 79 с производительностью в 251187 руб.; растительной продукции — 85 с производительностью в 754774 руб.; полезных ископаемых — 38 с производительностью в 1587422 руб. Продукция всей промышленности в новообразованной губернии в 1865 г. оценивалась в 2593383 руб.¹¹

Промышленность Оренбургской губернии, сильно сократившейся в своих размерах, в 1865 г. была представлена 167 различными предприятиями, в том числе, занимавшихся: обработкой животноводческой продукции — 92 с производительностью в 272721 руб.; растительных продуктов — 35 с производительностью в 527429 руб.; полезных ископаемых — 40 с производительностью в 1013233 руб.¹²

Промышленное развитие неуклонно росло, что было отмечено Центральным статистическим комитетом МВД в 1866 г.: “Оценивая всю заводско-фабричную промышленность губернии, не исключая горных заводов, золотых промыслов и соляных копей Илецка, получим: в целой губернии выделялось всех продуктов на 3699000 рублей (золотые промыслы определим числом 130 пудов золота по 10000 рублей за пуд, 1300000 рублей, медеплавильные заводы, 12000 пуд. меди по 10 руб. пуд, 120000 рублей, чугуноплавильные и железоделательные средним числом 900000 рублей, соль один миллион пудов по средней цене 30 коп., 300000 рублей, винокуренные заводы, 320000 ведер полугара по 1 руб. за ведро без акциза, 320000 рублей, прочие заводы 759000 руб.)”¹³.

В последующее время, несмотря на то, что горнозаводское дело переживало застой, общее промышленное производство неуклонно росло и уже в 1890 г. давало продукции на 6648558 руб.¹⁴

В пореформенное время постоянно наращивались мощности промышленности, перерабатывающей продукцию сельского хозяйства. Среди них преобладали мелкие и средние заводы и фабрики: салотопенные, свечные, мыловаренные, кожевенные, суконные, винокуренные, водочные и др.

В 1895 г. в Оренбургской губернии имелось 60 предприятий по переработке животноводческой продукции, оценивавшейся в 724125 руб. Растительные продукты перерабатывало 68 предприятий, дававших 4850625 руб.¹⁵ Часть производимой продукции потреблялась на месте, другая часть вывозилась в соседние губернии.

Оренбургская губерния располагала значительными лесными массивами в её северо-восточной части. Благодаря этому широкое развитие получило производство поташа (карбоната кальция) из древесной золы. За пределы губернии вывозился деловой лес, изделия бондарного промысла, рогожи, мочала. Край снабжал собственное население солью Илецка, вывозил её в Поволжье.

Развитие экономики губернии в значительной мере зависело от состояния путей сообщения. Связь между населёнными пунктами осуществлялась гужевым транспортом по почтово-коммерческим трактам, торговым дорогам, проселкам. Именно по ним осуществлялась основная переброска грузов и прогон живого скота, совершались поездки на ярмарки и базары. К 1861 г. на Южном Урале насчитывалось 7 главных коммерческих трактов: Верхнеуральск — Бугульма; Троицк — Екатеринбург; Челябинск — Курган; деревня Янгильдинова с выходом на тракт от Троицка до Уфы; деревня Азаматова — Бирск; Бирск — Мензелинск; Бугульма — Елабуга¹⁶.

Для перевозки различных грузов использовались водные пути. Реки Оренбургской губернии подразделялись на три системы. Реки Камского бассейна в западной и северной частях края, реки бассейна р. Урал в южной и юго-восточной части, и реки на востоке, впадающие в Тобол. Наибольшее значение для экономики края имели реки Камского бассейна, в частности, река Белая и её притоки. По этому водному пути в Европейскую часть России сплавлялись металлы с Урала, лес, различные товары.

Таковыми были основные условия для развития предпринимательства в Оренбургской губернии во второй половине XIX в. Сферы предпринимательства постепенно расширялись по мере экономического развития края.

Во второй половине XIX в. важным объектом предпринимательства являлись предприятия горной и горнозаводской промышленности, находившиеся в частной собственности, а также по заготовке леса и его переработке. Грузы с заводов по рекам Уфе, Аю, Симу, Юрюзани, Белой состояли почти из одних металлов: меди, чугуна, железа и металлических изделий. Вёлся сплав леса по рекам Белой, Уфе, Уралу, Сакмаре, Ику.

В это время нельзя не заметить, что многие заводчики испытывали определённые трудности в организации производства и финансах. Так, в 1851 г. за генерал-майором А. Пашковым по заводам числился долг в сумме 35095 руб. Значительные долги имел по заводам Д.П. Демидов — около 85 тыс. руб. Его наиболее крупными кредиторами были статский советник Бедняков, наследники статского советника Энгельгардта, чиновник Зоринский, купец Милов и др.¹⁷

Предприниматели — владельцы горных заводов в гонке за прибылью нещадно эксплуатировали своих рабочих. И это встречалось острым недовольством рабочих, волнениями приписанных к заводам крестьян. Например, в январе 1853 г. вспыхнули волнения на Кагинском заводе, и только с помощью военной команды забастовка была подавлена.

Из-за тяжёлого положения крестьян на Кагинском и Узьянском заводах последние были взяты в казённое управление, но не надолго. Петербургский купец второй гильдии М.Ф. Гротен 27 июля 1853 г. купил заводы с публичных торгов. При продаже на заводах был долг на сумму 127049 руб., сами же заводы оценивались в 64797 руб. 58 коп. Вскоре заводы были приобретены почётным гражданином Никифоровым и купцом Татариновым, а уже в 1862 г. Татаринов продал свою часть Никифорову.

Сложная ситуация сложилась на Кыштымских заводах. Наследницы купца Расторгуева, родные сёстры, купчиха М.Л. Харитонова и почётная гражданка Е.Л. Зотова проживали в Петербурге и никак не могли поделить огромные доходы от Верхне- и Нижнекыштымского, Сак-Элгинского, Каслинского, Назе-

петровского, Шемахинского заводов и золотых приисков.

Отмена крепостного права в 1961 г. потребовала от заводчиков новых подходов к хозяйственному руководству, внедрения более передовой техники и технологий. Однако заводовладельцы с их потребительским и алчным отношением к заводским прибылям не смогли приспособиться к новым экономическим условиям, и уже в 1862 г. выплавка чугуна на Урале сократилась почти на одну треть.

Уже вышеупоминавшееся владелицы заводов М. Харитонova и Е. Зотова о развитии заводского производства заботились меньше всего, занимаясь дележом доходов. Поэтому, когда их управляющие требовали на производственные нужды денег, владельцы заводов отвечали: берите ссуду в банке.

Нелёгкие времена переживали Сергинско-Уфалейские заводы, принадлежавшие до 1848 г. К. Губину. В 1851 г. управляющий этими заводами майор Волховский жаловался в Сенат на то, что казною отобрано 35 железных рудников. В 1861 — 1865 гг. всё горнозаводское хозяйство малолетних наследников Губина находилось в казённом управлении. За это время ближайшие родственники наследников буквально разграбили округ, систематически похищая оборотный капитал. Их деятельность по управлению и опеке над сложным хозяйством сопровождалась незаконными залогами металлов, хищением заводских денег и различными подлогами. В 1865 г. было произведено по всему заводскому округу следствие, которое обнаружило, что за малолетними наследниками Евгением и Анатолием Губиными числились огромные суммы денег в 1074128 руб., взятые под залог металлов, а рабочим на заводах совершенно не выдавалась заработная плата. Поэтому Министерство финансов распорядилось в 1865 г. продать заводы с торгов для возмещения казённых долгов.

Во второй половине XIX в. интерес предпринимателей был прикован к золотопромышленности в районе Златоуста и Миасса. В 1850 г. насчитывалось на Южном Урале 30 золотых приисков, где добывалось 51 пуд 33 ф. 33 золотника золота¹⁸.

Заводская стоимость золота на Миасских приисках была высокой. С 1866 по 1868 гг. она составляла около 1 руб. 94 коп. за золотник (старая русская мера веса, равная 1/96 фунта, или

4,26 г. — В. Г.). На других казённых золотых приисках со всеми накладными расходами последние достигли на: Березовском прииске 2 руб. 97 коп., Турьинском — 3 руб. 17 коп. за золотник¹⁹. Для казны это было слишком дорогое золото. Поэтому встала необходимость передачи золотых приисков в частные руки на определённых условиях. В числе претендентов на золотые прииски был генерал-лейтенант граф Н.В. Левашов. В 1877 г. был составлен акт, по которому в золотопромышленную компанию графа Левашова вошли полковник В.И. Асташев, генерал-адъютант граф П.А. Шувалов, генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков и в качестве “денежного мешка” принят потомственный дворянин И.К. Дараган. Арендаторы приисков должны были выплачивать казне 20% натурой со всего добываемого золота.

“Миасское золотопромышленное товарищество графа Н.В. Левашова, И.К. Дарагана и К^о” с мая 1877 г. развернуло свою деятельность. Однако прииски требовали серьёзных финансовых вложений, и вскоре одна французская компания предложила свою помощь. И уже в 1879 г. русское правительство согласилось на передачу Миасских золотых промыслов “французскому анонимному акционерному обществу с ограниченной ответственностью”. С этого времени компания стала именоваться “Миасским золотопромышленным товариществом”. Таким образом, представители титулованной знати Петербурга вместе с русской группой баронов Г.О. и Г.Г. Гинцбургов в тесной связи с французской ветвью Гинцбургов прибрали к своим рукам богатейшие Миасские золотые промыслы на Южном Урале.

Передача золотодобывающей промышленности в Оренбургском крае в руки частных предпринимателей дала толчок в её развитии, хотя это произошло не сразу. Так, частная золотопромышленность в 1870 г. дала результаты “менее удовлетворительные сравнительно с предшествующим годом, так как в операции 1870 года получено золота на 4 пуда 23 золотника 83 доли меньше”²⁰. В 1870 г. на 246 приисках было добыто и промыто песков в 92593492 пуда с общим содержанием золота в 100 пудах песка в 42 $\frac{1}{4}$ доли и получено золота 105 пудов, 29 золотников и 9 долей. Вместе с тем потенциал золотых приисков ис-

пользовался не полностью. Из числа 345 приисков, числившихся по ведомости, разрабатывалось всего 122, в разведке находилось 124; 99 — вообще не разрабатывались²¹. Несмотря на принимаемые предпринимателями - золотопромышленниками меры, на приисках процветало хищение золота. Только в 1865 г. “уходило” в Среднюю Азию с окрестных приисков г. Троицка до 50 пудов золота²².

К 1894 г. добыча золота достигла: на казённых землях (Мисасские золотые промыслы 185 пуд., на башкирских землях 16 пуд., на земле Оренбургского казачьего войска — в Троицком уезде 132 пуд., в Челябинском — 11 пуд., в Верхнеуральском — 13 пуд., всего на казачьих землях 156 ½ пуда; всего же по Оренбургскому округу в год 258 ½ пуда...) ²³.

Расширение хозяйственной деятельности, рост населения, развитие промышленности, сельского хозяйства и усиление его товарности потребовали укрепления торговой сети в Оренбургском крае, которая была представлена в основном ярмарками и базарами. Ещё в 1861 г. отмечалось, что “торговля губернии по недостатку сбыта носит характер преимущественно ярмарочный”²⁴. К 1865 г. обозначился количественный рост и увеличение торговых оборотов и ярмарок. Так, в 1865 г. в Уфимской губернии в соответствии с потребностями населения в увеличении мест торговли было учреждено вновь 11 ярмарок. В этом же году было проведено в шести её уездах 58 ярмарок, из которых 11 были крупными (оборот — 100 тыс. руб. и выше), 26 — средними (оборот от 10 до 100 тыс. руб.), 21 — мелкими (оборот до 10 тыс. руб.)²⁵. В Оренбургской губернии в 1865 году действовало 74 ярмарки. Из них были: крупными — 13, средними — 43, мелкими — 18²⁶. Всего же на Южном Урале в 1865 г. действовало 129 ярмарок, в том числе: крупных — 24 (18,6%) с оборотом в 11781117 руб., средних — 69 (53,4%) с оборотом 2294508., мелких — 36 (27,9%) с оборотом 152026 руб.²⁷

Видно, что на Южном Урале по численности преобладали средние ярмарки, в то время как по России они составляли примерно 12%. Причиной такого положения являлось то, что местом проведения крупных ярмарок были губернские и уездные центры. Для их проведения требовалась определённая подготовительная работа, решение организационных вопросов и неко-

торые финансовые затраты. Кроме того, крупные ярмарки были полем деятельности гильдейских купцов, промышленников и перекупщиков, которые больше занимались оптовой торговлей. Нишу между крупными и мелкими ярмарками занимали средние, которые были более мобильными, обходились без посредников.

Ярмарочная торговля не охватывала полностью потребности населения в сбыте продукции и приобретении товаров, так как они проводились периодически. Промежуток между ярмарками занимали базары. После деления края на Уфимскую и Оренбургскую губернии в 1865 г. в них числилось соответственно 22 и 28 базаров, а в 1890 г. — 240 и 145.

Условия экономического развития Оренбуржья в пореформенное время (превращение его в регион торгового земледелия, расширение промышленного производства, выгодное географическое положение, включение регионального рынка в общероссийский и др.) способствовали развитию торговли. Торговля в Оренбургской губернии стала важнейшей сферой предпринимательства. Определились основные направления и формы торговли. Наиболее выгодные из них стали полем деятельности гильдейских купцов, промышленников, торговцев, перекупщиков. Торговлю Оренбургской губернии можно разделить на внутреннюю и внешнюю. Тон в ней задавали купцы как городские, так и сельские. Внутренняя торговля делилась на городскую и сельскую. И осуществлялась она на ярмарках, базарах, торжках, лавках, ларьках, палатках, павильонах. Внешняя торговля велась через меновые дворы Оренбурга, Орска, Троицка, в приграничной полосе вплоть до перенесения таможенной линии в 1868 г. на Сыр-Дарью.

Оренбургская губерния специализировалась на производстве, переработке зерновых культур с последующей продажей их для удовлетворения местных потребностей, так и за её пределы. Посевные площади в Оренбуржье под хлеба возросли с 737347 дес. в 1865 г. до 1222194 дес. в 1895 г., т. е. в 1,6 раза²⁸. Расширение посевных площадей сопровождалось увеличением валового сбора зерна, среди которого преобладала пшеница. По нашим подсчётам, в 1865 г. валовой сбор зерна в Оренбургской губернии составил 19725462 пуда, а в 1895 г. уже 40080861 пуд;

“излишки” хлеба составляли соответственно: 387506 и 14019809 пудов. По мере производства товарного зерна увеличивается его поступление на рынок. Наиболее интенсивно шёл сбыт пшеницы, ячменя, овса, проса на городских и сельских ярмарках, базарах, а также на меновых дворах. Постепенно в губернии сложились центры хлебной торговли. В Челябинском уезде хлебная торговля первоначально сосредоточилась в руках мещан города Челябинска. Комиссия города по улучшению общественного управления в этой связи отмечала ещё в 1862 г.: “Мещане занимаются закупкою хлеба, привозимого из окрестных селений, и продажей его преимущественно на золотые прииски и горные заводы Златоустовского округа, а также развозом и продажей на сельских ярмарках Челябинского уезда”²⁹. К концу же века инициатива в торговле хлебом перешла в руки купцов-хлебопромышленников и фирм, в т.ч. иностранных.

Усиленно развивалась хлебная торговля в г. Троицке, где “... мещане-прасолы скупают хлеб у окрестных казаков, которые привозят его уже смолотым. Ежегодно обращается в торговле до 500 тыс. пудов хлеба. В степь сбывается до 200 тыс. пудов”³⁰.

Верхнеуральский уезд специализировался большей частью на производстве и продаже муки разных сортов. В 1864 г. только мельница купца Макарова поставляла на рынок до 300 пудов муки ежедневно³¹.

Значительные объёмы зерна поступали на продажу в г. Оренбург. Часть его скупало население, часть приобреталась на казённые нужды (тюрьмы, приюты, войска). Хлеб возами отправлялся в Уфимскую губернию, где продавался в Мензелинске, Стерлитамаке, Бирске, Давлеканово.

В Оренбургской губернии в 60-е годы XIX в. поток вывозимого хлеба шёл в Киргизскую (Казахскую) степь. По данным Орской, Оренбургской и Троицкой таможен, через них в 1866 г. прошло хлеба на 72655 руб.³²

Расширению хлебной торговли способствовало открытие в 1876 г. Самаро-Оренбургской, а в 1883 г. Самаро-Уфимской железной дороги. Это расширило возможности вывоза хлеба за пределы региона, тем более что цены на хлеб были ниже, чем в Европейской России. Например, в Оренбургской губернии в

1881 — 87 гг. пшеница стоила в зависимости от сорта: высший — 75 коп., средний — 72 коп., низший — 68 коп. за пуд. В центре России цены на эти же сорта пшеницы составляли соответственно: 1,05; 1,01; 0,97 руб. за пуд³³. Именно разница в цене на хлеб создала предпосылку для его вывоза за пределы губернии. За первое пятилетие с 1877 по 1881 год по Самаро-Оренбургской железной дороге было вывезено 41227 тыс. пудов хлеба, или 8245 тыс. пудов в среднем за год³⁴. Оренбург становится крупным центром мукомольной промышленности и продажи зерна, крупы, муки. Вторым центром стал г. Челябинск. Здесь крупную оптовую торговлю хлебом вели купеческие семейства Мотовиловых, Самохваловых, Кашириных. К середине 90-х годов XIX в. в Челябинске обосновались шесть торговых контор по закупке, переработке и продаже, принадлежавших купцам Павлову, Степанову, Холодову и др. С ними конкурировали фирмы по экспорту пшеницы: “Луи Дрейфус”, “Миллер и К^о”, которые перевозили её по железной дороге к Балтийским портам и далее за границу.

Оренбургские купцы, промышленники-мукомолы вели оживлённую торговлю с разными городами Европейской России. Хлебные грузы отправлялись в Казань, Петербург, Москву, Ригу. В 1895 г. за пределы губернии было отправлено 17645000 пудов хлебных грузов, из которых 637 тыс. пудов поступило в Московскую губернию³⁵.

В пореформенное время в сферу интересов предпринимателей активно включается торговля скотом и переработка продукции скотоводства. Для этого имелись необходимые условия. В 1867 г. в Оренбургской губернии имелось 1936089 голов скота, в 1892 г. — 2126789 голов. Для переработки продукции скотоводства в Оренбургской губернии (до разделения в 1865 г.) имелась перерабатывающая промышленность: 32 салотопенных завода, 12 свечных, 6 мыловаренных, 82 кожевенных, 1 суконный, 2 кишковаренных, 1 сыромятный, производивших продукции на 639171 руб.³⁶

Живой скот на ярмарки и базары поступал не только от сельских жителей, но и пригонялся из Казахской степи. Купцы, прасолы покупали живой скот на специально отведённых местах — площадях, коновязях, загонах. Торговля животновод-

ческой продукцией велась из лавок, складов, лабазов. Продажа шерсти, кожи, волоса, щетины нередко шла с воев.

Оживлённый характер носила торговля живым скотом, доставляемым на Оренбургскую пограничную линию в 60-х годах XIX века. По нашим подсчётам, в 1861 г. из Казахской степи поступило 565094 головы скота, в т. ч. 525434 овец и коз, 12461 лошадь, 27089 голов крупного рогатого скота, 110 верблюдов на сумму 2099691 руб.³⁷

Масса скота забивалась с целью получения мяса, сала, кожи. Сперва скотопромышленники производили забой скота на так называемых “салганах”, которые устраивались на скорую руку вблизи рек, что позволяло “сплавлять” отходы производства. Это снижало издержки на их утилизацию. Постепенно был осуществлён переход от полукустарного к промышленному забою скота. На 30 бойнях только г. Оренбурга в 1890 г. забивалось до 30 тыс. крупного рогатого скота и до 150 тыс. овец. На бойнях Троицка — 1500 голов крупного рогатого скота и около 45 тыс. овец³⁸. Переработанная продукция поступала в торговлю на местные рынки и базары. В зимнее время мясoproductы санными обозами отправлялись в Уфимскую, Казанскую губернии, Уральские заводы. Шкуры после обработки на кожевенных заводах продавались в Нижний Новгород, Петербург, Москву, Ригу. Таким образом, торговля скотом и продукцией животноводства к середине XIX в. стала важной составной частью всей торговли в Оренбургском крае.

Видное место в пореформенное время в предпринимательской деятельности Южного Урала занимала лесоторговля, опиравшаяся на лесопромышленное производство. Примерно до 80-х годов XIX в. лесная промышленность носила кустарный характер и даже не упоминалась в отчётах губернской администрации. И, тем не менее, товарные отношения проникают постепенно в лесопромышленность и торговлю лесом. Крупные лесопилки появились в Уфе, Бирске, Мензелинске. В Уфимской и Оренбургской губерниях развивается столярный промысел, дававший в торговлю очень разнообразный ассортимент изделий из дерева, начиная от добротной мебели и самопрялок и кончая корытами, рамами, кухонной утварью. Широкое развитие принял бондарный промысел, который поставлял на ры-

нок бочонки, жбаны, кадки, ведра, коромысла, совки. В северо-восточных уездах губернии было налажено производство возков, тарантасов, колёс, телег, кузовов, саней, коробок, туесов, корзин.

Инициатива предпринимательства в 60-е — начале 70-х гг. XIX в. сдерживалась из-за ряда законодательных ограничений по эксплуатации лесных угодий. До 1869 г. продавать и арендовать лесные угодья было весьма затруднительно, поскольку каждая торговая сделка утверждалась с оренбургским военным губернатором. Серьёзным препятствием для предпринимательства в лесопромышленности являлось то, что основные лесные массивы находились во владениях башкир, но оно было преодолено 10 февраля 1869 г., когда были приняты правила “О размежевании башкирских дач для наделения башкир-вотчинников и их припущенников и о порядке продажи и отдачи в оброчное содержание общественных башкирских земель”³⁹. В соответствии с этими правилами в Уфимской и Оренбургской губерниях было отрезано у башкир 839553 дес. лесных угодий. Именно этот момент стал звёздным часом в бурном развитии лесопромышленности и в торговле лесом. Лесные угодья, оставшиеся в виде наделов у башкир-вотчинников немедленно стали объектом деятельности предпринимателей, торговцев. К этому приложили руки и чиновники местной администрации.

Предпринимательство в лесопромышленности носило характер далеко не цивилизованный. Более того, здесь предпринимательство проявило не самые лучшие свои качества — алчность, неразборчивость в средствах, обман. Лес в массовом порядке подвергался лесопромышленниками вырубке и продаже строительных материалов, брёвен, дров. Купцы, чиновники, помещики быстро поняли перспективность развития лесоторговли. Вместе с заезжими дельцами они активно начали скупать за бесценок лесные угодья. Местная пресса не без основания отмечала: “В крае возникло что-то вроде поземельной лихорадки, напоминающей золотую лихорадку в Калифорнии”⁴⁰.

Оренбургская губерния в отличие от Уфимской была гораздо беднее лесом, что вовсе не сдерживало инициативы предпринимателей и чиновников. Например, в Мензелинском уез-

де чиновникам из ближайшего окружения оренбургского генерал-губернатора было продано 10500 десятин на льготных условиях. В числе покупателей оказались управляющий государственными имуществами Уфимской и Оренбургской губерний Ивашенцев, управляющий канцелярией оренбургского генерал-губернатора тайный советник Климов. Крупным спекулянтom стала государственная казна. Под видом защиты Южного Урала от обезлесивания в казну было приобретено 507392 дес. в Уфимской и 772000 в Оренбургской губерниях⁴¹.

Лесопромышленные торговцы безжалостно расхищали лесные богатства с помощью так называемой “тёмной кортомы”. Суть её заключалась в том, что купцы, чиновники, лесопромышленники заключали с башкирскими вотчинниками договоры о поставках ими леса из своих участков на сплавные пункты. Плата за лес и плата за доставку устанавливались раздельно. Лес вырубался безучётно и вывозился зимой на сплавные пункты. Довольно часто лес скупался у вотчинников безо всякого договора. Например, купцы Чистозвонов и Шотт в 1879 г. скупили в Каракипчатской волости Оренбургского уезда 120 тыс. брёвен и 5 тыс. куб. сажень дров⁴².

Лесная промышленность и лесоторговля обрели свою значимость в экономическом развитии Южного Урала и оборачивались громадными прибылями для лесопромышленников, купцов, чиновников, которые действовали не только по одиночке, но и образовывали компании. Например, в 1876 г. компания лесопромышленников в составе Семёнова, Лаптева, Давлетшина, Ядгарова арендовала в Катайской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии угодья с правом ежегодной вырубки и продажи 4519 дес. леса. Реально к 1890 г. лес на арендованных землях оказался сплошь вырубленным и сплавленным⁴³.

Хищническая вырубка лесов купцами, промышленниками привлекла внимание губернских властей, и было внесено в Министерство внутренних дел предложение об изменении порядка эксплуатации башкирских лесов. Заметим, что для пресечения злоупотреблений в сфере разработки лесных богатств понадобилось 25 лет, и только 6 июня 1894 г. было утверждено мнение Государственного совета “О принятии в казённое заведение башкирских лесов Уфимской и Оренбургской губер-

ний”⁴⁴. Решение предельно простое, но не решавшее проблему хищнической разработки, распродажи и спекуляции лесом даже при установлении казённой его охраны. В том же году, например, лесопромышленное товарищество братьев Рамеевых заключило контракты на покупку брёвен и дров с площади в 254 тыс. десятин, а акционерное общество Белорецких заводов и Авзяно-Петровские заводы заключили с вотчинниками Тамьяно-Тангаурской волости Верхнеуральского уезда сделку леса с площади 250 тыс. дес.⁴⁵

Постепенно мелкие предприниматели-лесопромышленники вытеснялись крупными, и лесоторговля сосредоточилась в руках торговых домов (далее ТД — В.Г.). Известность масштабами своей деятельности в лесопереработке и лесоторговле приобрели ТД “Наследники Я.Х. Ильясова”, ТД “Наследники В.Г. Стахеева”, ТД “Братья Лаптевы”, владельцы лесопромышленных заводов Олышанские, купцы Ф.С. Стуколкин, В.Н. Петунин и др.

В Оренбургской губернии характер и динамика развития лесоторговли во многом обуславливались тем, что значительная часть её территории была безлесистой, а потребности в деловом лесе, изделиях из дерева, дровах ориентировали предпринимателей на расширение их ввоза из Башкирии и Пермской губернии. Уже в 80-х гг. XIX в. в Оренбург ежегодно прибывало 100 — 120 тыс. брёвен. Значительная часть леса сплавлялась по рекам Сакмаре, Уралу, часть перевозилась по железной дороге. Лесообрабатывающая промышленность Оренбургской губернии вплоть до середины 90-х гг. XIX в. была представлена всего одним лесопильным заводом с производительностью 18 тыс. руб. в год⁴⁶. Оренбург использовался лесоторговцами и в качестве перевалочной базы для отправки леса и дров в Казахскую степь. Например, в 1885 г. со ст. Оренбург было отправлено 21243 пуда лесоматериалов, а на переработку прибыло 77309 пудов. К середине 90-х годов объёмы железнодорожных перевозок леса возросли. Так, уже в 1896 г. на ст. Оренбург прибыло 155311 пуд. дров и 350261 пуд. леса, отправлено же соответственно 100650 и 68931 пуд⁴⁷.

Очень привлекательной для предпринимателей была сфера винокурения и виноторговли, хотя она находилась под при-

стальным надзором государства. До 1863 г. в России действовала в винокурении и виноторговле система откупов, а с 1 января 1863 г. Питейным уставом вводилась система акцизов и патентных сборов. При этом государство не монополизировало виноводочную торговлю, но контролировало её с помощью соответствующей законодательной базы. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что с 1863 г. по “Питейному делу” было принято 8 новых законов. Примечательно, что каждый из них постепенно увеличивал акциз с 1 градуса спирта от 4 коп. в 1863 г. до 10 коп. в 1892 г.⁴⁸

Вплоть до раздела Оренбургского края на две губернии в 1865 г. здесь действовало 6 пивоваренных, 20 винокуренных и 16 водочных заводов с общей выработкой продукции на 551684 руб. В Оренбургской губернии на конец 1865 г. действовало 46 винокуренных предприятий. Распродажа винокуренной продукции шла в 4045 местах розничной торговли: винных лавках, постоянных дворах, трактирах, ренсковых погребах, буфетах, на временных выставках в ходе ярмарок⁴⁹.

Для производства и реализации винокуренной продукции в Оренбургской губернии имелись соответствующие условия — сырьевая база (рожь, картофель), производственные мощности, сеть оптовой и розничной торговли. В 60-х годах винокуренными заводами перерабатывалось в среднем в год по 722544 пуда зерна, в 70-х — 702389, в 80-х — по 681000 пудов зерна и 64 535 пудов картофеля⁵⁰. По нашим подсчетам, за 31 год (1862 — 1893 гг.) по Оренбургской губернии было перекурено в среднем за год 1400344 пуда зерна и с 1888 года по 72126 пудов картофеля. Доходы от винокурения составили в 1865 г. 1820108 руб., а в 1895 г. — 2587770 руб.

Государство возложило на местную администрацию обязанность регулировать вопросы открытия питейных заведений и их деятельности. Например, ещё в 1861 г. согласно книге записей выдачи свидетельств на продажу вина в г. Челябинске купцу второй гильдии В.А. Мотовилу было разрешено иметь ренсковый погреб и продавать вина российского производства и иностранного, различную водку, ром, араку. Более того, купцу из городских капиталов было для поддержки дела выдано 5 300 руб. под 6% годовых⁵¹.

В виноторговле нередко владельцы винокуренных заводов сдавали свои торговые заведения в аренду. Например, винозаводчица жена генерал-майора Шмурло в 1872 г. сдала питейное заведение Е.Н. Богомоловой на следующих условиях: нести ответственность за сохранность заведения, содержать его в чистоте, продажу питей вести по назначенным ценам⁵².

Успешной торговле винокуренной продукцией способствовали высокий спрос на водку, вино, пиво, поддерживавшийся укоренившимися традициями. Каждая сделка на ярмарке, базаре неизбежно “закреплялась” в трактирах.

У производителей винокуренной продукции стояла задача — получить спирт, водку, пиво и реализовать внутри губернии или за её пределами. Официальные данные свидетельствуют о росте производства продукции винокурения в Оренбургской губернии: 1870 г. — 189114 вёдер, 1885 г. — 252200, 1895 г. — 312732⁵³.

К середине 90-х гг. XIX в. винокурение и виноторговля постепенно попали под контроль товарищества “Назаров И.С. и К^о”, действовавшего в Орском и Оренбургском уездах, а также предпринимателей Е.И. Холодковской, Л.И. Шотта, Е.А. Тимашева. В Троицком уезде контроль над производством и торговлей винокуренной продукцией осуществляли А.И. Зуккер и В.И. Видинеев, ТД “Поклевского — Козель наследники”. В Челябинском уезде успешно вело виноторговлю товарищество “Братья Покровские”.

Таким образом, к середине 90-х годов XIX в. виноторговля стала одним из самых прибыльных направлений торговли.

Развитие предпринимательства и торговли в Оренбургской губернии во второй половине XIX в. в немалой степени способствовало росту торгового сословия, которое постепенно сосредоточило в своих руках финансовую мощь. И здесь определяющую роль играло гильдейское купечество. Напомним, что для того, чтобы принадлежать к одной из гильдий, требовалось объявлять свой капитал. Для купцов 1-й гильдии он составлял более 10 тыс. руб., 2-й гильдии — более 1 тыс. руб., 3-й гильдии — более 500 руб. В 1861 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 12678 купцов, что составляло 0,68% всего населения. Гильдейским купцам принадлежали значительные капиталы: орен-

бургским — 1,2 млн. руб., а уфимским — 0,7 млн. руб.⁵⁴ “Положение о пошлинах за право торговли и другие промыслы” от 1863 года упразднило 3-ю гильдию и разряд “торгующих” крестьян. Однако и эта мера не смогла приостановить рост желающих торговать. Например, число лиц, купивших документы на право торговли в 1865 — 1895 гг. на Южном Урале, выглядело следующим образом:⁵⁵

Губернии	Куплено торговых документов						
	1865 г.	1870 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1895 г.
Оренбургская	6900	12366	11913	14082	11632	14290	14950
Уфимская	5674	Св. нет	11145	13223	12619	15161	Св. нет

Из таблицы видно, что количество купленных документов с 1865 по 1890 гг. увеличилось в Оренбургской губернии в 3,5 раза, а в Уфимской в 2,6, что свидетельствует об усилении участия населения в торговой деятельности в пореформенное время. Некоторая скачкообразность приобретения торговых документов объясняется активностью торговой деятельности в зависимости от урожаев в регионе. Неурожайные годы приводили к некоторому спаду в торговле.

Во второй половине XIX в. сформировалось коренное оренбургское купечество, которое потеснило иногороднее. В 1865 г. по свидетельствам 1-й гильдии торговало 16 человек, 2-й гильдии — 477. Кроме гильдейских купцов приобретено в 1865 г. свидетельств на мелочный торг — 1310, на разносный торг — 32, развозной торг — 50, на мещанский промысел — 951, для приказчиков 1 и 2 класса — 1433, для членов купеческих семей 1 и 2 гильдии — 438, билетов 1-й гильдии (3, 4, 5 классы) — 223, 2-й гильдии (3, 4, 5 классы) — 773, на мелочный торг (3, 4, 5 классы) — 1197⁵⁶.

Основная часть купечества сосредотачивалась в немногочисленных городах Оренбургской губернии. В Оренбурге в 1865 г. числилось купцов 1-й гильдии 12 м.п. и 6 ж.п., а 2-й гильдии соответственно 727 и 522. Наиболее влиятельными в Оренбурге были купцы Деев, Зимин, Пустовалов, Оглодков и др.

Во второй половине XIX в. сильно окрепло челябинское купечество. Широко известны здесь были купец 1-й гильдии П.И. Перцов; 2-й гильдии — В.А. Первухин, А.А. Мотовилов, В.А. Мотовилов, Е.И. Овсянкин, И.Т. Толстых, А.Н. Елисеев, А.М. Самохвалов, Ф.Ф. Таланкин, Н.П. Глазырин, Н.М. Кожевников и др.⁵⁷ Купечество пользовалось покровительством и помощью городской Думы. Например, из городских капиталов Челябинска в 1865 г. было выдано 1 тыс. руб. купцу 3-й гильдии Бусыгину, 1 тыс. руб. — купцу Хоянову, 2000 руб. купцу 2-й гильдии Толстых и 5300 руб. купцу 1-й гильдии В.А. Мотовилову под 6% годовых⁵⁸.

В Верхнеуральске в 1863 г. проживало всего 4 025 жителей, а к купеческому сословию принадлежало 335 лиц м.п. и 458 ж.п., т.е. 19,7% всего населения⁵⁹.

В Троицке в 1865 г. было купцов местных 3-й гильдии 114, а купцов иногородних 2-й гильдии — 1, а 3-й — 4. Из 114 купцов 23 постоянно торговали вне города. В городе насчитывалось 308 торговых заведений, и вполне объективно оценивалось это в докладе оренбургского губернатора: “Троицк есть по преимуществу торговая колония, в торговле всё его значение, торговлею же определяются характеристические черты местных нравов”⁶⁰.

Развитие предпринимательства и торговли в Оренбуржье в 50-е — 60-е годы XIX в. сдерживалось отсутствием надёжного механизма финансирования торговых сделок, недостаточностью оборотного капитала. Купцы нередко кредитовали друг друга, но это порождало многие проблемы: дороговизну кредита, риск несвоевременного возврата занятых сумм, недобросовестность торговых партнёров, взаимные претензии, конфликты, о чём свидетельствуют многочисленные судебные иски купцов.

Положение с кредитованием купцов улучшилось с открытием отделений Государственного банка в Оренбурге в 1866 г. Во время ярмарок его временные отделения действовали в Троицке, Орске, Челябинске.

Возможности кредитования предпринимательства расширили городские общественные банки, но размеры кредитов у них были очень разными. Так, в 1890 г. в Оренбургском городском общественном банке максимальный размер кредита был не бо-

лее 12000 руб., Орском — 1520 руб., Троицком — 9170 руб., Челябинском — 3500 руб. Согласно требованиям Министерства финансов выдаваемые кредиты не должны были превышать одной десятой доли основного и запасного капиталов банка⁶¹.

Вслед за городскими общественными банками на Южном Урале были открыты отделения коммерческих банков: Московского коммерческого, Русского торгово-промышленного, Волжско-Камского, Русского для внешней торговли, Крестьянского поземельного.

Следует заметить, что банковский кредит был доступен в основном крупным предпринимателям, промышленникам, купцам. Мелкие и средние торговцы оставались вне банковских кредитов, а имевшиеся учреждения мелкого кредита из-за отсутствия достаточных капиталов до конца XIX в. не получили значительного развития.

Основным полем торговой деятельности во второй половине XIX в. оставались ярмарки и базары. Однако постепенно укреплялась и росла стационарная торговля, представленная магазинами, павильонами, лавками, киосками. Стационарная торговля сосредотачивалась в основном в городах.

О ярмарочной торговле можно судить по двум основным показателям — их числу и ярмарочным оборотам. Если сведения о количестве ярмарок можно признать вполне достоверными, то величина ярмарочных оборотов не могла быть точной. Официальная статистика исходила в оценке оборотов из докладов ярмарочных комитетов, добровольных респондентов, полицейских чинов, сельских старост, которые не всегда были точными. Величина ярмарочных оборотов не могла быть точной и по той причине, что многие торговавшие не раскрывали реальных объёмов продаж и доходов из-за опасения фискальных мер со стороны властей. Практически не вёлся учёт объёма торговли с возов. Более точно учитывалась торговля со специально оснащённых мест — временных лавок, навесов, рядов, площадок.

Все ярмарки в стране делились на пять разрядов. К первому разряду относилась Нижегородская ярмарка, ко второму — ярмарки длительностью более 21 дня, к третьему — от 14 до 21 дня, к четвёртому — от 4 до 14 дней, к пятому — длившиеся ме-

нее 8 дней. Однако такая градация ярмарок, на наш взгляд, не учитывала главного — величины ярмарочных оборотов. Именно по размерам оборотов можно судить о динамике ярмарочной торговли в Оренбургской губернии: 1865 г. — 6821075 руб., 1875 г. — 13544190 руб., 1885 г. — 11295426 руб., 1895 г. — 9266732 руб.⁶² Очевидна тенденция к снижению ярмарочных оборотов по причине низкого покупательского спроса, конкуренции со стороны расширяющейся стационарной торговли, некоторого уменьшения поставок на ярмарки губернии товаров и скота из Казахской степи.

В 60-е — 70-е гг. XIX в. ярмарки в Оренбургской губернии носили преимущественно местный характер, но по мере улучшения путей сообщения, развития экономических связей наиболее крупные из них приобретали региональное значение. На ярмарки в Троицкий и Челябинский уезды, в г. Оренбург съезжались не только местные купцы, промышленники, помещики, мещане, крестьяне, но и купцы из Самарской, Казанской, Уфимской губерний, Актюбинской, Тургайской и Уральской областей.

Выше уже отмечалась тенденция к уменьшению ярмарочных оборотов как важнейшего показателя ярмарочной торговли. Снижался и ещё один показатель — успешность ярмарок. Уменьшалась важная составляющая ярмарочных оборотов — объём продаж. Успешность ярмарочной торговли исчислялась из соотношения предложенного и реально проданного товара. Ярмарочная торговля считалась успешной, если из предложенного товара реализовывалось не менее 30%. К середине 90-х гг. XIX в. доля продаж, т.е. успешность ярмарок, сильно отличалась по уездам: Оренбургский — 30,5%, Орский — 24,7%, Верхнеуральский — 25,9%, Челябинский — 37,4% и Троицкий — 49,6%.

В обеспечении непрерывного товарооборота наряду с ярмарками важное место занимали базары. Городские и сельские базары в отличие от ярмарок собирались еженедельно или ежедневно. Нередко в городах действовало по несколько базаров. Базарная торговля по своей сути заполняла промежутки между проведением ярмарок, тем самым поддерживая единый, непрерывно действующий механизм торговли.

Главное назначение городских и сельских базаров — удов-

летворение первичных потребностей населения в сбыте произведённой продукции и в приобретении необходимых товаров.

Необходимо отметить, что в 60-х годах XIX в. в Оренбургской губернии сеть базаров была неразвитой. Имелось всего 28 базаров в 1865 г. В среднем один базар обслуживал около 33 тыс. человек. К 1895 г. в губернии насчитывалось 147 сельских базаров, в том числе в уездах: Оренбургском — 46, Орском — 28, Верхнеуральском — 16, Троицком — 17, Челябинском — 40; в среднем один базар обслуживал уже около 10 тыс. человек⁶³.

Важным показателем развития базарной торговли являлось не только их количество, но и торговые обороты. О последних судить весьма затруднительно, поскольку местная администрация не вела их погодного учёта, а больше интересовалась сборами за торговлю на базарах. Имеющиеся данные по оборотам базаров не могут считаться вполне достоверными и скорее являются оценочными. Базары по своим оборотам уступали ярмаркам. В среднем на одну душу населения Оренбургской губернии в 1895 г. приходилось примерно 65 коп. от базарных оборотов, в то время как средняя душевая доля ярмарочных оборотов составляла 6 руб. 20 коп. без учёта ярмарок на меновых дворах, а с учётом их — 11 руб. 45 коп.

Помимо официально утверждённых базаров существовало немало стихийно возникавших торжков. Базарная торговля в Оренбуржье стала важным барометром экономического развития региона. Состоянием цен базары очень чутко реагировали на все процессы, происходившие в промышленности, сельском хозяйстве, финансовой сфере, политике. Постепенно сложились определённые правила базарной торговли, расширился ассортимент товаров, предлагаемый к продаже. Базары усваивали методы капиталистической торговли и соответствовали уровню экономического развития региона, стали неотъемлемым привычным звеном всей цепи внутренней торговли в Оренбуржье.

Во второй половине XIX в. продолжала развиваться и внешняя торговля Оренбургского края, но, как отмечал генерал-губернатор В.А. Перовский, в пятидесятых годах характер оренбургской торговли стал меняться — “первобытная мена товара на товар почти совсем вышла из употребления и заменилась правильным торгом на деньги”⁶⁴. Изменения во внешней тор-

говле Оренбургского края во второй половине XIX в. во многом связаны с политикой царизма в отношении Средней Азии и прежде всего с Бухарским и Хивинским ханствами.

Напомним, что в предшествующее время беспокойная обстановка в Казахской степи подогревалась Хивинским ханством. Хива рассматривала казахский народ как авангард мусульманских стран Средней Азии и вооружала его против России, имея целью задержать русское колониационное движение на востоке. Владея низовьями р. Сыр-Дарьи, Хива господствовала над всеми караванными путями, идущими из Оренбургского края в Среднюю Азию, и таким образом держала в своих руках нити среднеазиатской торговой политики⁶⁵.

Российско-азиатская торговля через Оренбургский край была выгодна государству. Помимо прямых таможенных доходов, достигавших значительных сумм, она стимулировала развитие отечественной промышленности, предпринимательства, подъём сельского хозяйства, создавала устойчивые рынки сбыта.

Русское правительство в течение целого столетия вело переговоры с ханами Хивы и Бухары, добиваясь учреждения в их столицах русских дипломатических консульств для защиты русской торговли и в свою очередь приглашало Хиву и Бухару открыть такие же консульства в России. Обмен грамотами, подарками и заключение договоров по этому вопросу ни к чему не приводили. Как только дело доходило до их практического осуществления, то оно стопорилось — русские представители не допускались ни в Хиву, ни в Бухару. Оставался единственный путь решения проблемы — её силовое решение.

Чтобы завоевать себе право свободной торговли на среднеазиатских рынках, сулившее огромные выгоды, русский торговый капитал требовал от правительства завоевания этих государств. Начало этих завоеваний в Средней Азии положил генерал В.А. Перовский, который в 1851 г. вернулся на пост оренбургского военного губернатора. В 1853 г. В.А. Перовский с отрядом в 3 тыс. человек при 12 орудиях предпринял поход на берега Сыр-Дарьи и 26 июля взял штурмом Кокандскую крепость Ак-Мечеть. Продвигаясь дальше, русские войска очистили от кокандцев правый берег Сыр-Дарьи в среднем её течении

и основали ряд русских форпостов, которые окончательно замкнули Казахскую степь в свой круг и таким образом изолировали её от влияния среднеазиатских ханств. В 60-х гг. XIX в. русскими войсками были взяты Ташкент и Бухара, а в 1873 г. эта же участь постигла Хиву.

После завоевания Кокандского и Бухарского ханств в 1867 г. из них было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. В 1868 — 1869 гг. бывшая территория, переименованная потом в “Область Киргиз Оренбургского ведомства”, получила новое волостное устройство. Она была разделена на Уральскую и Тургайскую области, которые получили самостоятельное устройство и были выделены из состава Оренбургской губернии, хотя до 1881 г. ещё и оставались под ведомством Оренбургского и Самарского генерал-губернатора.

В 1868 г. была упразднена Оренбургско-Сибирская таможенная линия. В этом же году прекратилась деятельность Оренбургской, Троицкой и других пограничных таможен и упразднён Оренбургский таможенный округ.

В этой связи меновые дворы были проданы государством в собственность городов Оренбурга, Орска и Троицка по невысокой цене и со значительными льготами. Так, за Оренбургский меновой двор оплата составила “... 70 тыс. руб. с дозволением произвести уплату этих денег в 20 лет и с процентами на неуплаченный капитал по 5% в год”⁶⁶.

По имеющимся данным за 1875 г., видно, что торговля на Оренбургском меновом дворе происходила на трёх местах. В постоянных помещениях (лавках, складах, амбарах) обменивался мануфактурный товар или иной, который мог быть подвергнут порче по погодным условиям: русский товар на 755 тыс. руб. и азиатский на 345 тыс. руб., а также кожи юфтевые (250 тыс. руб.), джебага (575 тыс. руб.), железные изделия (11640 тыс. руб.), верблюжья шерсть (520 тыс. руб.), кожевенное сырьё (289 тыс. руб.). Всего здесь было сосредоточено товара на 2745640 руб.⁶⁷ На временно устроенных местах, рогожках шла торговля деревянными изделиями, хлебом, стеклянными и различными мелочными товарами. На открытой части менового двора шла торговля скотом. Было продано крупного рогатого скота на 497755 руб., баранов на 831444 руб., лошадей на 260375 руб. Всего скота было

продано на 1589578 руб.⁶⁸ Динамика товарооборотов на Оренбургском меновом дворе выглядела следующим образом: 1870 г. — 3271367 руб.; 1875 г. — 4377485 руб.; 1880 г. — 4536059 руб.; 1885 г. — 3279758 руб.; 1890 г. — 3286875 руб.; 1895 г. — 4197828 руб.⁶⁹ Динамика торговых оборотов на Оренбургском меновом дворе была нестабильной, в среднем колеблясь за каждое десятилетие от 3,2 до 4,5 млн. руб.

Значительной по совершавшимся сделкам была торговля на Троицком меновом дворе. Вплоть до 1867 г. торговля его ограничивалась Ташкентом и Бухарой. Из Средней Азии в продажу поступали холст, ягоды сушёные, шёлк-сырец. Из Казахской степи поступал живой скот, кожи, шерсть, пух, конский волос. В 1875 г. в Ташкент и Бухару вывозились товары 30 наименований на 1201767 руб., а в Казахскую степь не более 10 видов товаров на 1075108 руб.⁷⁰ Сравнивая стоимость привезённого товара в 4049445 руб. и вывезенного на 2277108 руб., видно, что баланс торговли составляет 64% против 34% не в пользу вывозимых российских товаров и представляется убыточным. Однако следует учесть, что основная масса привезённого товара из Средней Азии и Казахской степи с лихвой перепродавалась затем в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Уфе, Перми по гораздо более высоким ценам. В целом о динамике оборотов Троицкого менового двора можно судить по пятилетнему циклу: 1865 г. — 1887464 руб.; 1870 г. — 4500000 руб.; 1875 г. — 7780489 руб.; 1885 г. — 5526956 руб.; 1890 г. — 4521076 руб.; 1895 г. — 3594050 руб.⁷¹ Обнаруживается устойчивая тенденция падения объёмов торговых оборотов, что связано с развитием железнодорожной сети. Товары из Средней Азии стали поступать в центр, минуя Троицкий меновой двор.

В особом положении находился Орский меновой двор. В отличие от Оренбургского и Троицкого, торговля на нём фактически не велась, а помещения сдавались в аренду под склады, за что город получал 251 руб. 29 коп. в год. Поскольку торг шёл вне стен менового двора, то учёт торговых оборотов практически не вёлся, однако отдельные сведения позволяют оценивать ежегодный торговый оборот на Орском меновом дворе примерно в 1 млн. руб. Основными предметами продажи являлись живой скот, хлопок, кожи, овчины, джебага. Меновой двор по су-

щество являлся огромной перевалочной торговой базой на востоке Оренбургской губернии.

Итак, во второй половине XIX в. в Оренбургской губернии сложились в целом благоприятные условия для развития предпринимательства в сфере промышленности, сельского хозяйства, торговли и др.

Под влиянием интенсивной колонизации в пореформенный период происходили дальнейшие изменения в численности и социальной структуре населения. Если в 1867 г. численность населения Оренбургской губернии составляла 840704 человека, то в 1897 г. — 1000145. Возрос удельный вес городского населения, укрепилась прослойка предпринимателей.

Из отраслей хозяйства наиболее значительные изменения произошли в земледелии, которое приняло торговый характер. Производство и вывоз товарного хлеба особенно возросли с началом работы Самаро-Оренбургской железной дороги.

Развитие предпринимательства во второй половине XIX в. тесным образом связано с ростом промышленного производства в губернии. Предприниматели активно действовали в сфере переработки сельскохозяйственной продукции. Развивались промышленности: мукомольная, просообдирная, скотобойная, кожевенная, винокуренная, мыловаренная, салотопенная и др.

Менее успешно шли дела в горной промышленности края, которая после отмены крепостного права переживала застой. С 1861 г. не работал Кананикольский медеплавильный завод Пашкова. Преображенский медеплавильный завод был продан Английской компании. Поташные, суконные предприятия, лишившиеся подневольной рабочей силы, пришли в упадок.

Значительными были успехи в развитии как внутренней, так и внешней торговли. Определились наиболее прибыльные направления торговли — хлебная, винокуренная, мануфактурная, галантерейная. К 90-м годам XIX в. Оренбургская губерния выдвинулась в ряды крупных потребителей промышленных товаров.

В пореформенное время наряду с ярмарочной и базарной торговлей постепенно сформировалась стационарная торговля в магазинах, лавках, павильонах, гостиных дворах.

В условиях капиталистического развития предпринимате-

ли становятся одной из основ всей хозяйственной жизни Оренбургской губернии, приобретают определённый организационный опыт. Существенно возросли объёмы частных предпринимательских капиталов. В орбиту частной предпринимательской деятельности включается сфера финансов и кредитов. Появляются новые формы коммерческих операций — регулярный кредит, чековое обращение, векселя и пр. Предпринимательство в Оренбурге в рассматриваемое время получило наибольшие возможности развития, хотя действовать ему приходилось в противоречивых условиях: успехи промышленности и развития железнодорожной сети в крае сочетались с архаичной системой государственного управления и ограничениями свободы предпринимательства, рост вывоза хлеба — с патриархальностью систем земледелия и бедственным положением крестьян, понимание предпринимателями необходимости глубоких реформ сталкивалось с консервативно-охранительными устоями самодержавия.

Примечания

- ¹ Злобин Ю.П. Оренбургская губерния в середине XIX в. // Оренбургскому краю — 250 лет. — Оренбург, 1994. — С. 36.
- ² Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала (Вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). — М., 1984. — С. 126.
- ³ Уфимские губернские ведомости. — 1885. — № 30, 31.
- ⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 5.
- ⁵ Рязанов А.Ф. Оренбургский край — Оренбург, 1928. — С. 129.
- ⁶ Историко-статистические таблицы по Оренбургской губернии за 1862 — 1893 гг. / Сост. П.А. Голубев. — Оренбург, 1896. — С. 6.
- ⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 75; Ф. 164. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ЦГИА РБ. Ф. И- 9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 141 — 147.
- ⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 71. Л. 133.
- ⁹ Злобин Ю.П. Указ. соч. — С. 37.
- ¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 71. А. Л. 134 — 135.
- ¹¹ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1675. Л. 137 — 138 об. Таблицы к сборнику, изданному Уфимским статистическим комитетом за 1865 и 1866 гг. — Уфа, 1867. — Табл. 17.
- ¹² ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 66 — 69.
- ¹³ XXVIII Оренбургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1866 г. — СПб., 1871. — С. XEV.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 50. Л. 154 — 155.
- ¹⁵ Обзор Оренбургской губернии за 1895 г. — Оренбург, 1896. — С. 5 — 24; ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 50. Л. 154 об — 155.
- ¹⁶ Глуховский В.Ф. Торговые (коммерческие) тракты Южного Урала в 1861

- 1917 гг. // Мысль (Оренбург). – 1998. – № 5. – С. 43 – 45.
- 17 Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII – XIX вв. Историко-краеведческие очерки. – Ч. 2. – Уфа, 1993. – С. 66 – 67.
 - 18 Тарасов Ю.М. Указ. соч. – С. 144.
 - 19 Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. – С. 320.
 - 20 ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 31. Л. 275.
 - 21 ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 31. Л. 275 – 276.
 - 22 ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1А. Л. 15.
 - 23 Уфимский торгово-промышленный календарь. – Пермь, 1899. – С. 26 – 27.
 - 24 ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 7. Оп. 2. Д. 71. Л. 131 об.
 - 25 ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 9. Д. 1675. Л. 131 – 135.
 - 26 ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 61 – 65.
 - 27 ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 61 – 65; ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 131 – 135.
 - 28 ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 75; Обзор Оренбургской губернии за 1895 г. – Оренбург, 1896. – С. 1 – 4.
 - 29 ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 95086. Л. 79
 - 30 ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1А. Л. 16.
 - 31 Памятная книжка Оренбургской губернии за 1865 г. – Оренбург, 1864. – С. 123.
 - 32 Список населённых мест по сведениям 1866. – СПб., 1871. – С. ХЕIII.
 - 33 ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 109. Л. 22.
 - 34 Справочная книжка Оренбургской губернии за 1884 г. – Оренбург, 1885. – С. 105.
 - 35 Обзор Оренбургской губернии за 1895 г. – Оренбург, 1896. – С. 1 – 4.
 - 36 ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1А. Л. 34.
 - 37 ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14210. Л. 9.
 - 38 Оренбургский листок. – 1882. – 7 марта.
 - 39 Очерки из истории Башкирской АССР. – Т. 1. – Ч. II. – Уфа, 1959. – С. 170.
 - 40 Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. – Уфа, 1029. – С. 16.
 - 41 ЦГИА РБ. Ф. И-396. Оп. 3. Д. 650. Л. 11.
 - 42 ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1681. Л. 27 – 27 об.
 - 43 ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 483. Л. 76; Д. 225. Л. 76.
 - 44 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1483. Д. 225. А. Л. 89 – 91.
 - 45 ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 130.
 - 46 Обзор Оренбургской губернии за 1875 г. – Оренбург, 1886. – С. 6.
 - 47 Обзор Оренбургской губернии за 1896 г. – Оренбург, 1897. – С. 24; Историко-статистические таблицы по Оренбургской губернии за 1862 – 1893 гг. / Сост. П.А. Голубев. – Оренбург, 1897. – С. 9 – 10.
 - 48 Таблицы к сборнику, изданному статистическим комитетом за 1865 и 1866 гг. – Уфа, 1867. – Табл. 17.
 - 49 ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1677. Л. 63; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 890. Л. 5; Историко-статистические таблицы по Оренбургской губернии за 1862 – 1893 гг. / Сост. П.А. Голубев – Оренбург, 1896. – С. 2 – 3.
 - 50 ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5453. Л. 1 об – 2; Д. 609. Л. 3 – 12.
 - 51 ГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 69. Л. 23 – 24.
 - 52 ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 172.

- ⁵³ ГАОО. Ф1. Оп. 1. Д. 201А. Л. 83 – 84.
- ⁵⁴ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1А. Табл. 1; История Урала в период капитализма / Д.В. Гаврилов, Ю.А. Буранов, М.И. Черныш и др. / Отв. ред. Д. 6. Гаврилов – М, 1900. – С. 113.
- ⁵⁵ Глуховский В.Ф. Динамика развития торговли на Южном Урале в 1861 – 1917 гг.: Дисс. канд. ист. наук. – Оренбург, 1999. – С. 51.
- ⁵⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 270 – 271.
- ⁵⁷ ГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 108. Л. 2 – 13.
- ⁵⁸ ГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 60609. А. 1 – 12 об.
- ⁵⁹ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1А. Л. 115.
- ⁶⁰ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д1А. Л. 20, 110.
- ⁶¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 44. Л. 206; Историко-статистические таблицы... – С. 9.
- ⁶² ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 10. Л. 61 – 65; Оренбургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1866 г. – СПб., 1871. – С. ХЕVI – ХЕVII; Ф. 10. Оп. 9. Д. 77. Л. 217 – 218 об; Ф. 10. Оп. 2. Д. 50. Л. 137 об; Обзор Оренбургской губернии за 1885 г. – Оренбург, 1886. – С. 11; То же за 1895 г. – Оренбург, 1896. – С. 19.
- ⁶³ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1А. Л. 50.
- ⁶⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13254/16. Л. 61об.
- ⁶⁵ Ралдыгина Г.М. Роль Оренбурга в восточной политике России в XVIII – XIX вв. // История далёкая и близкая...: Материалы межвузовской научной конференции, посвящённой 250-летию города Оренбурга. – Оренбург, 1993. – С. 17.
- ⁶⁶ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 132. Л. 234.
- ⁶⁷ Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. – Вып. 1. – Оренбург, 1877. – С. 100 – 109.
- ⁶⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 34. Л. 30; Д. 31. Л. 272 – 273; Д. 77. Л. 231 – 233об, 241; Ф. 164. Оп. 1. Д. 91А. Л11; Ф. 10. Оп. 2. Д. 50. Л. 137 – 138; Ф. 164. Оп. 1. Д. 179 А. Л. 11 – 13.
- ⁶⁹ Гельмгольц Ф. Оренбургский меновой двор: Статистический очерк // Известия Оренбургского отдела императорского русского географического общества. – Вып. 1. – Оренбург, 1893. – С. 56 – 65.
- ⁷⁰ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д.1А. Л. 13 – 14; Ф. 10. Оп. 9. Д. 31. Л. 272 – 273; Д. 77. Л. 241; Ф. 164. Оп. 1. Д. 50А. Л. 137 – 138; Ф. 164. Оп. 1. Д. 179А. Л. 11 – 19.
- ⁷¹ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 179А. Л. 17 – 19.

IV. Оренбургское предпринимательство в конце XIX – начале XX вв.

Развитие предпринимательства в Оренбуржье в конце XIX – начале XX века тесно было связано с новыми явлениями в российской экономике. Россия вступила в новую эпоху своего экономического и политического развития, именуемую “империализмом”. В это время об империализме много писали экономисты, публицисты и политики многих направлений, указывая на характерные для него экономические и политические признаки, особенности проявления в разных странах и прогнозируя перспективы этого процесса. Этому явлению посвятил специальную работу “Империализм, как высшая стадия капитализма” В.И. Ленин¹. В ней он изложил наиболее характерные для империализма черты, отмеченные в тогдашних исследованиях, но его вывод о нем как о “загнивающем” и “умирающем капитализме”, исчерпавшем возможности своего дальнейшего развития, история XX в. не подтвердила.

Империализм как монополистический капитализм шел на смену капитализму свободной конкуренции. Именно этим он характеризуется в экономической области. В плане политическом империализм выражается в усилении борьбы военно-политическими средствами за рынки сбыта и сырья, за передел колониальных владений, в создании военно-политических блоков держав. Основные признаки империализма присущи всем империалистическим индустриально-развитым державам, но в каждой из них империализм имел и свои особенности. Во Франции он был финансовым, в Англии – колониальным, в России же он носил “военно-феодальный характер”. Под этим следует понимать не столько экономическую, сколько политическую особенность. Носителем “военно-феодального империализма” было царское самодержавие, опиравшееся не столько на могущество капитала,

сколько на военную силу и чиновничье-бюрократический аппарат, и действовавшее главным образом военно-бюрократическими методами прямых поборов внутри страны и захватов вовне. Самодержавие в первую очередь защищало интересы “первенствующего сословия” — дворянства, а затем и интересы российской национальной буржуазии.

В период империализма в России еще в большей степени, чем раньше, проявлялось вмешательство государства в экономическую жизнь страны. Оно выражалось в системе государственных мер, направленных на форсированное развитие тяжелых отраслей промышленности и транспорта, в государственно-капиталистическом предпринимательстве, развитии кредитной системы, предоставлении надежных заказов на длительный срок, привлечении иностранного капитала для компенсации недостатка денежных ресурсов в стране, в покровительственной таможенной политике для ограждения русской промышленности от конкуренции западноевропейской, форсированном вывозе хлеба и сырья с целью получения средств для промышленного развития страны².

На рубеже конца XIX — начала XX вв. усилились противоречия в России: успехи капиталистического предпринимательства сочетались с архаичной системой государственного управления и ограничениями свободы предпринимательства, рост вывоза хлеба — с глубоким кризисом сельского хозяйства; понимание необходимости реформ сталкивалось с консервативно-охранительным направлением.

Предпринимательство несло в себе все противоречия общественной и экономической системы. Законы капиталистического общества не могли в стране проявиться в чистом виде, когда можно было бы их регулировать. Набиравшая экономическую мощь и влияние российская буржуазия мирилась с самодержавием из-за льгот, предоставляемых предпринимательству им. Поэтому наряду с процессом монополизации вполне уживались и сохранялись примитивные формы кустарной промышленности и торговли.

Устранить острое противоречие между утвердившимся капитализмом и сохраняющимися крепостническими пережитками можно было либо путем последовательных реформ, либо революционными средствами.

К середине 90-х годов XIX в. Оренбуржье было одним из крупных аграрных районов империи.

По переписи 28 января 1897 года общая численность населения Оренбургской губернии составляла 1600145 человек, из которых 152601 (9,5%) жили в городах, а 1447544 (90,5%) человека составляло сельское население³. Губерния представляла местность слабонаселенную в сравнении с другими губерниями: в ней на 1 кв. версту приходилось всего 9,6 жителей. Наибольшей плотностью населения отличались Оренбургский (16,99 человек) и Челябинский (14,3 человека) уезды. Значительно слабее были заселены Верхнеуральский, Орский и Троицкий уезды.

По сословиям все население Оренбургской губернии распределялось в 1897 году следующим образом: дворяне, чиновники и их семьи — 12045 чел. (0,76%), лиц духовного звания — 5863 (0,37%), почетных граждан — 3512 (0,22%), купцов — 2773 (0,17%), мещан — 174960 (10,94%), крестьян — 1026732 (64,17%), войсковых казаков — 365500 (22,81%), инородцев — 5126 (0,31%), иностранцев — 1137 (0,07%), лиц других сословий 2497 (0,15%)⁴.

Рост населения губернии, увеличение возможностей выхода на российский рынок расширили поле деятельности предпринимателей. Организуются большие заготовки и переработка хлеба и мяса, активно развиваются предприятия обрабатывающей промышленности: винокуренные, пивоваренные, маслобойные, мукомольные, крупнообдирные, кожевенные, мыловаренные, сально-свечные, клееваренные и другие заведения. Обрабатывающая промышленность являлась первенствующей отраслью фабрично-заводской и кустарной промышленности. К этому располагало сложившееся в губернии торговое земледелие.

Наибольшее развитие в губернии получили земледелие и скотоводство, которые окончательно приобрели торгово-промышленный характер. В 1900 году в Оренбургской губернии площадь посевов зерновых культур составила 1759749 дес., а валовой сбор равнялся 77623056 пудов⁵. За счет развития торгового земледелия увеличивалась доля товарного хлеба, который продавался в губернии и вывозился за ее пределы.

Значительное производство сельскохозяйственного сырья было привлекательно для различных предпринимателей. Они смогли наладить в губернии крупное мукомольно-крупяное про-

изводство. Наряду с мелкими мельницами появились крупные мельничные предприятия, работавшие как на внутренний рынок, так и на поставки зерна, муки, крупы за пределы Оренбургской губернии.

Наибольшее развитие мукомольное производство и торговля получили в Оренбурге, с. Павловском Оренбургского уезда, в Челябинске, Верхнеуральске и станице Магнитной. Если до середины 90-х годов XIX в. тон в хлеботорговле задавали отдельные мукомолы, то с середины 90-х гг. переработка зерна и торговля сосредоточились в Челябинском уезде в руках торговых домов Первушиной, Кондакова, Колокольникова, Ботова, Архипова. Все эти торговые дома и практически все крупное мукомольное производство Челябинского уезда объединялись Петроградским акционерным обществом, которое экспортировало зерно и муку за границу через Котлас и Петербург.

В Верхнеуральском уезде хлеботорговля сосредоточилась в руках торгово-промышленного товарищества “Гогин Василий и К^о” с основным капиталом в 360 тысяч рублей⁶.

Хлебопромышленникам и хлеботорговцам пришлось приспособляться к новым условиям капиталистической действительности. В хлеботорговле стали активно принимать участие банки, акционерные общества, железная дорога, иностранные фирмы, которые по-существу монополизировали ее в своих руках и ориентировались на экспорт зерна, муки, крупы. Из 15 миллионов пудов товарного хлеба в Челябинском уезде попадало 14 — 14,5 млн. пудов на долю фирм Ревеля, Литавы, Ростова-на-Дону, а 500 — 700 тыс. пудов оставалось в распоряжении мелких хлеботорговцев⁷.

Деятельность предпринимателей-мукомолов, хлеботорговцев, купцов в Оренбурге координировала созданная в 1905 г. биржа. Именно на ней впервые объединили свои деловые интересы ряд торговых домов, хлебопромышленников, акционерных обществ, банков, железной дороги.

Биржа решительно изменила характер хлеботорговли. Во главе биржевого комитета стал крупнейший предприниматель купец И.А. Зарывнов. В состав биржевого комитета входили купцы и промышленники Н.Е. Богачев, К.Ю. Брагин, В.Д. Юдин, А.В. Юров. В 1910 г. в списки Оренбургского биржевого комите-

та входило 134 персональных члена и 21 учреждение, в том числе торговые дома “А. Зарынов с сыновьями”, “П. Ишков с сыновьями”, “И. Суторихин с Брюлем”, “Ст. Серяков с сыновьями”, “Братья Хусаиновы”, “Ф.К. Эверт”, “В. Юров с сыновьями”, представители от Азово-Донского коммерческого банка, Волжско-Камского коммерческого банка, Оренбургского общественного банка, Оренбургского общества взаимного кредита, Русского торгового-промышленного банка, Русского для внешней торговли банка⁸.

Через биржу успешно вели оптовую торговлю фирмы купцов Зарынова, Галеевых, Степановых. Особым влиянием на бирже пользовался торговый дом А.И. Зарынова, располагавший основным капиталом в 4,5 млн. рублей⁹. Именно на бирже предприниматели регулировали объем зерна на продажу, вопросы его переработки, устанавливали цены, заключали крупные сделки. Биржа по сути выполняла функции торгово-промышленной палаты, которой в Оренбурге еще не было. Здесь собиралась информация о торговых оборотах, колебаниях цен на внутреннем и внешнем рынке, решались такие утилитарные вопросы, как переписка с портами, железнодорожными станциями, проблемы засоренности и сортности зерна, взвешивания и отправки грузов.

Аналогично Оренбургской строилась деятельность Челябинской биржи, которая открылась 6 марта 1906 года и имела целью “... упорядочение местной торговли, а также облегчение взаимных сношений и сделок по всем отраслям торговли и промышленности и получение необходимых по оным сведений”⁹.

Организация биржевой торговли в свою очередь стимулировала развитие мукомольно-крупяного производства. В Оренбургской губернии действовало 55 хорошо оснащенных мукомольных предприятий и около тысячи мелких мельниц, которые перемалывали грубым помолом миллионы пудов зерна¹⁰. Мелкие мельницы носили кустарный характер, были маломощными, и естественно, что тон в мукомольно-крупяном производстве задавали предприятия, работавшие на широкий рынок и находившиеся в руках крупных предпринимателей Н.Ю. Брагина, Г.П. Оглодкова, Н.А. Смочилина, Г.Г. Хусаинова, А.А. Юрова и др.¹¹

Оренбургские хлебопромышленники и хлеботорговцы с

широким размахом вели продажу хлеба в ряд соседних губерний и экспортировали его за границу, о чем свидетельствуют имеющиеся данные за ряд лет. Так, через Балтийские и Черноморские порты, Ташкентскую линию железной дороги, в Самару, на дороги Московского транспортного узла было отправлено в 1907 г. 548 тыс. пудов хлеба, в 1908 году — 1782 тысячи пудов, 1909 году — 7189 тысяч пудов, 1910 — 4225 тысяч пудов¹².

Несмотря на кажущиеся значительные объемы зерна, поступавшего на экспорт, его удельный вес в российском экспорте составлял: в 1908 году — 1000000 пудов от 40404000 пудов экспорта России, или 0,24%, в 1909 году — 5138000 пудов от 761934000 пудов, или 0,2%¹³. Это немного, особенно если учесть, что валовой сбор зерновых на Южном Урале в период 1905 по 1910 годы, по нашим расчетам, составлял 4,76% — 6,38% от российского. Это значит, что потенциал региона был значительно выше, чем его реальный хлебный экспорт. Это в определенной мере определялось удаленностью Оренбуржья от портов и пограничных станций, значительными транспортными издержками, конкуренцией со стороны губерний юга России.

Развитие капитализма неизбежно вело предпринимателей к образованию объединений, основанных на ассоциативном капитале. К этому их толкала усилившаяся конкурентная борьба на внутрироссийском и внутрирегиональном рынках, что затрудняло коммерческую деятельность единоличного предпринимателя, пусть даже располагавшего значительными капиталами. Возникла необходимость учреждения новых предпринимательских структур, новых приемов самой предпринимательской деятельности, определения места частной собственности в системе общественных производственных отношений.

Здесь можно выделить две основные формы предпринимательской деятельности — индивидуально-частновладельческую и ассоциированную. Чем выше была степень развития капитализма, тем большая роль принадлежала ассоциированным формам, отдельные из которых получили распространение задолго до XX в.¹⁴

Остро возникла необходимость учреждения союзов, в которых концентрировался совместный капитал нескольких или даже многих частных лиц. Такие союзные объединения назывались

торговыми товариществами и подразделялись на два основных вида: 1. Торговые дома. 2. Акционерные общества или товарищества на паях.

Торговые дома как вид организации предпринимательской деятельности получили свой законодательно-правовой статус в 1807 году в Манифесте Александра 1 “О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий”¹⁵. Этим законодательным актом устанавливались два вида купеческих товариществ — товарищество полное и товарищество на вере (коммандитное общество). Приемы организации торговых домов оставались практически неизменными по существу вплоть до 1917 года.

В конце XIX века и в первое десятилетие XX века в Оренбургском уезде предпринимательская деятельность организационно строилась в виде товариществ. Сфера интересов товариществ была достаточно широкой. Товарищества “Бр. Симоновы и Шишкины”, “Проводник” контролировали торговлю обувью, головными уборами, галошами, резиновыми изделиями. Товарищество пивоваренных заводов “Е.Е. Гофман и К^о” и “Трио” по-существу монополизировало торговлю пивом и минеральными водами. С ним не без успеха конкурировали товарищества “Жигулевский пивоваренный завод”, “А. Вакано и К^о”. Торговля нефтепродуктами входила в сферу интересов товариществ “Бр. Нобель”, “Савинков и К^о”. Чаем и сахаром торговали товарищества “Караван”, “Василий Перлов с сыновьями”. Переработкой леса и торговлей лесоматериалами занимались лесопромышленное товарищество “Рамеевы Бр. и К^о” и лесопильный завод общества “Орлес”.

Живой интерес товарищества проявляли к бакалейной, галантерейной торговле. Здесь удерживали свои позиции товарищества “Жаркова В.А. преемники”, “Лысов А.П. и Михайлов К.А.”. Мучной торговлей занимались товарищество “Покровское”, товарищество “Путоловской мельницы”. Товарищество “В.М. Деев, Н.Н. Дюков, И.П. Оглодков и К^о” владели Илецким соляным промыслом. Маслобойные предприятия держали товарищества “Баландин И.А. и Нехорошев К.И.”, “Брагин и бр. Рубцовы”.

В Орском уезде занималось производством муки и масла товарищество “Тухвачинский”.

В Челябинском уезде товарищество “Вулкан” владело механическими мастерскими. Товарищество “В.Г. Столь и К^о” имело механический завод, а товарищество “Бр. Покровского” — винокуренный завод.

В Троицком уезде сильные позиции занимало “1-е Троицкое мукомольное товарищество”. Здесь же ряд предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и сырья находился в руках торгового дома “Братьев Яушевых”. Акционирование предприятий фабрично-заводской промышленности обусловило активное проникновение сюда коммерческого капитала. В кредитовании акционированных предприятий фабрично-заводской промышленности приняли участие банки. Вышеупомянутый торговый дом “Братьев Яушевых” был крупным и активным клиентом по текущему (онкольному) счету Русско-Азиатского банка. Без банковских услуг в начале XX века не обходились торговые дома в Оренбурге: “Путолова П.П. с сыновьями”, “П.А. Ишков с сыновьями”, “Киникеев А. и Девишев Е. и К^о”, “Перлов С.В.” и другие.

В Верхнеуральском уезде товарищество “Василий Гогин и К^о” владело мукомольным предприятием, а “Разсохин и Терепт” имело винокуренный завод.

Торговые дома как форму акционирования нельзя рассматривать как некую архаичную структуру, наличие которой отражает пресловутую отсталость капиталистической народнохозяйственной системы. Основные черты развития торговых домов позволяют заключить: данные элементы организации капитала во второй половине XIX — начале XX вв. выполняли свои функции, соседствуя с финансовым капиталом, иногда перемежаясь с ним, вполне мирно уживались со средним и мелким предпринимательством. Сами же формы предпринимательских занятий в рамках торгового дома были для многих предпринимателей переходным этапом от неорганизованной деятельности к предпринимательству империалистической эпохи.

Торговые дома Оренбуржья в какой-то мере по сфере своих интересов были многопрофильными, хотя приоритет многими из них отдавался мукомольной промышленности. И это вполне

объяснимо — мукомольная промышленность и хлеботорговля являлись одной из главных отраслей обрабатывающей промышленности Южного Урала. И не менее важно то, что эта сфера была привлекательной в силу своей перспективности, востребованности на рынке, высокой доходности.

Важное место в предпринимательстве Оренбургской губернии занимали торгово-промышленные товарищества. Сфера их интересов была очень широкой: товарищество “Бр. Симоновы и Шишкины” — обувь, шапочные и картузные изделия; товарищество “Жаркова А.А. преемники” — бакалея, мелочные товары; товарищество “Проводник” — галоши, резиновые изделия; товарищество “Савинков Н.П. и К^о” — торговля полотном; товарищество “В.М. Деев, Н.Н. Дюков, И.П. Оглодков и К^о” — аренда Илецких соляных шахт и торговля солью; товарищество “Баландин И.П. и Нехорошев К.И.” содержало маслобойню и торговало маслом. Ряд товариществ занимались торговлей хлебом и мукой, колбасными изделиями, лесоматериалами, кирпичом и другими товарами.

Оптово-розничную торговлю бакалейными, кожевенными и москательными товарами на территории Оренбургской губернии и Тургайской области осуществляло торгово-промышленное товарищество “Баширов Г.А. и сотрудники”, открывшее свою деятельность в 1914 году с основным капиталом в 360 тысяч рублей¹⁶.

Кроме местных торговых домов, различных товариществ в Оренбургском крае осуществляли свою торгово-промышленную деятельность общеимперские акционерные общества и общества других регионов страны. Так, например, в Челябинске работали чаеразвесочные фабрики торгово-промышленного товарищества “Кузнецов А. и К^о”, начавшего свою деятельность еще в 1891 году с основным капиталом в 10 млн. рублей¹⁷. Правление товарищества находилось в Москве, а отделения имелись во многих регионах.

Крупные таможенные склады и чаеразвесочную фабрику в Челябинске имело товарищество чайной торговли и складов “Поповы — братья К и С” с капиталом в 1,5 млн. рублей¹⁸.

Широкую торговлю сельскохозяйственными продуктами на территории Оренбургской губернии вело возникшее в 1911 году

торгово-промышленное товарищество “Соколов Иван Яковлевич с сыновьями” с основным капиталом в 1 млн. рублей¹⁹. Правление общества находилось в Самаре.

В экономическую и особенно в торгово-промышленную жизнь Оренбургской губернии проникал коммерческий и банковский капитал. Крупнейшие коммерческие, торгово-промышленные и земельные банки империи имели свои отделения и агентства во всех уездах Оренбуржья. С одной стороны, предприниматели получали мощную финансовую поддержку, а с другой — оказывались под контролем банковского капитала. В Оренбурге действовало отделение Азовско-Донского коммерческого банка с капиталом в 50 млн. рублей¹⁹. Русский для внешней торговли банк осуществлял контроль над торгово-промышленной деятельностью в Оренбурге и Челябинске. Активную роль в торговле играл Русский торгово-промышленный банк с основным капиталом в 35 млн. рублей и имевший отделения в Оренбурге, Орске, Троицке. Сибирский торговый банк с основным капиталом в 20 млн. рублей имел свои отделения в Орске, Верхнеуральске, Троицке²⁰ и производил учет векселей, выдавал ссуды под процентные бумаги, осуществлял покупки и продажу процентных бумаг, оформлял аккредитивы, скупал драгоценные металлы. Под залог недвижимого имущества выдавали ссуды Самарский земельный банк и Донской земельный банк.

Однако нельзя не заметить, что банки предпочитали работать с торговыми домами, акционерными обществами, участвовать в финансировании биржевых операций, то есть фактически обслуживали верхний слой предпринимателей. Мелкие предприниматели, торговцы, составлявшие нижний слой, оставались вне влияния банков. Только с конца 1898 года Государственный банк начинает выдавать ссуды вновь возникающим учреждениям мелкого кредита — ссудосберегательным кассам, кредитным товариществам, кредитным обществам. Однако развитие учреждений кредита в Оренбургской губернии не получило достаточного развития вплоть до начала XX века из-за того, что основной капитал складывался исключительно из паевых взносов их членов и был незначительным. Они постоянно испытывали необходимость в пополнении оборотных средств. Ситуация в лучшую сторону изменилась с принятием “Положения об учреждениях мел-

кого кредита, дополненного законом 30 мая 1905 года”, где определялись цели мелкого кредита, формы учреждений мелкого кредита и другие моменты их деятельности.

Учреждения мелкого кредита предназначались для “улучшения производства хозяйственных оборотов” и стали формировать свои уставные капиталы не за счет пайщиков, а из сумм, полученных в кредит под 6% годовых от Государственного банка.

Сеть учреждений мелкого кредита, а также различных потребительских обществ и товариществ стала быстро развиваться. В Оренбургской губернии к 1917 году имелось 35 ссудосберегательных касс, 16 кредитных обществ, 49 обществ потребителей, 8 потребительских лавок и магазинов²¹. Таким образом, при поддержке Государственного банка в губернии был создан новый уровень коммерческого кредита, направленного на поддержку производителей и торговцев нижнего звена торговли. Этим самым улучшались условия для расширения торгового производства и наполнения рынка продукцией, ликвидирован в определенной мере разрыв в обеспечении кредитования между крупными и мелкими предпринимателями.

Таким образом, экономика и хозяйство Оренбургской губернии попали в орбиту многочисленных акционерных обществ, товариществ, торговых домов, бирж, коммерческих банков.

Проникновение коммерческого и банковского капитала, русского и иностранного, в конце XIX — начале XX вв. привело к усилению товарности производства и особенно к увеличению масштабности товарного мукомолья и маслоделия, развертыванию винокуренного производства, организации предпринимателями промышленного забоя скота, шерстомоечного и кожевенного дела.

В годы экономического подъема развивающийся капитализм втягивал в орбиту предпринимательства мелкую и легкую промышленность. Активно развивалась фабрично-заводская промышленность. Так, если в 1899 году стоимость производимой ею продукции оценивалась в 13,2 миллиона рублей, то в 1908 году уже 23,8 млн. руб.²² Активизации всей предпринимательской деятельности способствовало железнодорожное строительство. В конце XIX — начале XX веков через территорию Оренбургской

губернии были проложены железные дороги, позволившие связать её с Центральной Россией, Сибирью, Казахстаном, Средней Азией. Это существенно стимулировало товарооборот, облегчило сбыт производимой сельскохозяйственной продукции и ввоз необходимых товаров, машин, оборудования, сельскохозяйственного инвентаря. Оренбург и Челябинск стали превращаться в крупные торгово-промышленные центры. Если в 1897 году в Оренбурге проживало 72425 человек, то в 1910 году уже 102485²³. Он стал самым крупным по числу жителей городом Урала и вошёл в число 28 наиболее крупных городов Российской империи. Развитие городов вело к расширению старых и открытию новых кирпичных, цементных, лесопильных и других заводов. Развивается предпринимательство в сфере кустарной промышленности. В городах, селах, казачьих станицах её представляли клееварни, шорно-седельные, шубные, швейные, войлочно-валяльные, сапожные, кузнечные, слесарные, столярные и другие мастерские. За 1904 — 1909 годы число ремесленников - кустарей увеличилось с 1505 до 19,4 тысяч человек²⁴.

В 1911 году в Челябинске введен в строй дроболитейный завод предпринимателя Мартынова. Завод был рассчитан на производство 70 тысяч пудов дробы и картечи в год. В это же время предприниматель Лоренсов построил завод по производству цементных плит для полов и тротуаров, кафеля для печей и каминов²⁵. В 1912 году в Челябинске вступил в строй керамический завод, а в Троицком уезде пущен лесопильный завод.

Предприниматели очень чутко относились к техническим новинкам. В 1909 году началось строительство электростанции в Троицке, в 1913 году — в Верхнеуральске, в 1915 году — в Челябинске.

Всего на территории Оренбургской губернии в 1913 году было 247 кустарных фабрично-заводских и полукустарных предприятий, включая золотые прииски, на которых добыча велась кустарным способом²⁶.

Необходимо отметить, что в начале XX века к обрабатывающей промышленности внимание проявлял иностранный капитал. Располагая сетью кредитных учреждений, агентств, имея агентов во всех уездах и городах, иностранный капитал занял свою нишу в осуществлении торговых операций, заготовке и продаже

продуктов и сырья сельского хозяйства. Наиболее активно иностранный капитал проявил себя в бурно развивающемся земледелии.

Особенно бурный рост маслодельных артелей наблюдается на востоке губернии. В 1911 году создается союз малодеятельных артелей под названием “Приуральский союз”, объединивший 121 артель²⁷. Он развернул конкурентную борьбу с “Союзом сибирских маслодельных артелей”, но не выдержал её и в начале Первой мировой войны прекратил своё существование, что, однако, не привело к прекращению деятельности маслодельных артелей. В это же время вполне благополучно существовала датская фирма “Паллазен”, которая совместно с московской фирмой братьев Бландовых действовала с конца XIX века. Она поставляла оборудование для маслодельных заводов и одновременно занималась экспортом масла. Эти же фирмы построили свои хорошо оборудованные маслодельные заводы.

Иностранные фирмы не ограничивались маслодельным делом. Они активно проникают в животноводство, птицеводство и внедряются в другие отрасли сельского хозяйства Южного Урала. Челябинский уезд стал одним из центров разведения гусей, уток, кур. Разведение птицы являлось очень выгодным делом, дававшим большое количество товарной продукции — мяса, яиц, пуха и пера, — часть из которой закупалась иностранными фирмами и отправлялась за границу.

Хозяйственное освоение природных богатств Оренбуржья, расширение сельскохозяйственного производства в конце XIX — начале XX веков способствовали вовлечению различных слоев населения в торгово-предпринимательскую деятельность. Если в 1900 году было выбрано 15344 торговых свидетельства, билета и промысловых свидетельства, то в 1910 году — уже 25966²⁸. Наиболее выгодные сферы торговли были заняты людьми предприимчивыми, оборотистыми, готовыми к риску. Существенные изменения произошли в характере торговли и в положении её участников. Деятельность купцов и их доходы становятся более высокими и стабильными. Крупные купцы в Оренбургской губернии постепенно превратились в организаторов торговли и руководили ей через своих управляющих, приказчиков, доверенных лиц. Так, например, в Оренбургской губернии в 1900 году

было выдано 2667 торговых документов приказчикам 1 и 2 класса, а в 1910 году — 4843²⁹.

Поле деятельности торговли в конце XIX — начале XX веков по-прежнему являлись меновые дворы, ярмарки, базары и активно развивающаяся в это время сеть стационарной торговли. Последняя снизила значимость ярмарочной торговли, хотя ярмарочные обороты продолжали оставаться ещё высокими. В 1910 году в Оренбургской губернии действовало 272 ярмарки. Если до середины 90-х годов XIX века по количеству преобладали однодневные ярмарки, то в XX веке — трехдневные и семидневные. Изменения в длительности проведения ярмарок связаны с желанием торгующих распродать как можно больше товара, но это не получалось в ходе однодневных ярмарок в связи со снижением покупательского спроса населения в период русско-японской войны 1904 — 1905 годов, революции 1905 — 1907 годов, Первой мировой войны. Ярмарки постепенно утрачивают не только свою значимость, но и определенную автономность, замкнутость. Кроме этого, в условиях развития биржевой торговли, при которой купля-продажа товаров осуществлялась преимущественно по образцам или техническим описаниям товаров, отпала необходимость предварительной доставки массы товаров на ярмарки, а это снижало риск обратного возврата в случае невозможности реализации этих товаров, сокращало транспортные и иные расходы.

В условиях развития железных дорог, телефонной и телеграфной связи торговые сношения между районами промышленного производства, местами складирования товаров и их сбыта могли осуществляться каждодневно, они не приурочивались к табельным дням проведения ярмарок.

Крупнейшими центрами торговли в Оренбургской губернии продолжали оставаться Оренбургский и Троицкий меновые дворы. Особенно росли обороты Оренбургского менового двора: 1900 год — 4409655 рублей, 1905 год — 6468655 рублей, 1910 год — 12768378 рублей, 1913 год — 16609018 рублей³⁰.

Вместе с тем, на наш взгляд, следует иметь в виду, что рост оборотов на Оренбургском меновом дворе достигался вовсе не за счет увеличения объемов продаваемых товаров, а роста цен на них, особенно во втором десятилетии XX века. С 1915 года Орен-

бургский меновой двор начал использоваться как лагерь для содержания военнопленных немцев и австрийцев, поэтому деятельность его была свернута³¹.

В отличие от Оренбургского Троицкий меновой двор ещё с 1895 года начал постепенно утрачивать свои позиции, что выразилось в падении торговых оборотов. Если в 1895 году они составляли 3594050 рублей, то в 1900 году — 2280346 рублей, в 1905 году — 1212300 рублей, в 1910 году — 828000 рублей³². Столь значительное падение торговых оборотов было вызвано сокращением поставок товаров из Средней Азии и Казахстана. Итак, видно, что с изменением экономической ситуации в стране накануне и в ходе Первой мировой войны торговля на меновых дворах и ярмарках постепенно пришла в расстройство.

Важное место в экономической жизни губернии занимала базарная торговля. К 1895 году число действовавших 145 базаров вполне устоялось и было стабильным в начале XX века³³. Базарная торговля, где были задействованы купцы, мещане, крестьяне, в целом успешно существовала рядом с ярмарочной и стационарной торговлей. Это объяснялось тем, что ярмарки действовали в табельные дни, а базары, в зависимости от местности, ежедневно или несколько раз в неделю. В ряде городов имелось несколько базаров. Так, в Оренбурге базарная торговля шла на Главной рыночной площади, Сырейном, Лесном, Хлебном базарах, а также на Дюковской, Торговой, Чернореченской, Хлебной, Базарной, Кадетской, Деевской площадях. В Челябинске базарная торговля велась в семи местах, в Верхнеуральске — в трех, в Орске — четырех, в Троицке — пяти местах.

Анализ материалов и статистики, касающейся базарной торговли в рассматриваемое время, показывает, что не было единого подхода к самому понятию “базар”. В одном случае под базаром понимают строго определенные администрацией места для торговли, в другом же — просто упоминается сам факт проведения базара без указания места его расположения. Нередко спонтанно возникали на несколько часов мелкие базары на железнодорожных станциях и речных пристанях. Это дает основание считать, что в Оренбургской губернии реальное количество базаров было выше, чем указывалось в официальной статистике.

Если сельские базары были смешанные по ассортименту

товаров, то в городах уже в какой-то мере определилась их специализация, то есть они уже сосредотачивались на одной или нескольких группах однородных товаров. Городские базары отличались от сельских и тем, что на них торговля велась в основном с постоянных мест, которые облагались налогом, а их владельцы были зарегистрированы в установленном порядке. Без взятия свидетельств на право торговли было разрешено торговать вразнос со столов, ларей, лотков 22 группами товаров. Среди них: овощи, мясо, рыба, печеный хлеб, квас, булавки, корзинки, цветы, подержанные вещи. Городские базары, таким образом, по своей организации, структуре товаров стояли ближе к стационарной торговле, чем к ярмарочной.

Важным показателем базарной торговли, да и вообще барометром экономического состояния являются цены. Начиная с 1900 года, обнаруживается тенденция к их нестабильности и росту, что было обусловлено рядом неурожайных лет, событиями русско-японской войны и революции 1905 — 1907 годов. Например, цены на скот на базарах Оренбуржья в 1900 и 1910 годах выглядели соответственно: на крупнорогатый скот за голову 35 — 45 рублей и 36 — 68 рублей; на лошадей — 25 — 45 рублей и 45 — 71 рубль³⁴. Резко начали расти цены в годы Первой мировой войны. Так, цены в 1911 и 1915 годах выглядели соответственно: на рожь 54 и 64 копейки за пуд; пшеницу 61 и 77 копеек; рабочую лошадь — 45,6 и 55 рублей; корову мясную — 33,3 и 40 рублей; говядину за пуд — 3,9 и 4 рубля; масло коровье — 13,7 и 14,7 рублей³⁵.

В 1917 году цены на базарах ещё более выросли. За пуд ржи торговцы запрашивали 2 рубля 07 копеек, пшеницы — от 2 рублей 88 копеек до 3 рублей 07 копеек, муки — от 1 рубля 80 копеек до 4 рублей 57 копеек, говядины — 19 рублей 51 копейки, масла коровьего — 52 рубля 50 копеек³⁶. Базарная торговля приходит постепенно в расстройство. Уменьшается число базаров, падают торговые обороты, резко растут цены, процветает спекуляция.

Развитие регионального рынка и его усиливающаяся интеграция во Всероссийский рынок обнаружили то, что ярмарочная, меновая, базарная торговля уже не обеспечивали потребности товарооборота в губернии. Действия предпринимателей, купцов, промышленников были в основном ориентированы на переработку местного сырья и продуктов и их продажу. Сказывалось

развитие мелкокустарного производства, зависимость экономики Оренбуржья от товаров и сырья, доставляемого из Казахстана и Средней Азии.

По мере роста товарного производства росли и доходы населения, расширялись его потребности в приобретении мануфактурных товаров, земледельческих орудий, промышленного оборудования, машин, которые, в основном, завозились из центра России. Возникла необходимость иметь такую торговлю, которая могла бы обеспечивать в полной мере товарами город и деревню безостановочно, на основе спроса со стороны потребителя, из оптовых складов, магазинов, лавок, ларьков, палаток, павильонов. При такой системе рынок товаров значительно приблизился к покупателю. Развитие железнодорожной сети позволило производителям оперативно и в необходимом количестве отправлять заготовленный товар с места производства прямо на место спроса.

Характеристика стационарной торговли в Оренбургской губернии затруднена из-за ограниченного источника статистических материалов. По подсчетам Д.П. Самородова, в 1909 году общее количество торговых заведений было: в Троицком уезде — 1266; в Челябинском — 1465; в Оренбургском — 224³⁷. По всей видимости, торговых заведений было больше. Не учитывались рестораны, кабаки, трактиры, буфеты в гостиницах.

По видам торговли среди торговых заведений можно выделить: бакалейную, мануфактурную, хлебную, лесную, галантерейную, железо-скобяную, шорно-кожевенную, шапочно-картузную. Имелись предприятия, торговавшие солью, керосином, мелочными и съестными припасами, обувью и другими изделиями. Преобладающими по численности были мелкие заведения (особенно в уездах) — лавки и ларьки.

Они развивались особенно быстро, потому что, во-первых, в силу ещё низкого потребления населения и быстрого приспособления к его потребностям; во-вторых — в мелкую торговлю устремлялась часть ремесленников, мещан, крестьян, казаков, не находивших иного применения своим силам в условиях капиталистического развития.

Наивысшей концентрацией сети стационарной торговли являлись города. Развитой магазинной и лавочной сетью выделялся Оренбург. Здесь уже в 1900 году имелось 1608 торговых заведений с оборотом 23,6 миллиона рублей³⁸.

В период с 1897 по 1914 год количество лавок, магазинов и других торговых заведений в Оренбурге удвоилось. Основная их часть была сосредоточена на Главной, Конно-Сенной, Хлебно-Соляной, Чернореченской, Мариинской, Мечетной площадях, Гостином дворе и улицах — Николаевской и Гостинодворской. Здесь было 43 двухэтажных магазина, 272 лавки и 1020 других торговых мест³⁹. К 1917 году, по данным Ф.П. Доброхотова, в Оренбурге насчитывалось 1200 торговых предприятий с оборотом капитала в 30 миллионов рублей⁴⁰. Рост стационарной торговли в Оренбурге очевиден в сравнении с шестидесятью годами XIX века, когда было всего 9 магазинов, 277 лавок, 97 постоянных дворов, 5 ренсковых погребов и 1 харчевня⁴¹.

Быстро росло число торговых заведений в Челябинске. И здесь особую роль сыграл железнодорожный фактор. После сооружения Сибирской железнодорожной магистрали город стал важным транзитным узлом грузового движения, и это активизировало экономическую жизнь и торговлю. В 1909 году в Челябинске было 404 торговых заведения с оборотом 7,35 миллионов рублей⁴². В благоприятных условиях развивалась торговля в Троицке и в Троицком уезде. В северной части этого уезда проходила Сибирская железная дорога. В этом районе наблюдалась конкуренция сети торговых заведений. Вокруг Миасского завода, например, в 1909 году действовало 177 торговых заведений с оборотом 2,62 миллиона рублей. В самом Троицке насчитывалось 485 торговых заведений с оборотом 6,24 миллиона рублей⁴³.

В двух других городах Оренбургской губернии — Верхнеуральске и Орске — торговая сеть развивалась слабо. В Верхнеуральске в 1909 году насчитывалось всего 207 торговых заведений с оборотом 1,9 миллионов рублей⁴⁴. Слабость развития стационарной торговли в Верхнеуральске и Орске объяснялась невысокой плотностью населения, удаленностью от торговых и экономических центров.

В развитии стационарной торговой сети важное место занимали торговые дома, оптовые склады, товарищества, которые специализировались на определенной группе товаров. В Оренбургской губернии в стационарной торговле активно действовало 41 товарищество, а также крупные склады: машин и земледельческих орудий торгового дома Ф.К. Эверта; склад-магазин “М. Шанин”, занимавшийся продажей велосипедов, пишущих маши-

нок, граммофонов; склады земледельческих машин И.И. Нейфельда; склад оптовой и розничной продажи земледельческих машин и орудий Я.К. Гиберта; склад земледельческих орудий и машин технической конторы Я.С. Демина; универсальный склад П.М. Чебоксарова.

Вплоть до Первой мировой войны стационарная торговля в целом развивалась успешно. Росло число торговых заведений и их торговые обороты, расширялся ассортимент товаров. Однако с 1914 года стационарная торговля начинает испытывать трудности, что проявилось в сокращении ввозимых в губернию объемов товаров, возникновении дефицита на отдельные их группы и росте цен. Вплоть до 1917 года стационарная торговля губернии неуклонно шла к расстройству и упадку.

Итак, развитие предпринимательства в Оренбуржье в конце XIX — начале XX веков было тесно связано с новыми явлениями экономической жизни страны, бурными потрясениями и социальными взрывами. Предпринимательству пришлось действовать в условиях, когда на смену капитализму свободной конкуренции пришел капитализм монополистический.

Купечество Оренбуржья постоянно интегрируется в деятельность акционерных компаний, бирж, все теснее становится связь с банковским капиталом.

Интересы предпринимательства сосредотачиваются на наиболее выгодных и перспективных отраслях перерабатывающей промышленности и торговли.

Новое поколение торгово-предпринимательских кругов отличают большая предприимчивость, напористость, умение поставить дело в новых экономических условиях. Крупные предприниматели все сильнее осознают свое экономическое могущество и социальную значимость. Вместе с тем нельзя не отметить, что предпринимательская деятельность в Оренбуржье давала много поводов для недовольства и даже ненависти со стороны отдельных групп населения. Но можно утверждать, что не сама предпринимательская деятельность, а условия, в которые были поставлены предприниматели, заставляли их ловчить, обходить законы Российской империи. Краткое время развития капитализма не позволило в предпринимательской среде Оренбуржья постепенно сформироваться прочным профессиональным принципам, привычкам, которые передавались из поколе-

ния в поколения. Такой постепенности не было отпущено даже в самый благоприятный период в истории предпринимательства — в конце XIX — начале XX веков.

Примечания:

- ¹ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 299 — 426.
- ² Федоров В.А. История России 1861 — 1917 гг. — М., 1998. — С.183.
- ³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. — Т. XXVIII. — СПб., 1904. — С. 8.
- ⁴ Там же. — С.12.
- ⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 201 А. Л.100.
- ⁶ Акционерно-паевые предприятия России / Под ред. В.Д. Лаврова. — Петроград, 1917. — С. 50.
- ⁷ Россия. — М., 1914. — Т. 5. — С. 492.
- ⁸ Обзор Оренбургского Биржевого Комитета за 1910 год. — Оренбург, 1911. — С. XLIII — XLIII — L.
- ⁹ ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 22. Л. 119; Д. 59. Л. 1 — 3 об.
- ¹⁰ ГАЧО Ф. И.-3. Оп. 1. Д. 633. Л. 14.
- ¹¹ Оренбург — Челябинск, 1993. — С.101; Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 7. — Челябинск, 1973. — С.92.
- ¹² Коген С. Очерк хлебной торговли и мукомольно-просообдирной промышленности в районе Оренбург — Орской железной дороги. — СПб., 1912. — С. 24.
- ¹³ Коген С. Указ. соч. — С. 24; Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX — XX веках. 1880 — 1917 гг. — М., 1950. — С. 452 — 453.
- ¹⁴ Горшенин С.Г. Зерновой экспорт в России во второй половине XIX — начале XX веках // История аграрных отношений в России. — Оренбург, 1998. — С. 344.
- ¹⁵ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX — начало XX веков — 1914. — М., 1992. — С. 92.
- ¹⁶ ПСЗ III. Т. XXIV. Ст. 22413.
- ¹⁷ Акционерно-паевые предприятия России / Под ред. В.Д. Лаврова. — Петроград, 1917. — С. 526.
- ¹⁸ Там же. — С. 61.
- ¹⁹ Там же. — С. 66.
- ²⁰ Там же. — С. 568.
- ²¹ Там же. — С. 560, 566, 581.
- ²² ГАОО. Ф.10. Оп 1. Д. 261. Л. 51,61, 55 об., 65, 68 об.; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1917 год. — Оренбург, 1916. — С. 48 — 58, 99 — 100.
- ²³ ГАОО. Ф. 164. Оп.1. Д. 179 А. Л. 43. 437; Статистический обзор губернии за 1909 год. — Оренбург, 1910. — С. 20.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1А. Табл. 1; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. — Оренбург, 1911. — С. 1.
- ²⁵ История Оренбуржья. — Оренбург, 1996. — С. 140.
- ²⁶ Статистический обзор Оренбургской губернии за 1911 год. — Оренбург, 1912.

- С. 20.
- ²⁷ Пройденный путь. – Уфа, 1924. – С.14.
- ²⁸ Наш Союз. – 1913. – № 4. – С.2.
- ²⁹ Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. – Оренбург, 1911. – С. 46.
- ³⁰ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: Адрес-календарь Российской империи. – СПб., 1902. – С. 2012; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. – Оренбург, 1911. (Ведомость о числе промысловых свидетельств и билетов для производства торговли и промыслов по Оренбургской губернии в течение 1910 года).
- ³¹ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 132. Л. 281 – 284; Ф. 164. Оп. 1. Д.179А. Л. 16; Отчет о деятельности оренбургского биржевого комитета за 1910 год. – Оренбург, 1911. – С. 62 – 63; Рязанов А.Ф. Оренбургский край: Исторический очерк. – Оренбург, 1928. – С. 11 – 12.
- ³² Бляхер Я.В. Итоги однодневной переписи населения г. Оренбурга 7 февраля 1916 года. – Оренбург, 1916. – С.11 – 12.
- ³³ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 132. Л. 281 – 283; Ф. 164. Оп. 1. Д. 179А. Л. 16 – 19; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. – Оренбург, 1911. – С. 41 – 45.
- ³⁴ ГАОО. Ф.10. Оп. 2. Д. 95. Л. 291.
- ³⁵ ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 179А. Л. 16.
- ³⁶ Базарные цены на продукты сельскохозяйственного производства и скотоводства за январь 1915 г. – Оренбург, 1915. – С. 2 – 5.
- ³⁷ Цены на продукты сельского хозяйства на базарах Оренбургской губернии за 1917 год. – Оренбург, 1915. – С. 2 – 5.
- ³⁸ Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии: вторая половина XIX – начало XX веков. – Стерлитамак, 1999. – С.115.
- ³⁹ История Урала в период капитализма / Отв. ред. Ю.В. Гаврилов. – М., 1990. – С. 112.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1743. Л. 4 – 5; Д. 188. Л. 8 – 10.
- ⁴¹ Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный. – СПб., 1917. – С. 596 – 597.
- ⁴² Экономическое состояние городских поселений Европейской России. – Ч. II. – СПб., 1863. – С. 16.
- ⁴³ Самородов Д.П. Указ. соч. – С. 116.
- ⁴⁴ Он же. – С. 166.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринимательство как способ активной экономической деятельности играет существенную роль в развитии общества. Сыграло свою роль и оренбургское предпринимательство. Огромен его вклад в освоение и развитие Оренбургского края. Именно оно стало приводной пружиной грандиозных преобразований на обширнейших просторах Южного Урала. Оренбургский край, основанный по мысли и воле Петра I его талантливыми сподвижниками, стал не только защитой империи от кочевников, но и зоной процветания торговли и предпринимательства на стыке Европы и Азии.

Оренбургское предпринимательство с самого начала оренбургской коммерции и до 1917 г. прошло нелегкий путь. Это обуславливалось логикой развития государства, внутреннего экономического развития, требованиями мирового рынка. Подчиняясь ей, Россия постепенно освобождала предпринимательскую активность своих граждан, но этот процесс сдерживался исторически утвердившейся чиновничьей бюрократией, опекой деятельности самих предпринимателей.

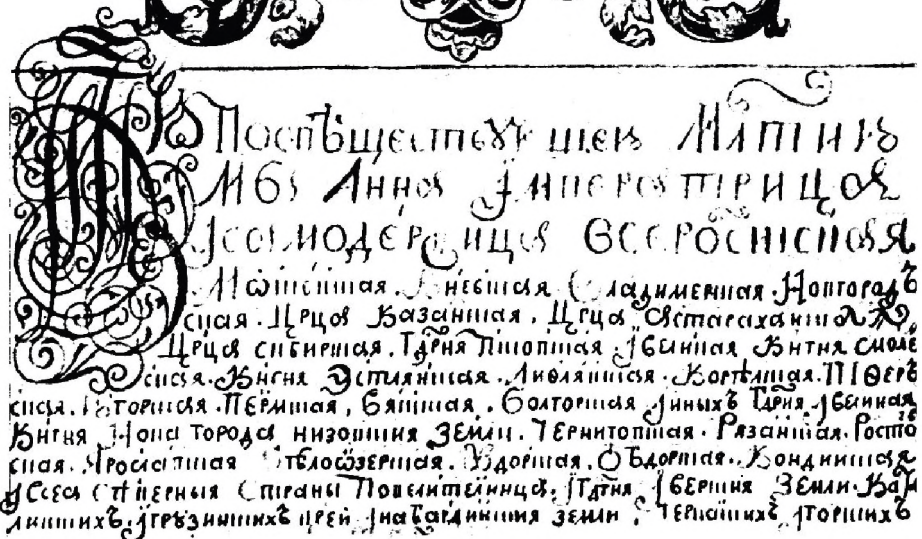
Охранительная, регулирующая политика государства направляла силы предпринимательства на достижение частных интересов. Государство постоянно контролировало предпринимательскую деятельность, проявляло к ней утилитарный и фискальный интерес. Свободу предпринимательской деятельности ограничивал механизм управления государством, который в значительной мере исчерпал свой ресурс к 1917 году.

Революционное переустройство привело к запрету предпринимательства, был ликвидирован целый слой людей, профессиональных организаторов экономики.

Потеря предпринимательского слоя непоправимо отразилась на России, и не только на ее экономическом состоянии. Был унич-

тожен целый слой носителей предпринимательской культуры, традиций, многовекового опыта. Была прервана связующая нить поколений. И это объясняет во многом то, что современное предпринимательство все еще очень трудно выходит из эмбрионального состояния. И только тогда, когда государство, претендующее на создание рыночной экономики, реально востребует инициативных, предприимчивых людей, возьмет на себя ответственность за судьбу самой активной части населения, создаст условия тем, кто хочет и может работать, учтет критически исторический опыт, можно рассчитывать на настоящее возрождение предпринимательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

108

В.Н. Татищев

И.И. Неплюев

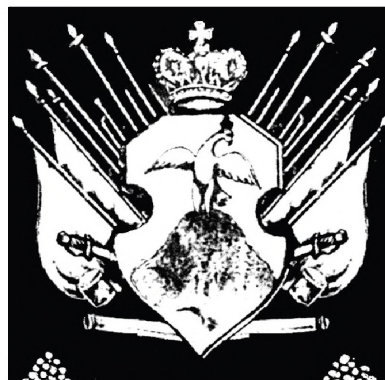
*Герб Уфимской провинции
1782 г.*

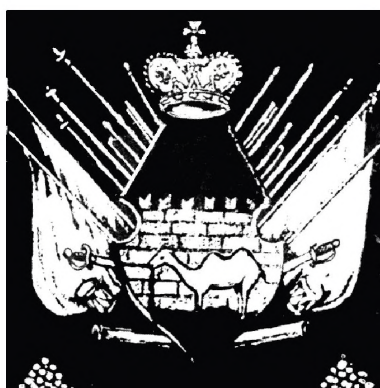
Добыча соли в Илецкой защите. Фото XIX в.

Иван Иванович Неплюев — первый губернатор Оренбургской губернии

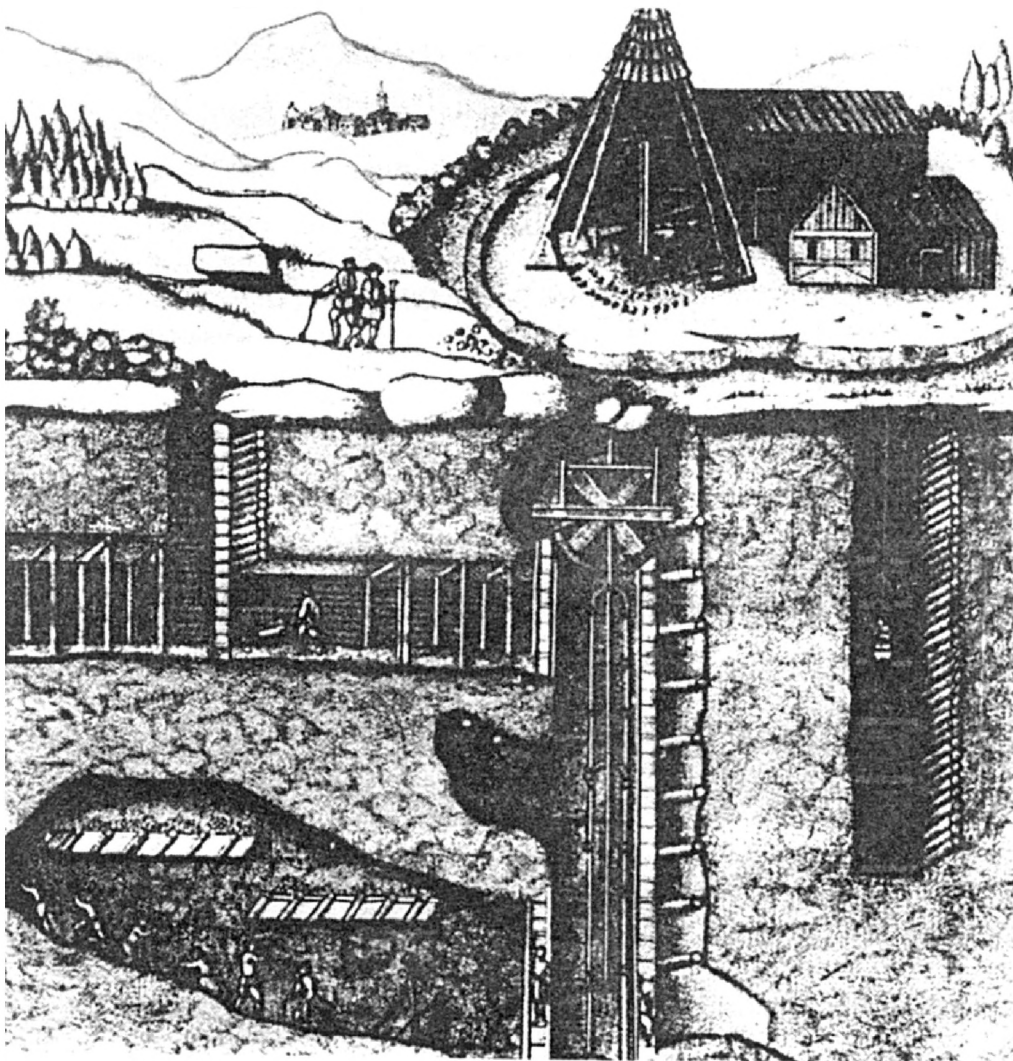
Герб г. Оренбурга на плане 1755 г.

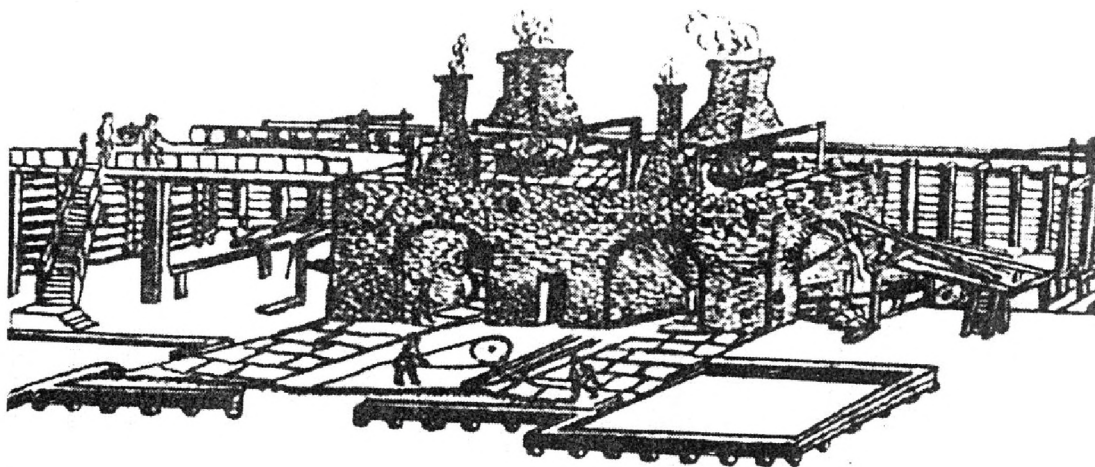
Герб г. Исетской провинции на плане 1755 г.

*Оренбургский военный губернатор
Василий Андреевич Перовский*

*Добыча руды. Из книги И. Шлаттера
«Наставление о рудном деле...» 1760 г.*

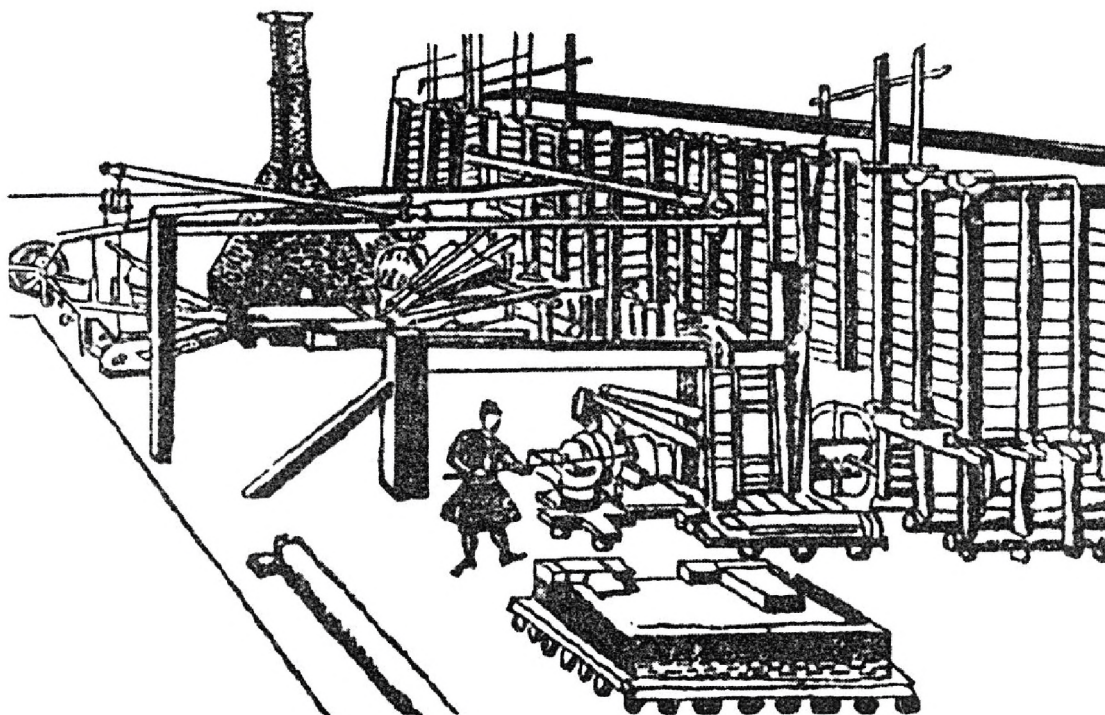
Доменная фабрика. Рис. XVIII в.

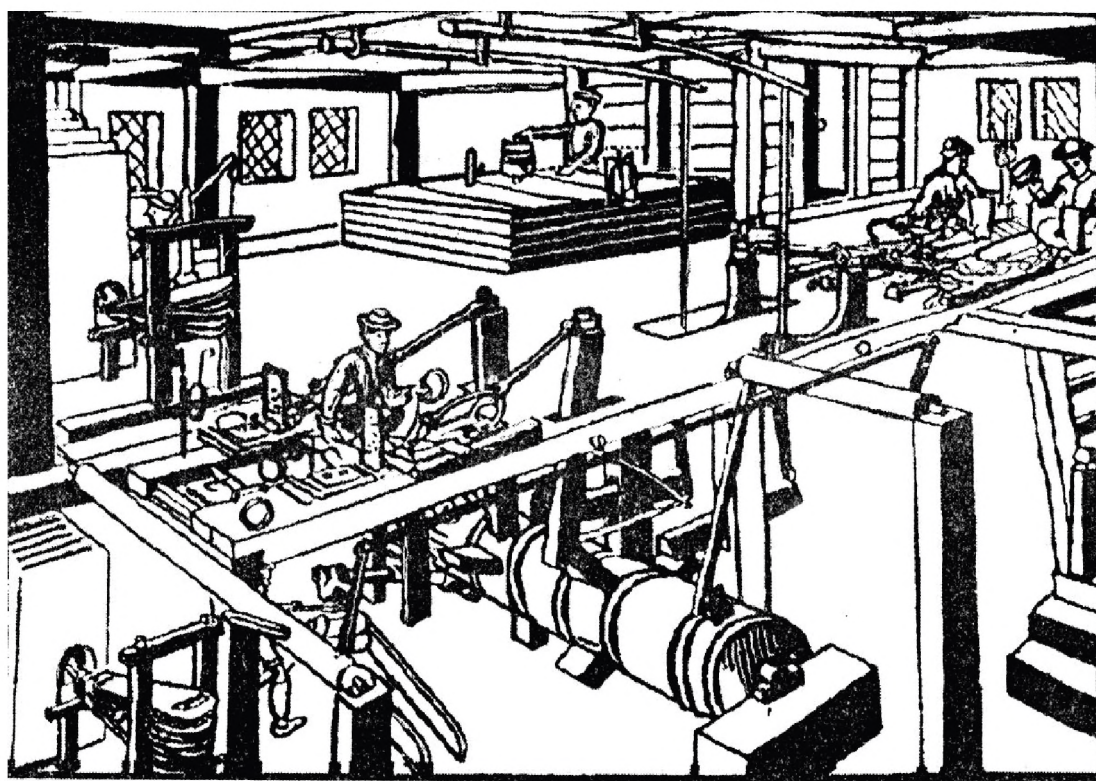
Плющильная машина. Рис. XVIII в.

Уральский медеплавильный завод. С рис. XVIII в.

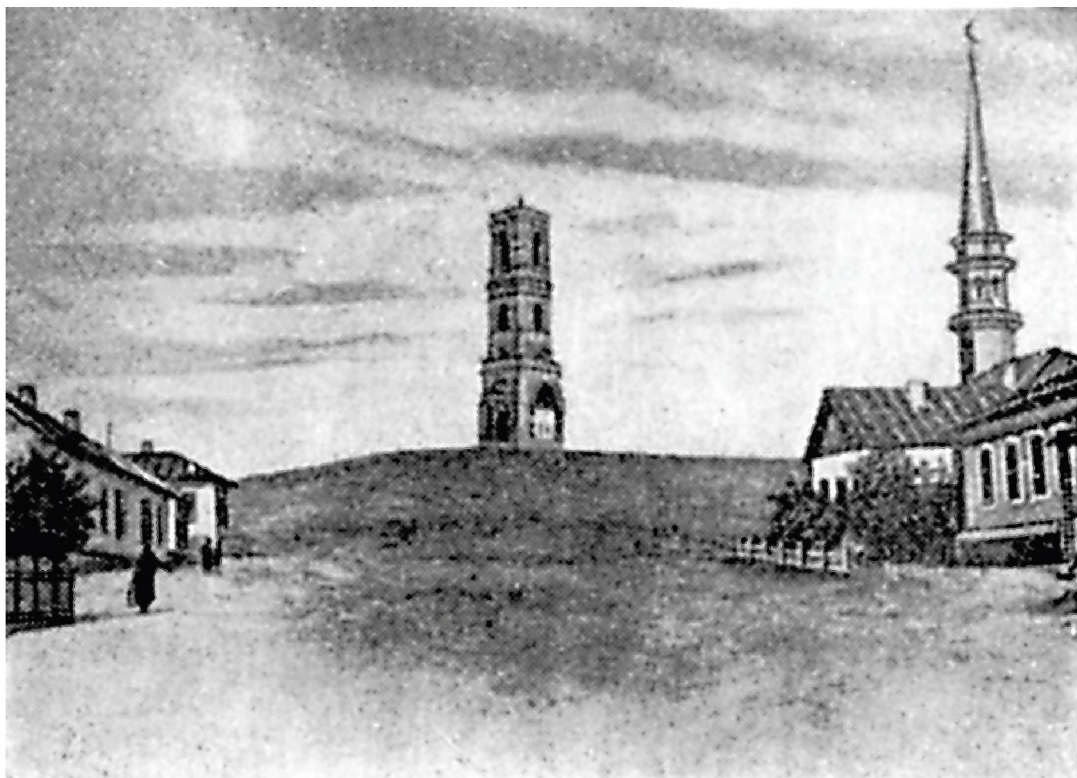
Молотовая фабрика. Рис. XVIII в.

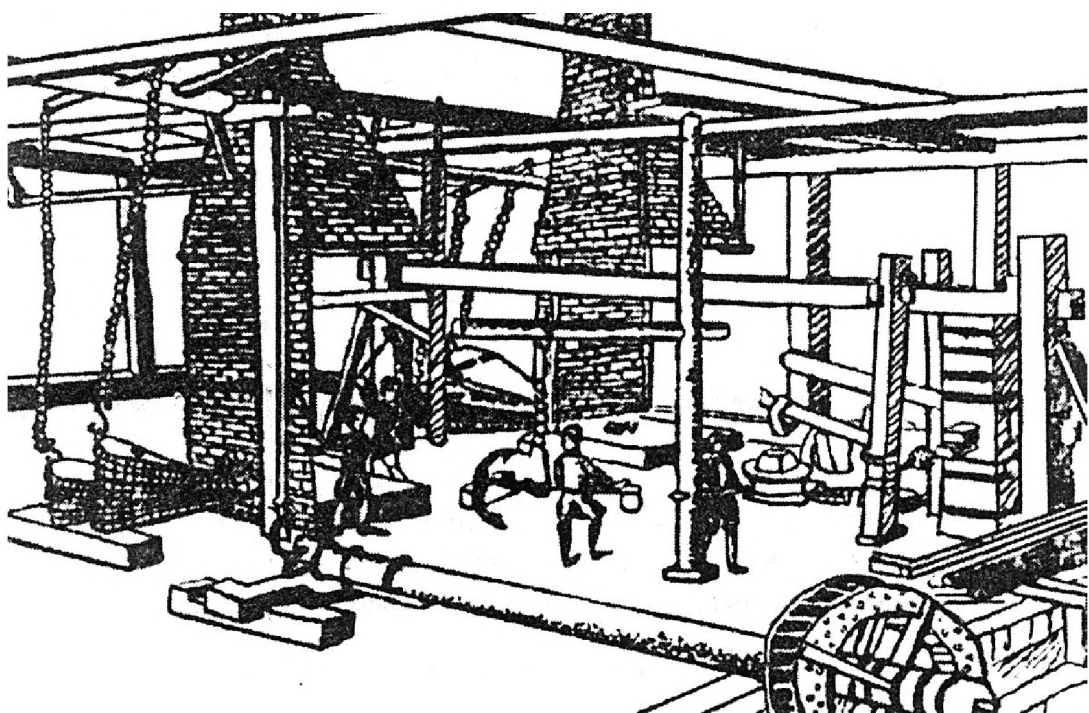
Проволочная фабрика. Рис. XVIII в.

Заселение Оренбуржья

*Гора Преображенская в центре г. Орска. На этом месте
был впервые заложен г. Оренбург в 1735 г.*

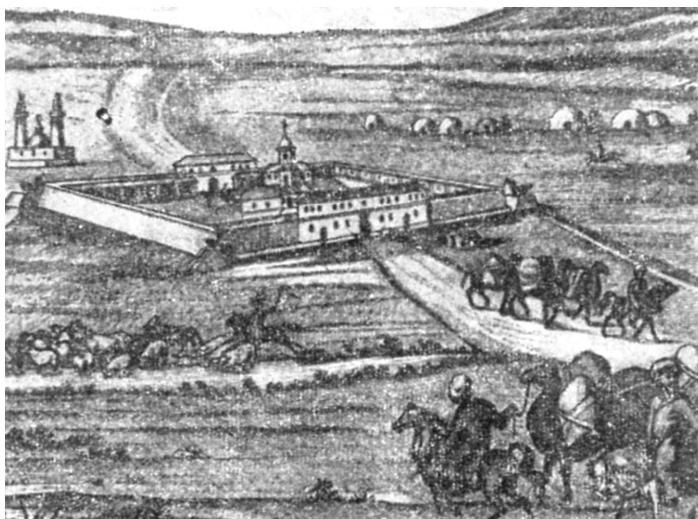
Якорная фабрика. Рис. XVIII в.

Углежжение на Златоустовском заводе. Начало XIX в.

Кожевник. Рис. XVIII в.

*Оренбургский меновой двор.
С гравюры XVIII в.*

*Коробейник.
Рис. XVIII в.*

Хивинский караван верблюдов в предместьях Оренбурга

Казак с верблюдом на базаре в Троицке

Главный вход в Меновой двор

«Меновой двор в Оренбурге». С картины академика Академии художеств России Н.Н. Гарановича (из музея Александра III), работавшего в Неплюевском кадетском корпусе

Сырьевой ряд и православная церковь на Меновом дворе

Вид на Гостиный двор с Введенской улицы (ныне ул. 9-го января)

Таможня в центре Гостиного двора

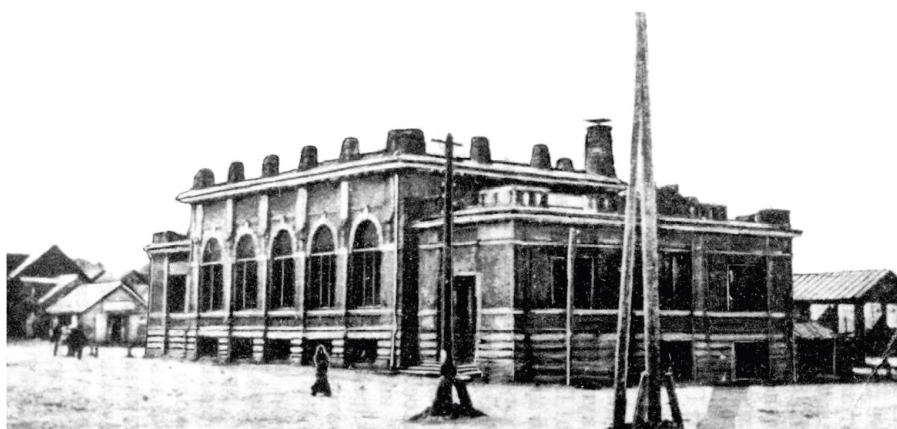
*Слева Гостиный двор со стороны Гостинодворской (ныне — ул. Кирова).
Справа — двухэтажное здание «Американской» гостиницы*

*Вокзал Самаро-Оренбургской, с 1901 г. Оренбургско-Ташкентской,
железной дороги*

Американская гостиница

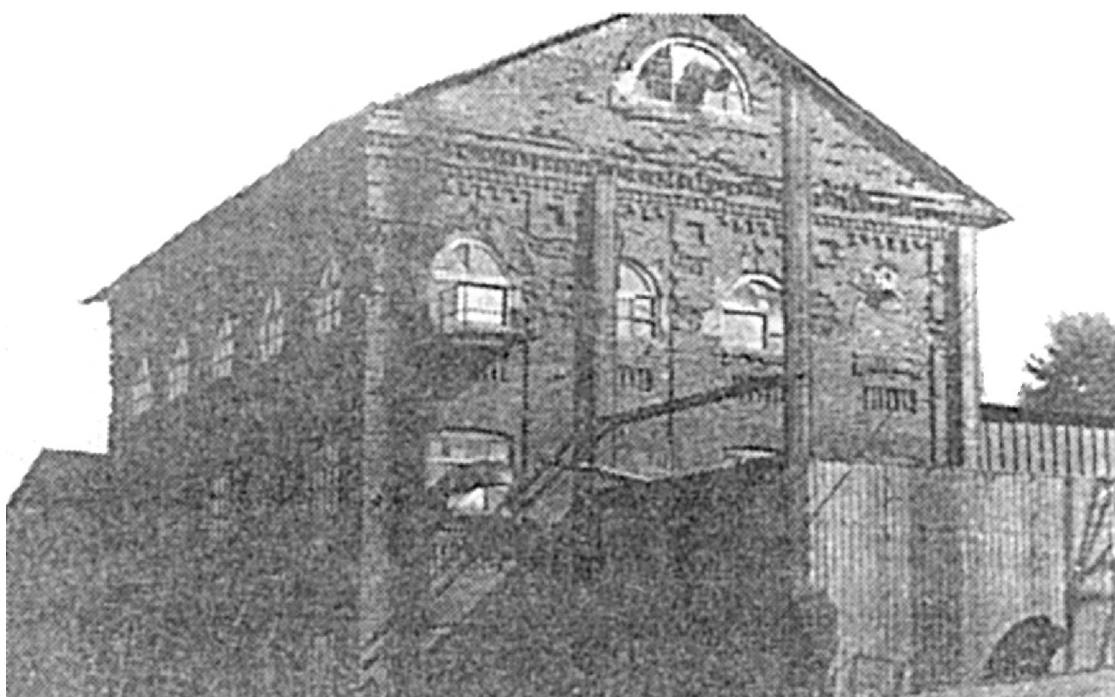
Биржа, основанная Юровым (ныне — клуб им. Ф. Дзержинского)

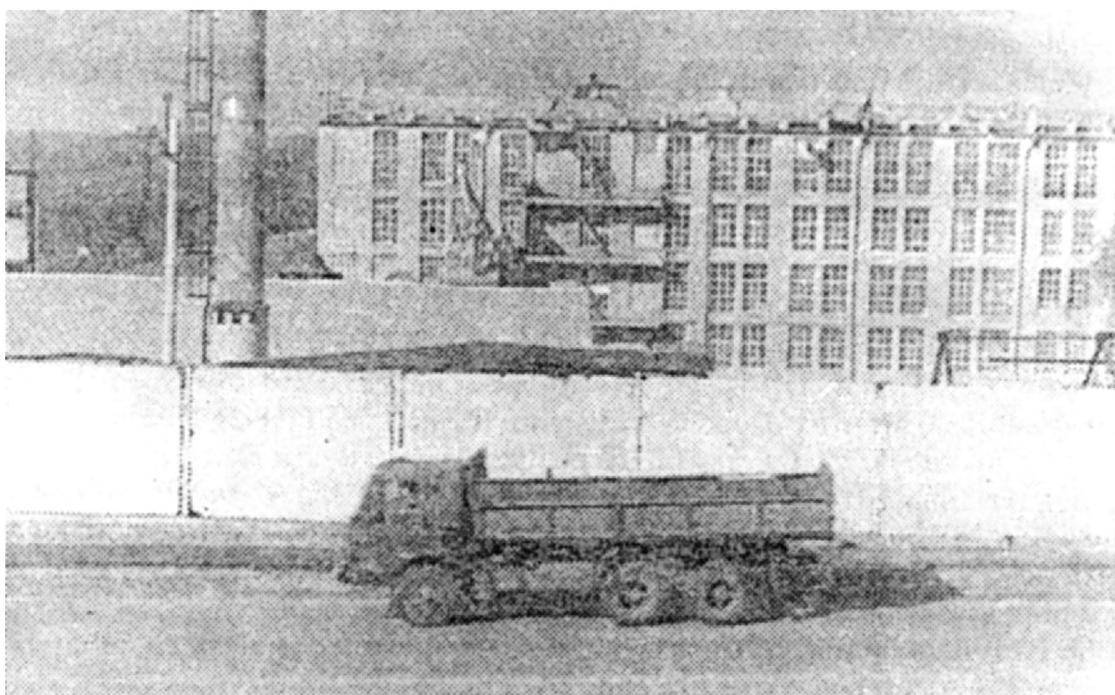
Дом купца Серикова

Дом купца Ф.П. Панкратова

Мельница купца Жоголева, ныне АО «Алина», г. Абдулино

Мельница купца Марканова, ныне АО «Алина», г. Абдулино

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	<i>3</i>
<i>I. Основание края и развитие "оренбургской коммерции"</i> <i>(вторая треть XVIII — конец XVIII в.)</i>	<i>8</i>
<i>II. Оренбургское предпринимательство</i> <i>в первой половине XIX века</i>	<i>27</i>
<i>III. Подъём предпринимательской деятельности</i> <i>в Оренбуржье (середина XIX в. — первая половина</i> <i>90-х гг. XIX в.)</i>	<i>52</i>
<i>IV. Оренбургское предпринимательство</i> <i>в конце XIX — начале XX вв.</i>	<i>83</i>
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	<i>104</i>
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	<i>106</i>

Издано за счет средств автора

Глуховский Виктор Филиппович

**История предпринимательства в Оренбуржье
(XVIII – начало XX вв.)**

Тех. редактор – *М.Н. Рябова*

Корректор – *Л.В. Иванова*

Комп. верстка – *Б.З. Хавин*

Подписано в печать 03.08.02.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 7,2. Печать оперативная.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Заказ № 1261. Тираж 100 экз.

Издательский центр ОГАУ, лицензия ЛР № 020429.
460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. Тел. (3532) 77-61-43

Отпечатано в Издательском центре ОГАУ